

"Магический камень апостола Петра"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Наталья Александрова

Магический камень апостола Петра

© Александрова Н.Н., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

- Куда ты завел нас, старик? - Мезигий, вождь аваров, подъехал к проводнику и ткнул его в спину черенком копья. - Здесь нет никакой дороги! Ты нарочно завел нас сюда!

- Не серчай, добрый господин, дорога будет! Я сотни раз прогонял здесь коз! - залепетал одноглазый старик, который вызвался проводить аварский отряд к берегу моря. - погоди немного, господин, солнце не успеет подняться высоко, как ты увидишь море!

- Смотри у меня, старик! С предателями у меня разговор короткий! - пригрозил Мезигий проводнику и ударил пятками свою мохнатую коренастую лошадь.

Тропа, по которой авары двигались с самого рассвета, привела их в горное ущелье, такое узкое, что два всадника не могли ехать рядом. Мезигий, родившийся в просторной степи, чувствовал себя здесь неуютно. Он то и дело оглядывался назад или вскидывал голову к крутым скалам, стиснувшим тропу с обеих сторон. Длинные волосы знатного авара были заплетены в косу, на голове красовался испанский медный шлем с черным орлиным пером.

После удачного похода в Италию Мезигий со своим отрядом двигался на Восток, он хотел поступить на службу к византийскому базилевсу, который хорошо платил наемникам. К его отряду присоединилось немало славных воинов из числа герулов, лангобардов, везиготов и других германских племен.

Мезигий нагнал молодого германского воина Герузия и вполголоса сказал ему:

- Смотри в оба, парень. Не нравится мне этот проводник. Да и само это место не нравится. Здесь обитают иллирийцы, они многочисленны, как речной песок, и дерутся, как настоящие дьяволы. Становись в конец колонны и держи свой меч наготове.

Немногословный германец кивнул, придержал свою лошадь и дождался, пока отряд прошел мимо него. Тогда он закинул щит за спину и двинулся вперед, быстрым взглядом окидывая сужающиеся стены ущелья, над которыми голубела узкая полоска выцветшего неба.

Под одеждой он чувствовал прикосновение заветного кожаного кисета, в котором хранилось его самое большое сокровище, один из тех драгоценных камней, которые он с друзьями-германцами нашел в Вечном городе Рима...

И тут где-то наверху, в этой блеклой синеве, прокричала хриплым голосом какая-то птица.

И словно в ответ на этот крик сверху полетели камни.

- За мной! - крикнул Мезигий и погнал своего коня к нависшей над тропой скале, на ходу натягивая лук.

Под этой скалой камни не причиняли воинам вреда, но здесь мог поместиться не весь отряд.

Герузий остался снаружи, он соскочил с коня и метался, с трудом уворачиваясь от падающих сверху обломков. Он искал глазами проводника, но того и след простыл.

Германец с трудом увернулся от огромного камня, прижался спиной к скале – и тут наконец увидел врага.

Невысокие, широкоплечие, крепкие иллирийцы с длинными темными волосами сползали со скал, размахивая своими короткими кривыми мечами, издавая устрашающие вопли, похожие на клекот хищных птиц. Их было так много... казалось, сами горы порождают их, к ужасу беспечных пришельцев.

Авары, увидев противника, оживились и выступили из своего укрытия, оцетинившись копьями.

Герузий перекинул щит через левое плечо и метнулся вперед, размахивая мечом. Мимо то и дело со свистом пролетали длинные иллирийские стрелы с двойным наконечником, но германец не был пока ранен. Он увидел прямо перед собой иллирийского воина в увенчанном перьями шлеме, бросился на него, замахнулся мечом. Иллириец отбил его удар своим кривым мечом, сделал ответный выпад. Германец ударил еще раз с такой силой, что меч выпал из руки его противника и отлетел в сторону. Тогда Герузий снова взмахнул своим мечом и вонзил его лезвие в грудь иллирийца. Тот покачнулся и упал на колени, а затем ничком свалился на горячую каменистую землю.

И тут другой, не замеченный Герузием иллириец ударил его по голове тяжелой палицей.

В голове зашумело, Герузий покачнулся и упал, как подрубленный дуб.

Впрочем, скоро он пришел в себя.

Он лежал на земле, над ним склонились несколько иллирийцев, они разглядывали его и переговаривались на своем языке, похожем на птичий клекот. По выражению их лиц германец понял, что враги решают его судьбу. Один из них то и дело хватался за кривой меч – видно, хотел немедленно прикончить германца, другие возражали, наверное, доказывали, что за такого крепкого раба на невольничьем рынке в Рагузе неплохо заплатят. Герузий попытался подняться, чтобы встретить смерть как подобает воину, – но руки и ноги его были крепко связаны кожаными ремнями.

Тут один из иллирийцев склонился над ним, обшарил его одежду.

Герузий напрягся, но он ничего не мог поделать – и иллириец нашел заветный кисет.

Распустив тесемки кожаного мешочка, иллириец вытряхнул на ладонь камень...

Словно маленькое солнце вспыхнуло на его руке, разбросав по ущелью золотые лучи. Иллириец побледнел, уронил камень, упал на колени, в страхе уставившись на Герузия, и так, на коленях, отполз к своим товарищам, громко клекоча на своем птичьем языке. И остальные тоже закричали, замахали руками, попадали на колени.

Через минуту вокруг столпилась вся шайка иллирийцев, они кричали по-своему, показывая то на камень, то на германца.

Наконец вперед вышел один из них, самый старший, и заговорил на языке римлян, хорошо знакомом Герузию:

- Прости нас, могущественный господин! Мы не знали, с кем имеем дело, иначе не подняли бы руку на посланца Живого Бога. Прости нас и не таи зла. Мы не сделаем тебе ничего плохого. Не обрушивай на нас тяжесть своего гнева.

Он опустился на колени рядом с Герузием, перерезал ремни на его руках и ногах и отступил к своим соплеменникам. Иллирийцы отступили, пятясь, и через минуту исчезли, словно горный склон поглотил их.

Герузий поднялся, удивленно оглядываясь.

Чуть в стороне от него лежали несколько мертвых тел – авары и иллирийцы вперемешку. Остальных его спутников не было видно, должно быть, Мезигий с боем вырвался из ущелья. Германец поднял камень, убрал его обратно в кисет и спрятал на груди.

Он вспомнил тот далекий день, когда они, четверо германцев, нашли в римском подземелье мертвого старца, на груди которого лежал золотой крест с четырьмя драгоценными камнями. Старый римлянин, который против своей воли привел их в то подземелье, прежде чем погибнуть, сказал, что тот старец был великим святым, учеником и посланцем нового Бога. Германцы не придали большого значения его словам, они извлекли камни из креста и поделили их между собой [1].

И вот сейчас этот камень спас Герузию жизнь и свободу... должно быть, тот старец и впрямь был великий человек!

Герузий не привык подолгу задумываться.

Он поправил свою одежду, перекинул щит за спину и зашагал вперед – его коня нигде не было.

Солнце еще не успело зайти, когда он вышел из ущелья и увидел впереди отряд Мезигия.

Вождь аваров, увидев германца, удивленно поднял брови:

- Как тебе удалось вырваться от этих дьяволов? Я был уверен, что ты погиб!

- Я и сам так думал, – ответил германец, – на меня упал какой-то здоровенный иллириец, он заслонил меня от смертельного удара, а потом, когда дьяволы ушли, я выбрался из-под его трупа.

Герузию совсем не хотелось рассказывать, что на самом деле произошло в ущелье.

- Лот двенадцатый! – важно провозгласил аукционист. – Средневековый золотой кубок, украшенный чеканкой и подлинным драгоценным камнем! Начальная цена – восемьсот тысяч евро!

вернуться

1

См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

В зале поднялся шум – многие пришли на аукцион именно из-за этого кубка, вокруг которого было столько слухов и разговоров. Впрочем, как и положено на таких солидных мероприятиях, шум был тоже солидный, сдержанный. Агния оглядела зал и увидела в двух концах поднятые программки.

- Господин в пятом ряду – восемьсот пятьдесят... – промурлыкал довольный аукционист, – дама в восьмом ряду – девятьсот... кто предложит больше?

Он поднял молоток, но господин в пятом ряду – худощавый элегантный брюнет лет пятидесяти – снова поднял программку.

- Господин в пятом ряду – девятьсот пятьдесят...

Агния знала, что этот аукционист прежде работал метрдотелем в дорогом московском ресторане, где его и увидел владелец аукционного дома. Метрдотель произвел на него впечатление своим холемым видом и красивым бархатным голосом, и бизнесмен сделал метрдотелю выгодное предложение. Тот немного поднатаскался в терминологии, запомнил несколько специфических аукционных приемов и вот уже третий год успешно проводил аукционы.

- Дама в восьмом ряду – миллион... – проговорил ведущий и первый раз ударил по столу молотком. – Раз... два...

И тут в заднем ряду мелькнула еще чья-то рука.

- Господин в заднем ряду – полтора миллиона! – воскликнул аукционист, и глаза у него замаслились от удовольствия.

Агния с интересом взглянула на нового игрока. Впрочем, к нему повернулись почти все в зале.

Это был незнакомый человек, мужчина не первой молодости, в старомодном вельветовом пиджаке и шейном шелковом платке. По виду – дешевый пижон. Но, конечно, не дешевый, если он торгуется за бесценный кубок, да еще набавляет цену сразу так много...

- Раз... два... три... продано! – Аукционист последний раз ударил по столу молотком и удовлетворенно провозгласил: – Продано господину в последнем ряду за полтора миллиона евро!

А покупатель поднялся со своего места и неторопливо направился к столу аукциониста.

- Извините, господин, – попытался тот остановить его. – Вернитесь, пожалуйста, на свое место!

- Но я хочу взглянуть на свою покупку, – как ни в чем не бывало проговорил покупатель.

В зале зашумели.

- Но у нас так не принято... – настаивал аукционист. – Вы получите свой кубок сразу после завершения аукциона...

- Не принято? – переспросил таинственный покупатель, подходя к сцене. – Всякие правила существуют для того, чтобы их время от времени нарушать!

Он протянул руку и взял со стола кубок.

Аукционист наконец опомнился и махнул рукой охраннику:

- Останови его!

- Ну уж нет! - проговорил покупатель, поворачиваясь к залу. - Господа, моя фамилия - Демонже, возможно, вам приходилось обо мне слышать. И я намерен сейчас, на ваших глазах, проверить, действительно ли на этом аукционе продают подлинные антикварные изделия или же здесь нагло обманывают клиентов!

Агния привстала: события развивались неожиданным и удивительным образом.

Она не раз слышала о Викторе Демонже, легендарном художественном эксперте и борце с подделками антиквариата и произведений искусства. Демонже был фигурой легендарной, загадочной, он работал на крупные аукционные дома и страховые компании, по слухам, имел связи с Интерполом, и ему удалось в свое время раскрыть несколько громких дел, связанных с мошенничеством в антикварном бизнесе. Он брал огромные гонорары, но от клиентов у него не было отбоя. Вот и сейчас, догадалась Агния, Демонже действует по заданию какого-то конкурирующего аукционного дома...

- Так не делается! - выкрикнул аукционист. - У нас все лоты тщательно проверены, все имеют необходимые сертификаты подлинности, подписанные ведущими экспертами...

- Тогда почему же вы не позволяете мне взглянуть на мою покупку? - насмешливо осведомился Демонже. - Вам же нечего бояться. Или я ошибаюсь?

Охранник подошел к сцене и вопросительно взглянул на ведущего.

Шум в зале усилился. Кто-то из клиентов, привстав, крикнул:

- Не мешайте ему! Пусть проверит кубок! Мы все хотим знать, не обманывают ли нас на этом аукционе!

- Да, пусть он проверит кубок! - зазвучали голоса в разных концах зала.

Аукционист побледнел и закусил губу.

Он не знал, как поступить: пресечь попытку Демонже? Вывести его из зала на глазах у десятков людей? Но тогда престиж аукциона будет разрушен, он утратит доверие обеспеченной публики, на репутации фирмы появится огромное, несмываемое пятно, а в этом бизнесе репутация - это все...

- Хорошо, - неохотно проговорил он после секундного раздумья, - проверяйте... правда, я не знаю, как вы это сделаете в отсутствие лаборатории! Мне кажется, в таких условиях невозможно проверить подлинность кубка!

Охранник, переглянувшись с шефом, отступил в сторону.

Демонже поднялся на сцену с кубком в руках и повернулся к залу, как университетский лектор.

- Уважаемый аукционист совершенно прав, - проговорил он выразительным, хорошо поставленным голосом, - серьезная научная экспертиза такого сложного изделия требует значительного времени и сложного оборудования. Ни тем ни другим я в данный момент не

располагаю...

- Чего же вы в таком случае хотите? – вмешался аукционист тоном оскорбленной невинности. – Для чего же вы устроили этот скандал, прервав работу аукциона?

- Подождите! – Эксперт поднял руку. – Я еще недоговорил! Разумеется, я не могу сейчас провести доскональную экспертизу кубка – но я и не собираюсь это делать. Я видел заключения экспертов, проверивших кубок после аукциона «Ка Чезаре», и не имею причин им не доверять. А также не сомневаюсь, что перед нами – тот самый кубок, который был продан в Венеции...

- Так в чем же дело?

- Дело в том, что я хочу проверить не весь кубок, а только украшающий его камень, вот этот сапфир, известный под именем «Сердце Запада». Все мы слышали, что после того, как кубок привезли из Венеции, камень из него был вынут и похищен...

- Но все также слышали, что похититель этого камня арестован, камень у него найден, конфискован и возвращен законным владельцам! – вмешался аукционист, который пришел в себя и попытался снова овладеть ситуацией.

- Поймите, я не договорил! Я имею основания считать, что подлинный камень заменили подделкой. Не знаю, кто это сделал, и не хочу гадать, но я попробую прямо сейчас, у вас на глазах, произвести небольшой эксперимент...

Агния следила за происходящим на сцене как за увлекательной остросюжетной пьесой. Впрочем, и все остальные участники аукциона были очень взволнованы. Один только Демонже был спокоен и уверен в себе. Он достал из кармана черный футляр и вынул из него небольшой хромированный прибор.

- Это – компактный спектрофотометр, – проговорил эксперт, демонстрируя прибор залу, – не буду мучить вас техническими деталями, но суть сводится к тому, что при его помощи я хочу определить химический состав этого камня. Дело в том, что, как вы, должно быть, знаете, по своему составу сапфир – простой оксид алюминия, насыщенный цвет которому придают ионы железа. Опять же не буду нагружать вас лишними научными подробностями...

Демонже поднес свой прибор к камню и включил его. Шкала прибора засветилась, на ней появились сначала цветные полосы, а затем – какие-то ряды цифр.

- Итак, – проговорил эксперт, подняв прибор над головой и показывая его залу, – мы видим, что спектрометр указывает на наличие в камне большого количества ионов титана. А вы, господа, наверное, знаете, что титан был открыт только в восемнадцатом веке одновременно в Германии и Англии. Значит, камень, который мы с вами видим, не только искусственного происхождения, но и сделан вовсе не тысячу лет назад, как нас пытаются уверить, а куда позднее, подозреваю, что совсем недавно, скорее всего, прямо перед аукционом...

- Это ложь! – воскликнул аукционист, понимая, что ситуация окончательно вышла из-под контроля. – Это неслыханно! Наш аукционный дом пользуется прекрасной репутацией...

- Не знаю, насколько эта репутация заслуженна! – перебил его Демонже. Он говорил спокойно и, казалось, негромко, но тем не менее его голос был отчетливо слышен даже в самых дальних рядах.

«Все ясно, – подумала Агния, – Демонже наняли конкуренты «Русской старины», какой-то другой аукционный дом хочет выгнать их с рынка и захватить освободившееся место... поэтому он и устроил такой спектакль, проверку камня прямо в зале аукциона, чтобы об этом скандале узнало как можно больше людей».

– Все мы знаем, что незадолго до аукциона камень был похищен, – продолжал Демонже, – правда, потом его якобы нашли и вернули владельцам, однако я не знаю, правда ли это. Во всяком случае, похищение – если оно действительно имело место, а не подстроено – это очень удобный момент, чтобы заменить подлинный камень имитацией. Должен признать – очень искусной имитацией...

– Это неслыханно! – горячился аукционист. – Мы никогда не опустились бы до изготовления подделок! Нужно еще проверить вашу экспертизу...

– Мы ее, разумеется, проверим, – хладнокровно проговорил Демонже, – теперь ведь я собственник кубка, не так ли? И, как его собственник, я буду настаивать на проведении тщательной независимой экспертизы...

Он выразительно взглянул на аукциониста и продолжил, немного смягчив интонацию:

– Я, конечно, не настаиваю на том, что это именно вы подделали камень. Возможно, это сделал похититель, в руках которого камень находился достаточно долго, возможно, это сделали последние владельцы кубка, но аукционный дом в любом случае должен был тщательно проверить выставленный на продажу старинный артефакт, и если вы этого не сделали, то несете за это полную ответственность... вы знаете это не хуже меня...

В это мгновение дверь аукционного зала распахнулась, и в него, как ракета, влетела Алина, вдова покойного владельца кубка Антона Борового. Агния оживилась – прежде она работала на Борового, но когда тот был убит, Алина выгнала ее со скандалом [2].

Алина была в ярости, лицо пылало, дорогая прическа растрепалась. За ней бежал охранник, он безуспешно пытался остановить ее, но Алина шипела, как разъяренная кошка, и отмахивалась от охранника, стараясь угодить ему в лицо длинными маникюренными ногтями.

За спиной Алины в дверях зала замаячило холеное лицо владельца аукционного дома. Он тоже был взбешен всем происходящим и ожег аукциониста многообещающим взглядом.

– Ты на кого бочку катишь, козел? – завопила Алина, прорываясь к сцене. – Ты говоришь, что это я камень подделала? Да я тебя в порошок сотру! Да я от тебя живого места не оставлю! Да ты меня еще не знаешь, козел!

Двое охранников совместными усилиями с большим трудом оттащили Алину от сцены.

Агния тихонько поднялась и вышла из зала.

Ей совсем не хотелось, чтобы вдова Борового заметила ее – тогда Алина сразу нашла бы новый объект для своей ярости, и Агнии не поздоровилось бы.

Выйдя из зала, Агния не увидела завершения скандала.

Также она не увидела, как пятью минутами позже ее из зала вышла неприметная худощавая девушка в скромном с виду, но явно дорогом темном платье. Эта девушка покинула здание, села в дорожную черную машину и направилась к выезду из города.

Через час она уже подъехала к загородному дому, окруженному высокой глухой стеной.

Металлические ворота послушно разъехались. Черная машина въехала во двор и по усыпанной гравием дорожке, обсаженной розовыми кустами, подъехала к большому двухэтажному дому из золотистых бревен. Девушка выбралась из машины. Прежде чем подняться на крыльцо, она быстро оглядела двор. Двор был пуст, только в дальнем конце участка работал садовник.

Девушка стремительно поднялась на высокое крыльцо, подошла к двери, взглянула в глазок камеры – и дверь послушно распахнулась перед ней.

Она вошла в холл, одну из стен которого занимал огромный, сложенный из натурального камня камин. На полу перед камином лежала настоящая медвежья шкура.

Не задерживаясь в холле, девушка поднялась по деревянной лестнице на второй этаж, прошла по узкой галерее и остановилась перед второй дверью.

Выждав несколько секунд, девушка постучала.

- Входи, Лиза! Я тебя жду! – донесся из-за двери мягкий, музыкальный голос.

Девушка вошла и оказалась в небольшой комнате, вся обстановка которой состояла из нескольких одинаковых стеллажей и длинного рабочего стола, на котором стояли два микроскопа и еще несколько сверкающих хромом приборов. Рядом с микроскопом стояла коробка, в которой были разложены несколько ярких тропических бабочек. За столом сидела пожилая женщина с аккуратно уложенными волосами цвета темного меда.

Возле ног этой женщины лежала огромная черная собака. При появлении девушки собака поднялась, подошла к ней и приветливо завиляла хвостом.

Женщина оторвалась от микроскопа и взглянула на вошедшую.

- Ну как, Лизонька, тебе что-то удалось узнать? К кому перешел тот кубок?

- Это не играет роли, – ответила девушка, – в кубке – фальшивый камень.

- Это точно? – Женщина взглянула на Лизу пристально, настороженно, недоверчиво.

- Абсолютно точно. Камень – новодел. Сапфировое стекло с добавками окиси титана. Сделан, правда, очень хорошо, но это не играет никакой роли...

- Что ж, этого следовало ожидать... – на лбу женщины появились складки. – Камень прошел через много рук, и к каким-то из этих рук он прилип... придется выяснить, у кого он находится сейчас, но это – не такое простое дело, слишком много людей оказалось замешано... впрочем, пока это придется отложить.

- Отложить? – удивленно переспросила девушка. – Но вы говорили, Елена Юрьевна, что этот камень – приоритетная задача! Что нужно отложить все остальные дела и заниматься только им...

- Не камень, а камни! – поправила ее женщина, – Кроме этого сапфира, есть еще три камня, и один из них как раз сейчас замаячил на горизонте. Вот им мы и займемся, сейчас для этого сложились очень подходящие обстоятельства...

- Кого вы планируете подключить к работе?

- Прoshлый раз мы пытались решить вопрос чисто силовым методом, подключив Полковника. Но Полковник, как ты помнишь, не справился с задачей...

- Еще бы мне не помнить, - Лиза улыбнулась одними губами, в глазах ее блеснули золотистые искры, - ведь это мне потом пришлось с ним разбираться...

- Так вот, - Елена Юрьевна сделала вид, что не обратила внимания на ее слова, - на этот раз мы будем действовать тоньше. Собственно, кое-какие действия я уже предприняла. Подключила к этому делу некоего Виталика.

- Кто такой Виталик? - Лиза неприятно удивилась тому, что у Елены Юрьевны есть, оказывается, еще доверенные люди, которые помогают ей в делах. И о которых она, Лиза, ничего не знает. Этот вопрос следует выяснить, причем как можно скорее.

- Лиза, ты слушаешь меня? - В голосе хозяйки прозвучало недовольство.

- Да-да, простите, - отозвалась Лиза.

- Так вот, Виталик - специалист деликатного профиля. И его деятельность требует некоторой подготовки. Но сейчас, я думаю, подготовка эта завершена. И камень как раз всплыл на горизонте.

- Что стучишь? - Охранник открыл форточку на двери камеры, заглянул внутрь.

Перед дверью стоял человек среднего роста, с красными, воспаленными глазами. Ничего особенного - ни мощной мускулатуры, ни больших связей с уголовными авторитетами, однако сокамерники относились к нему с боязливым уважением.

- Что стучишь? - повторил охранник, разглядывая заключенного. - Я сейчас тебе так по башке настучу...

- Я хочу встретиться со следователем, - проговорил тот, подслеповато моргая, - я хочу сделать признательные показания.

- Будет тебе следователь, - хмыкнул охранник.

Через час заключенный сидел в кабинете следователя Мухина.

Следователь разглядывал его с любопытством.

Этот человек находился под следствием по делу об убийстве охранника коммерческой фирмы, занимавшейся антиквариатом, а также о явно преднамеренном ДТП, организованном на Пулковском шоссе, в результате которого погиб водитель той же самой фирмы.

Интуиция говорила Мухину, что за этим человеком тянется длинный хвост других преступлений, но упорный подозреваемый на контакт со следствием не шел.

вернуться

2

См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

При аресте у него был изъят крупный и красивый драгоценный камень – сапфир, предположительно извлеченный из средневекового кубка. Этот камень вернули владелице – хозяйке все той же антикварной фирмы, точнее, вдове прежнего владельца, Антона Борового [3].

Еще этот человек выделялся из общей массы заключенных тем, что никто не знал его настоящего имени. Во время ареста при нем были найдены документы на имя Сергея Ивановича Иванова, но при тщательной проверке эти документы оказались поддельными, а арестованный настаивал на том, что он – действительно Сергей Иванович Иванов, тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения, уроженец города Тамбова.

Неувязка была только в том, что Сергей Иванов, родившийся в Тамбове в том далеком году, умер в возрасте шести месяцев и похоронен там же, в Тамбове.

- Ну что, Иванов, – проговорил следователь насмешливо, – решил все же заговорить? Или ты не Иванов?

- Иванов, Иванов! – закивал заключенный. – Самый что ни на есть настоящий Иванов!

- Настоящий Иванов умер! – рявкнул Мухин, но тут же взял себя в руки, вспомнив, что подследственный сам попросил о встрече, значит, надумал что-то о себе рассказать.

- Ну, и что же ты мне хотел сообщить?

- Хотел облегчить свою совесть и сообщить о совершенном мной преступлении, – проговорил заключенный.

- Я слушаю, – следователь включил диктофон и придвинулся поближе, – я внимательно слушаю.

- Это я в две тысячи одиннадцатом году убил бизнесмена Аккуратова.

- Что?! – Следователь удивленно уставился на своего визави. Тот замолчал, только моргал красными глазами.

- Ты это серьезно? – переспросил Мухин недоверчиво и сам почувствовал, что эти слова прозвучали глупо.

Дело было в том, что следствие по тому быломu делу давно уже закончилось, обвиняемый был осужден и отбывал срок в одной из сибирских колоний.

Правда, в деле имелись многочисленные неувязки, но без них обходится редкое дело. Вел то следствие некий Фуников, с которым Мухина связывали давние неприязненные отношения. После того дела Фуников сделал карьерный рывок и пошел на повышение, отчего неприязнь к нему Мухина, само собой, не уменьшилась.

- Серьезно, еще как серьезно! – насмешливо проговорил фальшивый Иванов. – Я могу на месте показать, как все произошло. И куда я спрятал пистолет. Кстати, это был «Глок-18».

Следователь хотел что-то сказать, выразить свое недоверие, но, услышав про оружие, поперхнулся и замолчал, в упор разглядывая «Иванова».

Аккуратов был убит пулей девятого калибра, и эксперты называли австрийский пистолет

«Глок-18» как наиболее вероятное орудие убийства. Но сам пистолет не был найден, и в прессу сведения о нем не просочились, так что никто посторонний не мог знать, из какого оружия был убит бизнесмен...

Что же из этого следовало? Что «Иванов» говорит правду, что он действительно убил Аккуратова или, по крайней мере, что-то знает об этом убийстве из первых рук.

Мухин заволновался.

У него появился реальный шанс подсадить Фуникова, доказать его некомпетентность и обойти на очередном карьерном повороте. Правда, оставался неприятный вопрос: зачем этому «Иванову» брать на себя лишнее преступление? Но этот вопрос можно будет решить позднее, а сейчас следовало ковать железо, пока оно не остыло.

- На месте, говоришь? - переспросил следователь. - И покажешь, куда пистолет спрятал?

- Покажу!

- Ну что ж, тогда завтра проведем следственный эксперимент! - Следователь машинально потер руки.

Сразу после этого Мухин вызвал охрану и отправил «Иванова» обратно в камеру.

Вернувшись в свою камеру, «Иванов» отозвал в сторонку одного из сокамерников, тощего, долговязого блондина, находившегося под следствием по делу о мошенничестве с кредитными картами, и вполголоса сказал тому:

- Ты сегодня встречаешься с адвокатом. Так вот, скажи, чтобы он позвонил по этому телефону, - «Иванов» продиктовал семь цифр, - и сказал - ход «Е2-Е4». Запомнил?

- Запомнил, - испуганно кивнул мошенник.

Как и остальные сокамерники, он ужасно боялся «Иванова» и готов был сделать что угодно, только бы не навлечь на себя его гнев.

На следующий день «Иванова» вывели из камеры во двор следственного изолятора, где уже ждала большая черная машина. На переднем сиденье, рядом с водителем, сидел следователь Мухин. «Иванова» посадили сзади, в зарешеченном отсеке, вместе с двумя крепкими охранниками.

Машина выехала со двора и направилась в сторону Таллинского шоссе, туда, где был убит злосчастный бизнесмен Аккуратов.

Мухин лениво смотрел по сторонам, на проносящиеся за окном машины, новостройки. Он уже представлял, как раскроет то резонансное дело, представлял, как его представят к очередному повышению, а Фуникову, наоборот, объявят выговор...

Из этого приятного мечтательного состояния его вывело удивленное восклицание водителя:

- Что же он творит? Какого черта...

Мухин вытаращил глаза и успел разглядеть, как из-за поворота вылетела грузовая фура, помчалась на красный свет и со страшной силой врезалась в их машину.

Раздался грохот, звон бьющегося стекла, металлический скрежет... и следователь Мухин потерял сознание.

Правда, он довольно быстро пришел в себя и открыл глаза.

Их машина перевернулась, она лежала на боку перед витриной кондитерского магазина. Прямо против своего лица Мухин увидел огромный свадебный торт, украшенный шоколадными фигурками жениха и невесты. Мухин пошевелился, пытаясь понять, насколько сильно он пострадал, и понял, что висит в глупой и беспомощной позе на ремне безопасности и что его руки и ноги как будто целы. Рядом с ним на таком же ремне висел водитель. Лицо его было окровавлено, но глаза открыты и смотрели почти осмысленно.

Мухин с трудом отстегнул ремень и кое-как выбрался из машины. Оказавшись снаружи, он увидел, что задняя часть автомобиля пострадала гораздо сильнее, ее почти снесло. Видимо, туда пришелся основной удар. Рядом на тротуаре лежали три бесчувственных, окровавленных тела – два охранника и «Иванов».

Грузовая фура, послужившая причиной трагедии, исчезла в неизвестном направлении.

Как ни странно, первой мыслью Мухина было, что следственный эксперимент провалился, что начальство будет недовольно и что теперь ему не удастся подследить злодея Фуникова. На всякий случай он подошел к подследственному и оглядел его. Лицо «Иванова» превратилось в кровавое месиво, однако, когда следователь попытался проверить пульс, он убедился, что «Иванов» жив. Значит, еще не все потеряно. Можно будет провести следственный эксперимент, когда подозреваемый снова будет в надлежащей форме.

Схватив чудом уцелевший мобильный телефон, Мухин позвонил своему непосредственному начальнику, чтобы сообщить о трагическом происшествии и вызвать помощь.

Впрочем, помощь и так уже приближалась – неподалеку завывали на разные голоса сирены машин «Скорой помощи» и полиции. Вскоре машины подъехали к месту аварии и остановились.

Мухин подошел к коллегам, объяснил им ситуацию.

Те поняли его с полуслова.

Раненых охранников погрузили в машину «Скорой помощи» и отправили в дежурную больницу, для «Иванова» вызвали специальный транспорт, предназначенный для перевозки раненых заключенных. Приехавший с этой машиной фельдшер сделал пострадавшему какие-то уколы, на его руках, несмотря на тяжелое состояние, защелкнули наручники. Мухин сел в эту же машину, чтобы не потерять контроль над ценным свидетелем, и приказал ехать обратно в следственный изолятор.

На полпути раненый пошевелился и проговорил слабым, прерывающимся голосом:

- Где я? Что со мной? Куда мы едем?

- Известно куда – домой! – проворчал Мухин. – Домой, в следственный изолятор!

- В изолятор? – переспросил раненый и попытался приподняться. – А почему у меня на руках наручники?

- Порядок такой! - оборвал его Мухин. - Раз ты не в камере - заключенному положены наручники!

- По... почему заключенному? - пролепетал раненый. - Я старший сержант Емангулов, третий отряд...

вернуться

3

См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

- Что? - удивленно переспросил Мухин. - Что вы несете, заключенный?

- Я старший сержант Емангулов, третий отряд...

Упорство раненого и особенно его заметный восточный акцент заставили Мухина насторожиться. Он задал раненому несколько вопросов, на которые мог ответить только сотрудник охраны, - и тот на них ответил совершенно правильно.

Мухин приказал водителю остановиться и уставился на раненого, пытаясь понять, что же произошло.

Правда доходила до него медленно и с трудом.

Наконец он понял, что хитрый «Иванов» обвел его вокруг пальца, каким-то образом связался со своими сообщниками, подстроил аварию и, пока сам Мухин был без сознания, успел поменяться одеждой с одним из охранников... свое лицо и лицо охранника он так измазал кровью, чтобы обоим невозможно было узнать...

Значит... значит, этого «Иванова», опасного преступника, за которым числятся по меньшей мере два убийства, сейчас везут на машине «Скорой помощи» в обычную гражданскую больницу, откуда тому очень легко будет сбежать!

Осознав все это, Мухин снова схватил телефон, чтобы переговорить со своими коллегами и направить в больницу группу захвата, а также каким-то образом связаться с машиной «Скорой помощи» и предупредить медиков, что они везут опасного преступника.

Группу захвата в больницу отправили, но персонал машины «Скорой помощи» не отвечал ни по одному телефону и сама машина исчезла в неизвестном направлении.

Неприметная темно-серая машина проехала мимо Владимирского собора, мимо Кузнечного рынка и остановилась на тихом перекрестке. Здесь, в полуподвальном помещении, много лет существовал небольшой антикварный магазинчик, принадлежавший весьма скользкому и подозрительному типу, известному в узких кругах под выразительной кличкой Бармаглот. Свою кличку Бармаглот получил не только за грубые и некрасивые методы ведения бизнеса, но и из-за сходства этой клички с его настоящей фамилией. По паспорту Бармаглот был Михаилом Михайловичем Готовым.

Дверца темно-серой машины распахнулась, из нее вышел человек среднего роста, в темных очках и в куртке с поднятым воротником. Если бы этого человека увидел следователь Мухин,

он, возможно, узнал бы в нем таинственного заключенного, скрывавшегося под именем Сергея Ивановича Иванова.

А возможно, не узнал бы – темные очки и поднятый воротник меняют внешность. Но Мухин никак не мог его увидеть – после неудачного следственного эксперимента, во время которого фальшивый Иванов сбежал, Мухина отправили в город областного подчинения Волковоевск для укрепления тамошнего отдела внутренних дел.

Поправив волосы характерным небрежным жестом, бывший Иванов неторопливо подошел к двери полуподвального магазина и удивленно уставился на нее.

Дверь была закрыта, причем, судя по толстому слою пыли, закрыта уже давно.

Рядом с магазином подметал тротуар дворник, трудовой мигрант из Средней Азии. Увидев человека в темных очках, он остановился, опершись на метлу. Видно было, что ему хочется поговорить.

- Закрыт, что ли, магазин? – спросил его «Иванов».

- Закрыт, однако, давно закрыт. Как хозяина побили, так, однако, и закрылся...

- Побили, говоришь? – переспросил «Иванов». – Кто же его побил? И за что? Хотя ты, наверное, не знаешь...

- Почему не знаешь? – обиделся трудовой мигрант. – Я как раз все знаешь! Я здесь давно дворник работаю, а дворник все знаешь! Жулик он, Бармаглот! Жулик, однако, и нехороший человек! Меня и то несколько раз обманывал! Говорил – приходи, Змиетдин, подмети около магазина, я тебе за это денег дам! Я приду, подмету – а он, однако, обманет, никаких денег не даст...

- Ну, не за это же его побили...

- Однако, не за это! – согласился дворник и понизил голос: – За камень его побили!

- За камень? – переспросил «Иванов», стараясь не показать свой интерес. – За какой еще камень?

- За дорогой, однако, камень! – сообщил мигрант страшным шепотом. – Сильно дорогой камень! Он тот камень одному человеку продал, потом другому... ну, те люди его и побили!

- Вот как! – «Иванов» снова поправил волосы своим характерным жестом и направился к машине.

Собственно, сам Бармаглот его не интересовал. Он надеялся найти в его магазине Павла, мастера на все руки, который по приказу Бармаглота сделал два поддельных сапфира, чтобы продать их под видом старинного драгоценного камня, сапфира по имени «Сердце Запада», извлеченного из средневекового кубка.

Этот драгоценный камень был уникальным и бесценным: по легенде, когда-то он вместе с тремя другими камнями украшал крест, принадлежавший святому Петру...

Настоящий сапфир в то время был у самого «Иванова», и он обратился к Павлу, чтобы тот сделал для него еще одну копию камня. При помощи этой копии «Иванов» хотел сыграть свою

собственную игру, заработать большие деньги.

Павел с работой справился, сделал три поддельных сапфира очень высокого качества, однако, когда «Иванов» пришел в его мастерскую за своим камнем, произошла случайная путаница, невольным виновником которой стал кот Павла по кличке Чиппендейл, и «Иванов» вместо настоящего сапфира унес поддельный [4].

Почти сразу после этого киллер был арестован и попал в следственный изолятор. Во время ареста при нем нашли драгоценный камень синего цвета и документы на имя Сергея Иванова, а настоящее его имя так и не смогли выяснить.

Находясь в следственном изоляторе, «Иванов» узнал, что конфискованный у него при аресте камень оказался фальшивым. И вот теперь, вырвавшись на свободу, киллер хотел найти Павла и выяснить, к кому же в результате всех этих запутанных событий мог попасть подлинный сапфир.

Не найдя Павла в магазине, «Иванов» не слишком расстроился: он знал его домашний адрес. Павел со своей больной дочерью проживал в двухкомнатной «хрущевской» квартире на проспекте Ветеранов. Туда-то и поехал «Иванов» прямо от магазина.

Дверь подъезда «хрущевки», в которой жил Павел, была оснащена домофоном, но кто-то из жильцов постарался этот домофон испортить, чтобы не возиться с ключом, поэтому «Иванов» без труда вошел внутрь и поднялся на третий этаж. Остановившись перед дверью квартиры, он привычным жестом поправил волосы и позвонил.

Трель звонка раскатилась за дверью, но никто на нее не отреагировал, никто не подошел к двери и не открыл ее. Более того, из-за двери не доносилось никаких звуков, говорящих о присутствии людей, – ни шума льющейся воды, ни шкворчания жарящихся котлет, ни звука включенного телевизора.

Это было странно – конечно, сам Павел мог куда-нибудь уйти, допустим, на новую работу, но его дочь Леночка, развитие которой остановилось на уровне пятилетнего ребенка, никуда не выходила в отсутствие отца.

«Иванов» на всякий случай позвонил еще раз, и на этот раз скрипнула соседняя дверь. Эта дверь немного приоткрылась – насколько позволяла дверная цепочка, – и на лестницу выглянула дородная старуха в лиловом шелковом халате.

– Вы кто такой? Вам кого надо? – спросила она с врожденной подозрительностью в голосе и во взгляде.

– Я из оздоровительного центра, – сообщил «Иванов», поправляя волосы, – к Леночке. Лечебный массаж сделать.

– К Леночке! – протянула соседка. – Поздно спохватились! Они с Павлом давно уже уехали!

– Уехали? – переспросил «массажист». – А почему нам ничего не сообщили?

– Уж этого я не знаю!

– А куда уехали – вы тоже не знаете?

– Павел что-то говорил... – соседка задумалась. – Вроде к родственникам в деревню. То ли в

Вологодскую область, то ли в Новгородскую... или вообще в Саратовскую... нет, не помню! Не буду врать!

- Выходит, я зря приехал...

- Выходит, зря!

«Иванов» поблагодарил соседку и собрался уходить, но та снова окликнула его:

- Пойдите, мужчина! А вы массаж всем делаете? Мне бы тоже хорошо массаж, от спины очень помогает!

- Я только по предварительной записи работаю, - отмахнулся «массажист».

- А за сколько же времени нужно записываться?

вернуться

4

См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

- За полгода.

Выйдя из неказистой «хрущевки», киллер сел за руль своей машины и задумался.

Павел с дочерью уехал куда-то в глушь, видно, очень боялся, что история с камнем получит продолжение. Никаких следов мастер не оставил. Конечно, найти можно кого угодно, но такие поиски потребуют слишком много сил и в особенности времени. А вот как раз времени-то у него и не было. Все же полиция его упорно ищет.

Притормаживая на перекрестке, Агния вдруг осознала, что ужасно хочет есть. Просто желудок скручивает. Так, и когда же она ела в последний раз? Кажется, утром выпила чашку кофе с тостом. Да еще в доме не было ни масла, ни сыра, она снова забыла заехать в супермаркет. А сейчас на часах... так, уже половина пятого. И за весь день не было у нее минутки, чтобы перекусить. Вот такая вот жизнь у деловой женщины. Работа отнимает все время.

Краем глаза она увидела вывеску небольшого ресторанчика где-то за перекрестком. Все, на сегодня хватит! Сейчас она остановится и поест. Не спеша, как дед учил. К еде, говорил он, надо относиться с уважением, не запихивать в себя все подряд, как в мусорный контейнер. Тогда все пойдет на пользу и не будет никаких болезней.

На этот раз она была так голодна и взвинчена, что даже сердце не кольнуло привычно, когда вспомнила деда.

Хотя эта картина всегда будет стоять перед глазами... тогда, два года назад по звонку соседки - дескать, что-то у вас не в порядке, одна дверь открыта и на звонок никто не отзывается, - примчалась Агния сломя голову и нашла деда лежащим на ковре в кабинете. Тело его уже остывало. И не сердечный это был приступ, и не апоплексический удар, а самое настоящее убийство.

Вот именно, ее деда, самого близкого Агнии человека, убили и ограбили. Дед был крупным коллекционером, было в квартире множество ценных вещей. Взяли немного, только небольшие предметы. Разумеется, убийство это полиция не раскрыла.

Агния тогда просто заболела от горя, так что думать об этом смогла только гораздо позже. Дед был очень разумным и осторожным человеком, было в квартире две двери и датчики на окнах.

Одна дверь – суперпрочная стальная, и замок хитроумный, вторая – деревянная, но такой толщины и прочности – простым топором не разрубишь. И получается, что дед сам впустил в дом своего убийцу. Что, конечно, тоже маловероятно, потому что случайному человеку он бы дверь не открыл.

Что же остается? Выходит, дед хорошо знал своего убийцу?

Агния потрясла головой, чтобы отогнать печальные мысли, и сосредоточилась на парковке.

Ресторан оказался итальянским. Об этом говорили желтые керамические тарелки на стенах и статуя римской волчицы посреди зала. Помещение было небольшим, уютным и пустоватым – время обеда прошло, а ужин еще далеко.

Агния выбрала удобный столик в углу и откинулась на мягком диванчике, с удовольствием вытянув ноги. Тут же подошла официантка с меню.

«Съесть тарелку спагетти со сливочным соусом и наплевать на все диеты... – сонно подумала Агния, – а потом десерт какой-нибудь калорийный... и кофе...»

Официантка, приняв заказ, ушла. Чтобы не заснуть, Агния взяла со стойки в углу газету. Обычная рекламная лабуда, а вот тут, на последней странице... Ага, это она, конечно, уже слышала, да что там слышала – можно сказать, видела все собственными глазами, но все равно почитать интересно.

«Позавчера, на антикварном аукционе «Русская старина», что проходит ежегодно в Юсуповском дворце, разразился ужасный скандал, – писал репортер, – поскольку один из лотов, выставленный на аукцион, оказался фальшивкой. Это золотой кубок, датируемый пятнадцатым веком. Кубок три месяца назад был куплен погибшим при невыясненных обстоятельствах антикваром Антоном Боровым. Нынешняя владелица кубка госпожа Боровая предоставила аукционному дому все документы, свидетельствующие о подлинности кубка. И каково же было возмущение экспертов, когда выяснилось, что кубок – подделка!»

Госпожа Боровая устроила прямо в зале истерику, обвиняя организаторов аукциона в том, что они подменили ее лот. «Это неслыханно! – заявил один из организаторов аукциона. – У нас серьезное, авторитетное мероприятие, никогда не было неприятностей подобного рода!»

На вопрос, отчего же сразу эксперты не смогли определить подделку, наш источник заметил, что документы с легендарного венецианского аукциона «Ка Чезаре», где первоначально был куплен кубок, ввели их в заблуждение. Теперь они будут подходить к определению подлинности лотов более тщательно, так как не хотят портить репутацию аукциона «Русская старина».

К статье прилагались две фотографии. Взъерошенную Алину Боровую выводят из зала двое дюжих охранников, а вот и сам кубок. Издалека снят, видно, ближе репортера не подпустили.

Агния внимательно рассмотрела фотографию. И с вполне объяснимым злорадством отметила,

что Алина Боровая на снимке выглядела ужасно – растрепанная, красная, с выпученными глазами и распахнутым в крике ртом.

Да, быстро отлились этой драной кошке Алине мышкены слезки. Нетрудно представить, какими словами наградила Алина всех присутствующих. Всегда была чрезвычайно неводержанна на язык, да еще и полная дура.

Всего три месяца прошло с тех пор, как орала она на Агнию в кабинете покойного Борового, обзывала воровкой, даже драться порывалась. Думала, что Агния украла камень из кубка – удивительной красоты и величины синий сапфир [5].

Агнию тогда выгнали с работы, опозорили, подлец Лисовский – бывший адвокат Борового – раззвонил по всему городу о том, что она нечиста на руку.

Хотел ей мелко напакостить, да только себе хуже сделал – сразу же фирма Борового упала в цене. Да, кстати, что-то не видно рядом со вдовой Борового жуликоватого адвоката, видно, как и думала Агния, обобрал он ее да и скрылся в неизвестном направлении.

Кстати, репортер этот все переврал, как обычно. Кубок сам не фальшивка, он действительно старый, не пятнадцатого века, а, пожалуй что, девятого-десятого. Вот камень – тот самый сапфир – подделка. Но тут уж вмешалась сама судьба, наказала мадам Боровую.

А может, и не наказала, а просто так было нужно. Именно так Агния и приняла все, что случилось с ней три месяца назад, – как указание перста. И это не конец, потому что камней, которые, по легенде, были вставлены в крест святого Петра, было четыре. И Агния знает только, где сейчас находится первый, тот самый сапфир, который называют «Сердце Запада». Но рано или поздно эти камни должны собраться вместе. Так что история еще далеко не закончилась.

И нужно ждать, что же будет дальше. А пока что Агния погрузилась в работу – ее взяли директором в бывшую фирму Борового. И, кроме работы, ни о чем думать не может – уж слишком много дел. Все на ней. Ни с кем не встречается, только по работе. Никакой, в общем, личной жизни.

Агния вздохнула, но мимолетно – что толку расстраиваться, если ничего не можешь изменить? Да и не хочется, в общем...

Официантка принесла огромную тарелку дымящихся спагетти с лососиной и отдельную розетку с тертым пармезаном. Агния проглотила голодную слюну и набросилась на еду, из последних сил стараясь соблюсти приличия. Впрочем, никто на нее не смотрел.

Закончив, она выпила минеральной воды и откинула голову на спинку дивана.

После еды ее охватила приятная истома, не хотелось никуда ехать. В конце концов, обойдутся без нее на работе, тем более что скоро вообще конец рабочего дня. У нее-то, Агнии, день, конечно, ненормированный, иногда до позднего вечера приходится задерживаться в офисе. Поездки опять же...

Но сегодня она поедет домой, отключит все телефоны и просто отдохнет. Деда вспомнит. Сколько времени провели они в этой квартире вдвоем!

Бабушка умерла очень рано, как и отец Агнии, ее сын. У них была какая-то тяжелая наследственная болезнь сердца, которую, к счастью, не унаследовала Агния. Дед больше не

женился, с женой сына он и раньше был не в лучших отношениях, но внучку очень любил и часто брал ее к себе. Когда Агния окончила школу, то и поселилась у деда.

вернуться

5

См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

Мать ей не препятствовала, она к тому времени снова вышла замуж, и отношения ее дочери к своему мужу очень не одобряла. Она вообще дочь не одобряла – ни выбора профессии, ни образа жизни. Но Агнии на это, по большому счету, сейчас глубоко наплевать. Они с матерью давно уже чужие люди.

Вот и получается, что нет у Агнии никакого близкого человека, не к кому обратиться в случае чего. Ну, будем надеяться, что такого кошмара, как три месяца назад, у нее в жизни больше не случится.

- Десерт будете? – без надежды на успех спросила неслышно подошедшая официантка.

- Буду! – Агния открыла глаза. – Вот этот, с маскарпоне, и кофе потом покрепче.

В ожидании десерта Агния рассеянно смотрела перед собой, и вдруг в зале ресторана появился кто-то очень знакомый.

У двери стояла молодая женщина, которую Агния определенно знала. Женщина была дорого и со вкусом одета, но вид имела несколько растерянный. Она озиралась по сторонам, не делая попыток сесть за свободный столик, и вот уже направилась к ней официантка, но тут Агния узнала ее и позвала:

- Алиса! Алиса Журавлева!

Алиса обернулась на голос, в глазах ее медленно проступило узнавание, а затем – самая настоящая радость.

- Агаша! – крикнула она и бросилась через зал к столику Агнии. – Ну это же надо, какая встреча!

Она отмахнулась от подошедшей официантки – потом, потом! И обратила лицо к Агнии.

- Как я рада тебя видеть!

Агния тоже была рада. Они с Алисой учились вместе на искусствоведческом. Не то чтобы близко дружили, но общались. Где теперь все девчонки? Кто – замужем, кто – за границей.

Таких, как Агния, то есть студентов, которые учились с целью действительно получить профессию, чтобы потом работать по специальности, было в группе немного. Основной контингент составляли дочери обеспеченных родителей, которым нужно было просто провести время до замужества. Алиса Журавлева была из таких.

Но, как поняли потом соученики, не таким уж богатым был ее отец, потому что Алиска упорно искала себе обеспеченного мужа. Девчонки обратили на это внимание, потому что тогда еще в

институте по молодости никто об этом особенно не задумывался. Ну, будет когда-нибудь муж, да и ладно. А сейчас хочется свободы и развлечений. Агния еще и училась. Не только в вузе, многое почерпнула от деда. Времени на развлечения у нее было маловато, но все же общались они с девочками и с Алисой в том числе.

Хотя... вот теперь она вспомнила, что Алиску не очень любили. Какая-то она была беспокойная, все время как-то интриговала, нашептывала на ушко сплетни, а потом ни за что не признавалась, что слухи пошли от нее. Ну, впрочем, все это были какие-то мелочи, ни с кем открыто Алиса не конфликтовала.

- Вот теперь я тебя узнала окончательно, - улыбнулась Агния, - а вначале даже засомневалась - ты ли это? Ты зачем перекрасилась?

Волосы Алисы от природы были темными, она еще подкрашивала их сочно, в каштановый, и глаза тоже карие. Теперь же волосы были какого-то непонятного цвета - не то пепельный, не то русый. Неявный какой-то цвет, невыразительный. Алиса очень похудела, а может, так казалось из-за загара. Загар был получен явно не в солярии, уж это-то Агния могла отличить с первого взгляда.

Но, как тотчас определила Агния, при таком загаре Алиса не выглядела здоровой и отдохнувшей. Глаза, конечно, казались больше на похудевшем лице, однако под ними залегли темные круги, которые не скрыть было никаким макияжем. Впрочем, макияжем Алиса не злоупотребляла.

Официантка принесла пышный десерт и кофе. Агния ожидала, что Алиска сейчас поднимет брови и выскажется в духе того, что Агния совершенно не бережет фигуру, и уже резкий ответ приготовила - мол, не твое дело, со своей фигурой сама разберусь. Но Алиса только буркнула официантке не глядя «мне то же самое» и вздохнула, уставившись в окно.

- Ну, Журавлева, - сказала Агния, - выпьем за встречу хоть кофе, шампанского мне нельзя - за рулем.

- Угу, выпьем, - снова вздохнула Алиса, - только я теперь не Журавлева, а Канарская...

- Замуж вышла? - оживилась Агния. - Поздравляю и вижу, что удачно. Стало быть, исполнились мечты?

- С чего ты взяла, что удачно? - Алиса подняла на Агнию глаза, в которых отражалась вселенская тоска.

- Ну... - растерялась Агния, - одежда на тебе дорогая очень и опять же загар. Долго в теплых краях жила...

- Точно, у мужа вилла в Ницце. Что ж, Агния Иволгина - самая умная девушка в группе, как все считали. Так оно и есть.

С этими словами Алиса уронила голову на стол. Плечи ее вздрагивали.

- Алиска, что с тобой? У тебя что-то случилось? - растерянно спросила Агния.

- Да нет, - Алиса подняла голову и улыбнулась.

Точнее, сделала попытку улыбнуться. Только ничего у нее не получилось, улыбка вышла

кривой и болезненной, как будто зуб с той стороны ноет.

Принесли кофе и десерт. Алиса взяла ложку и стала вяло ковыряться в креманке. Минуты две они ели в полном молчании, потом Алиса отложила ложку.

- Аппетита нет, - вздохнула она, - ты уж извини...

- Как жизнь вообще? - спросила Агния, только чтобы что-то сказать.

- Ничего, - Алиса, казалось, успокоилась, - все потихоньку.

- Давно из Ниццы? Хотя видно, что недавно, загар у тебя хороший, явно не из солярия.

- Да, осенью в Ницце хорошо... - протянула Алиса грустно.

И вздохнула прерывисто, как будто стараясь удержать подступающие рыдания.

«Да что с ней такое? - изумилась Агния. - Сколько знаю Алиску, никогда она себя так не вела!»

- Ты-то как? - спросила Алиса. - Выглядишь неплохо...

- Да где там! - Агния засмеялась. - Замотанная вся, столько работы! Директором я на бывшей фирме Антона Борового... Читала в Интернете, что его убили в Венеции три месяца назад?

- Нет, как-то мимо меня это прошло... - Алиса отвернулась.

- Так что про девчонок ничего я не знаю, ни с кем не вижу, не до того. С тобой вот повстречались случайно. Если бы я есть не захотела, то мимо проехала бы... А ты как тут?

- Тоже случайно... Ты извини, я тебя, наверно, задерживаю! - Алиса встрепенулась и посмотрела на часы. При этом рукав джемпера задрался, и Агния увидела, что все запястье ее покрыто синяками.

- Что это у тебя? - удивилась она.

- Да нет, ничего! - Алиса нервно дернула рукав и убрала руку под стол. - Это я упала...

- Упала... - повторила Агния, - ну, не хочешь - не говори, я тебя не заставляю. А только как можно упасть, чтобы на всем запястье синяки были, это я не знаю...

Алиса отвела глаза, снова они помолчали. Агния допила кофе и хотела уже позвать официантку, чтобы расплатиться. В конце концов, не может же она тянуть из Алиски сведения клещами. Не хочет говорить - и не надо. А ей и правда пора...

Она оглянулась на Алису. И вся поза ее показалась Агнии такой беспомощной и трагической, что она даже вздрогнула. Сердце ее пронзила неожиданная жалость.

- Алиса, - она тронула подругу за руку, - ну правда у тебя что-то случилось?

- Случилось, только не сейчас, а два года назад, - Алиса подняла на нее сухие глаза, - замуж я вышла.

- Ну и... - Агния постаралась, чтобы в голосе ее прозвучал несомненный интерес.

Хотя на самом деле она почувствовала только досаду. Ну, никак не хотелось ей выслушивать сейчас про чужие неурядицы с мужем. У нее своих забот хватает, чтобы еще с чужими разбираться. Только, можно сказать, расслабилась впервые за долгое время, хотелось посидеть в тишине и ни о чем не думать, как вдруг такая неожиданная встреча. Теперь надо будет выслушивать все подробности Алискиной семейной жизни, утешать ее и все такое прочее.

К чести Агнии надо сказать, что она тут же устыдилась своих мыслей. В конце концов, с Алисой они знакомы давно, и от нее не убудет, если она даст приятельнице выговориться. Тем более что синяки имеются в наличии, а это уже серьезно. Так что нужно поговорить. А с кем Агнии еще общаться? На работе только по делу, скоро одичает совсем... Мужчины подходящего и то нет – ни в наличии, ни на примете. Какие-то все вокруг либо прочно женатые и немолодые, либо совсем несерьезные личности. А впрочем, может, так кажется на первый взгляд? Поскольку второго взгляда на них Агния никогда не бросает – некогда. Да и неинтересно, если честно. Это плохо, конечно, но так уж и есть. Как расстались они с... как же его звали? – угу, Андрей. Больше двух лет назад это было. И вроде бы долго встречались, поначалу-то очень он ей нравился, думали даже вместе жить. Потом как-то перегорело все, скучно стало. Агния вяло подумывала о том, чтобы прекратить это все вообще, Андрей, видно, тоже. Но никто не делал первого шага – лень, что ли, было...

А потом случилось самое страшное в ее жизни – деда убили. Агния тогда просто окаменела вся, подруга Анька только и помогла, растормошила ее, поддержала. А Андрей так и не проявился, воспользовался, так сказать, случаем. Ну и ладно, все к лучшему. «Надо же, – мысленно усмехнулась Агния, – чуть не замуж за этого Андрея собиралась, а теперь едва вспомнила, как его зовут... Что ж, все к лучшему...»

Что-то еще было в ее жизни хорошего, ах да, случайная встреча с доктором «Скорой помощи». Агния вспомнила, какое хорошее было у него лицо. Черты неправильные, но вызывающие доверие. Тогда здорово он ей помог, и она видела, что ему понравилась. Приличный человек, не стал с ней заигрывать, дал свою визитку, сказал – обращайтесь, если что. Ясно же, что ждал ее звонка. А ее тогда завертело с тем делом, а после визитка куда-то потерялась. Ну, видно, не судьба. А жаль.

– Ты меня знаешь, – заговорила Алиса, глядя куда-то вбок, – я все-таки не полная дура. И не наивная девочка. В людях не то чтобы разбираюсь, но все же приличного человека от какого-нибудь законченного придурка отличить смогу.

«Точно, – подумала Агния, – Алиска и тогда не дура была. Это все девчонки признавали...»

Вслух она ничего не сказала, чтобы не перебивать Алису.

– Так я раньше думала, – продолжала Алиса монотонным голосом, – а оказалось, что... В общем, когда познакомились мы с Эдичкой... Это его так зовут, Эдуард Канарский, красиво, да?

– Ну не знаю... – неуверенно проговорила Агния, – имя как имя... бывает хуже...

– Я ведь раньше не рассказывала ничего про себя, помнишь? – не слушая ее, продолжала Алиса. – Потому что говорить-то особо нечего было. Родители мои... отец, в общем, в перестройку случайно разбогател. Повезло ему, оказался в нужное время в нужном месте. Фирма у него была торговая. Что-то там перепродавал, вывозил-привозил, я, понятное дело, не вникала по молодости лет.

А мама... она как-то от денег этих маленько умом тронулась. Решила вдруг, что она – хозяйка жизни. И всегда будет. Планы у нее, как у Наполеона, образовались. Главное – чтобы деньги

были. Много денег. И вот она из отца их все тянула и тянула, его подгоняла – давай да давай.

Он пытался ее укротить – да куда там! Как с цепи сорвалась. Такой у нее настрой, со всеми бывшими подругами разругалась, возгордилась очень. Мы, говорила, теперь другие люди совсем. Меня после школы на искусствоведческий пристроила – незачем тебе, говорила, профессию получать, чтобы потом на работе горбатиться, по-другому будешь жить. Ну, я, конечно, согласна была, да и все у нас почти такие были, только ты всерьез училась, я помню...

Агния только кивнула, чтобы не перебивать Алису. Хоть бы уж скорее она закончила свою исповедь, потому что, честно говоря, домой охота – сил нет. Принять ванну с душистой пеной или просто поваляться на диване с книжкой. Да хоть телевизор посмотреть, сто лет она этот ящик не включала!

– Отец весь в работе был, чтобы с матерью поменьше общаться, я своими делами занята, однако понимала все же, что как-то ненадежно наше положение, – монотонно говорила Алиса. – Даже с матерью как-то поссорились мы – что уж, говорю, такие у тебя амбиции, когда не так уж мы и богаты.

«Разумно рассуждала Алиска, – подумала Агния, – впрочем, она всегда была неглупа...»

– Короче, как окончили мы институт, отец умер, – продолжала Алиса. – Много работал, рискнул сильно в одной операции, его партнеры кинули, или уж не знаю что, только расстроился он сильно, вечером пришел с работы, сел в кресло, да и умер, «Скорой» не дождался. Они приехали, сказали – инфаркт. Дело, говорят, обычное, мужчины его возраста и положения находятся в группе риска.

– Сочувствую... – тихонько вставила Агния.

– Да что уж теперь... это пять лет назад было... – вздохнула Алиса, – в общем, мать после смерти папы совсем с катушек сошла. Не то чтобы от горя, а от злости. Что он, понимаешь, обманул ее надежды, бросил на произвол судьбы. Все наперекор ей сделал.

– Да что ты? Как же можно... он ведь умер...

– Вот так, – горько усмехнулась Алиса, – с ней говорить об отце стало невозможно. А она продолжала глупости делать. Разругалась вдрызг с его компаньоном, он выплатил ей какую-то небольшую сумму денег, она и подписала отказ от претензий. Даже я понимала, что задарма она фирму продает, только ей невтерпеж было, хотелось живые деньги в руки получить.

Агния невольно подумала, что ведь у нее тоже очень плохие отношения с матерью, что та тоже все делает по-своему и что в такой ситуации, как у Алисы, наверняка мать не стала бы слушать ее советов. Хорошо, что у нее был дед, который воспитывал, учил, помогал и поддерживал внучку. Да просто любил. А вот Алиске, похоже, любви не досталось. Не было у нее никого – ни братьев, ни сестер, отец умер, с матерью совсем отношения испортились.

– Деньги, конечно, мать промотала по-быстрому. Осталось кое-что – квартира, дом загородный, еще квартира наша старая. Надумала мать дом продавать, тут я возмутилась – ничего же не останется, как дальше жить станем? Умерь, говорю, свои аппетиты, нужно перестраиваться, отца теперь нет, откуда деньги взять?

Говорю ей это и вижу, что не понимает она меня, не слушает совсем. Ей главное – образ жизни свой поддержать вот прямо сейчас, а что потом будет – она и думать не хочет. В общем, поругались мы с ней донельзя. Я ведь тоже на наследство отца право имею, а она хочет все

промотать. Но не судиться же с собственной матерью. Все равно толку не будет, только позориться – все ведь узнают.

- Это верно... – поддакнула Агния.

- В общем, оставила мне мать нашу старую квартиру, с тем и разъехались мы. Куда податься? Делать я благодаря мамочке ничего не умею, никакой полезной профессии не приобрела. Сунулась туда-сюда – денег обещают кот наплакал, а на самом деле выходит и того меньше. По тусовкам болтаться и мужа искать – вид не тот, только всякая дрянь липнет. Года два так проболталась – жила с одним типом, только он потом разорился. Так ему и надо, вечно деньгами попрекал и хамил.

С матерью мы совсем разошлись. Она, разумеется, деньги все прожила, потом ко мне с упреками – дескать, растили тебя, кормили-одевали, учили, так теперь изволь мать содержать. Меня бы кто содержал...

Агния поерзала на стуле и незаметно взглянула на часы. Как бы разговор поскорее закончить... Ой, как домой хочется!

- В общем, подвернулась мне работенка одна... – Алиса усмехнулась, – ты не поверишь. Познакомили меня с одной семейкой. Приехали они из Сибири, на чем-то там резко разбогатели. Отец такой, как медведь – ходит тяжело, смотрит хмуро, молчит, да как рявкнет. Жена его тоже тетка крупная, но вполне вменяемая, хоть разговаривать умеет. И дочка у них пятнадцати лет – вылитый папочка. Ужас, в общем.

Так вот жена не то чтобы умная, а знаешь, народная такая у нее смекалка, житейская. И говорит она мне по-свойски – сделай, мол, из моей Машки человека. Знаю, что красотой она не блещет, но научи хоть одеваться, себя держать, ходить нормально, а то вон, как медведица, передвигается. Все эти бренды-шменды чтобы наизусть знала и вообще, чем сейчас молодые увлекаются, обо всем ей представление дай. Чтобы в школе, где учиться (а они ее, конечно, в частную школу отдали за бешеные деньги), так вот, чтобы в школе пальцем на нее не показывали и полудурком не называли. Если, говорит, увижу, что дело с мертвой точки сдвинулось, уж не обижу, деньги в данном вопросе не главное.

Ну, я и согласилась, хотелось попробовать. Машка девка оказалась неплохая. Покладистая, что мать велела – то и делала. Меня слушала, пыталась цивилизоваться. Не сразу, конечно, но получше выглядеть стала, я даже к ней привязалась немножко. Дела у отца семейства шли неплохо, и весной поехали мы на Лазурный Берег. Отдохнуть и кое-какую недвижимость прикупить. Меня взяли, поскольку Машка без меня не соглашалась ехать, и опять же – язык. Они, все семейство, и по-русски не больно разговаривают, откуда уже тут иностранные языки! А у меня все же английская школа, и опять же на искусствоведческом французский и итальянский кое-как нам давали, за то спасибо. Вот в Ницце и познакомились мы с Эдиком...

В этом месте Алиса тяжело вздохнула и залпом допила остывший кофе.

- В общем, я как рассуждала? Человек солидный, меня на четырнадцать лет старше. Не мальчик, но и не старик. Опять же – с положением. Бизнес у него неплохо идет, вилла в Ницце... Короче, позвал он замуж, я и пошла. Думаю: это вариант подходящий.

Не сразу, конечно, решилась, несколько месяцев мы с ним так прожили. И вроде все хорошо, а потом... ты не думай, я ведь не полная дурочка, кое-что в жизни понимаю...

«Про это ты уже говорила», – невольно подумала Агния, но промолчала.

- Первое время вроде ничего все было. Ребенка даже хотела я родить. Но... он против был - подожди да подожди. Ну и ладно, у меня время еще есть... А потом как-то поехали мы на вечеринку к одним там... тоже русским. Ну, народу полно, музыка громкая, все разбрелись кто куда... Эдик ушел - по делу, говорит, поговорить кое с кем надо. А я встретила там - помнишь Димку Крученых? Он еще с Ленкой Ковалевой какое-то время встречался...

- Помню, у его отца частный музей, он Димку и пристроил на искусствоведческий, чтобы был при деле потом, - рассмеялась Агния, - да только все зря, Димка такой балбес...

- Угу, сам мне рассказывал, что такую скуку на него все это навевало. В общем, папочка дает ему сколько-то денег и отправляет с глаз долой. И Димка крутится среди обеспеченных людей - где-то что-то посоветует, где-то поможет купить, так и живет. В Россию, сказал, ни ногой. Климат ему здешний не нравится и вообще...

Короче, поболтали мы с Димкой, я обрадовалась, что знакомого встретила. А он же ведь знаешь какой - шумит, ржет, обниматься лезет. Ну, обычное дело, его никто всерьез не воспринимает...

- Конечно...

- Да только это я так раньше думала. Ну, в тот раз Эдик появился - поедом домой, говорит, я все дела закончил. Я еще с Димкой его познакомила - дескать, приятель старинный, учились вместе и все такое. Хорошо, хоть не стала при муже с ним на прощание целоваться. Он-то хотел, да я вовремя увернулась.

- А дома что было? - спросила Агния, примерно зная, какой будет ответ.

- Ну, что было... - Алиса смотрела перед собой остановившимся взглядом. - Не успели мы в холл войти и дверь за собой закрыть, Эдик как даст мне по лицу! И еще, и еще. Я кричу: «Что такое, за что?» А он весь белый стал и шипит так, голос у него пропал.

«Ты, - скрипит, - меня опозорила перед всеми, чтобы жена так себя вела - это вообще нужно мужа в грош не ставить». Я даже удивилась - да что я сделала-то? Ну, подумаешь, поболтала со старым приятелем, да мы с ним столько лет знакомы, никогда ничего с ним не было, даже и в голову не приходило.

Он не отстает, еще больше распалился, схватил меня, толкнул, я еле на ногах удержалась. Ты что, кричу, совсем рехнулся? Как смеешь со мной так? И в ответ ему по морде. Так только, задела легонько. Ну, за то и получила сполна. Здорово он меня избил, а как на пол бросил и я увидела, что ногой в лицо целится, так от страха сознание потеряла. Очнулась - он водой холодной на меня брызгает. Поднял, в спальню на кровать отнес, а я в зеркало боюсь заглянуть - вдруг нос сломал или вообще все лицо искалечил. Но вроде бы глаза смотрят, крови нет...

Принес он мне коньяка и воды, потом и говорит: «Прощения просить у тебя не буду, ты сама виновата. Я, - говорит, - не из тех мужей, которые спокойно смотрят, как жена при всех с любовником крутит». Я было хотела снова сказать, что Димка мне никто, да только он так на меня зыркнул, что язык заledenел. Ну, я молчу, а он и говорит, чтобы я урок усвоила и больше так никогда не делала, что он, мол, в такие моменты за себя не ручается.

И ушел в кабинет спать. А я поглядела на свое лицо - щеки опухли, синяки будут, а так ничего страшного. Видно, ногой все-таки не стал бить, опомнился.

Это я потом уж поняла, что если заведется он, то ни в коем случае нельзя ему сопротивляться,

от этого он еще больше звереет. А тогда по наивности думала, что если не буду больше на других мужиков смотреть, то и он успокоится.

- Все не так оказалось?

- Разумеется, - вздохнула Алиса. - Уж вроде бы как ему ни угождала - все напрасно. На тусовках этих хожу за ним как коза на веревочке, чтобы на виду быть. Он ворчит - не таскайся за мной, дай о делах поговорить. Я тогда говорю - останусь дома, что мне там делать? Снова побои - ты хочешь меня сплавить, а сама любовника принимать! До смешного уж доходило: с садовником или там с мусорщиком парой слов перекинешься - опять драться начинает.

- Чего же ты терпела, от него не ушла? - негодовала Агния.

- А куда? - Алиса опять пожала плечами. - Он мне прямо сказал, что ничего я не отсужу, как-то так у него все устроено, что при разводе ничего не получу. А куда ехать? К матери возвращаться? Да мы к тому времени совсем отношения прекратили. Она, видишь ли, как узнала, что я замуж вышла, так и намылилась у нас в Ницце жить.

Только Эдичка ей быстро объяснил, что к чему. Денег, сказал, на мало-мальски обеспеченную жизнь дам, и чтобы больше я вас, теща дорогая, в упор не видел. Следуйте в Россию по месту проживания. Я еще, дура, благодарила его.

- Да уж... - пробормотала Агния, больше сказать было нечего.

- Так и прожили два года... Потом у него дела здесь какие-то образовались, сюда вернулись. Так-то он неплохой... - Алиса как-то встрепенулась, - ты не думай, просто вот как находит на него. Но я, наверное, сама виновата, он прав. Неправильно себя веду. Он ведь честно предупредил, а я... все не так делаю...

- Все жертвы насилия так считают, - вспыхнула Агния, - это неверная точка зрения.

- Да ладно, ты сама знаешь, как в народе говорят: «Бьет - значит любит».

Улыбка у Алисы получилась очень грустной.

- Пойду я, - сказала она, положив на стол деньги за кофе.

- Ты без машины? - встрепенулась Агния. - Я отвезу!

- Да не надо... - вдруг Алиса покачнулась и оперлась о стол, - ой, что-то голова закружилась, кофе, верно, крепкий...

- Вот видишь, давай-ка на машине моей поедem. Тебе далеко?

- Да нет, тут почти рядом... Спасибо тебе, - слабым голосом сказала Алиса.

Вид у нее и правда был бледноватый, на лбу испарина, руки трясутся. Агния подхватила ее под руку, поймав на прощание удивленный взгляд официантки: вроде бы дамы приличные, сидели тихонько, спиртного не пили - так с чего бы это одну так повело?..

- Вот здесь, - Алиса показала на красивый шестиэтажный дом дореволюционной постройки, но явно недавно перестроенный и отремонтированный.

По фасаду дома шли изящные пилястры, балконы поддерживали строгие мускулистые кариатиды. На парковке перед домом стояли дорогие роскошные машины, рядом с которыми новенькое красное «Пежо» Агнии выглядело как деревенская замарашка на великосветском балу. Впрочем, Агния по этому поводу ничуть не комплексовала – она привыкла иметь дело с богатыми клиентами.

- Ну как ты – в порядке? – спросила она Алису.

- Не волнуйся, – ответила та слабым голосом. – Тут-то уж я дойду... здесь всего ничего...

Она выбралась из машины, шагнула к подъезду – и покачнулась, лицо залила бледность.

Агния выскочила следом, подхватила Алису под руку, помогла удержаться на ногах.

- Да что с тобой? – проговорила озабоченно.

- Ничего... – Алиса улыбнулась слабой, вымученной улыбкой и всем весом повисла на руке Агнии. – Сама не знаю...

- А ты, часом, не беременна?

- Да нет, что ты! Типун тебе на язык! Мне только этого не хватало ко всем неприятностям!

- Давай-ка я тебя доведу до квартиры.

- Мне так неудобно... ну ладно, вообще-то так, пожалуй, будет лучше... А то еще подумают, что я выпила... Эдик не любит...

Агния заперла машину, довела Алису до подъезда. Та достала электронный ключ, открыла дверь.

Они вошли в холл.

Агния огляделась с невольным почтением: по сторонам от входа стояли две статуи каких-то античных богов, в дальнем конце огромного холла виднелся внушительный камин, причем сразу было ясно, что камин этот действующий, вверх поднималась красиво изогнутая мраморная лестница, застеленная зеленой ковровой дорожкой.

Но лифт тоже, конечно, имелся. Причем этот лифт впечатлил Агнию не меньше, чем статуи и камин: кабина была просторная, как кухня в квартире самой Агнии, стены – зеркальные, возле задней стены стояла бархатная банкетка, рядом с ней – кадка с каким-то разлапистым комнатным растением.

Не успела Агния подумать, что банкетка в лифте – не самая нужная вещь, как Алиса на эту банкетку бессильно опустилась. Она закрыла глаза, так что Агния слегка забеспокоилась – что-то плохо совсем Алиске, не пришлось бы врача вызывать и с ней сидеть. Хотя... вот сейчас сдаст она подругу мужу, а там уж пускай сами разбираются.

Встревать между супругами – большей глупости и придумать нельзя. Тем более что Агния этого Эдичку и знать не знает. Отвратный, конечно, тип, раз жену бьет, но тут Алиса должна сама решить, устраивает ли ее такая жизнь. Господи, и угораздило же Агнию зайти в этот ресторан! Теперь макароны эти боком выйдут...

Кабина плавно поднялась на третий этаж.

Агния помогла подруге подняться, довела ее до двери квартиры. Алиса полезла в сумочку за ключами, но Агния увидела, что дверь неплотно закрыта, и толкнула ее.

Дверь медленно распахнулась.

- Что это? - удивленно проговорила Алиса и заглянула в квартиру. - Странно... Почему дверь не заперта?

- Ну, уж не знаю! Ну что, мы входим? - Агния хотела довести Алису до места и вернуться к своим делам, чувствуя, что терпение ее уже на исходе. Ну не в таких отношениях они были, чтобы так с ней возиться!

- Эдик! - слабым голосом крикнула Алиса. - Ты дома?

Из квартиры никто не отозвался.

- Странно... - повторила Алиса. - Он никогда не уходит, оставив дверь открытой... да и никто не уходит...

Она наконец вошла в прихожую, опираясь на руку Агнии, включила свет.

Прихожая была именно такая, какую ожидала увидеть Агния: помпезная, дурновкусная, с обилием лепнины и позолоты и таких размеров, что в ней свободно можно было припарковать пару внедорожников. Из нее вели в разные стороны несколько дверей.

Алиса опустилась на золоченый, обитый кожей пуфик с гнутыми ножками, бессильно уронила руки и проговорила слабым, прерывающимся голосом:

- Агаша, я понимаю, что беззастенчиво эксплуатирую тебя, но не могла бы ты принести мне воды?

- Без проблем. Только скажи, куда идти, а то в твоих хорамах немудрено заблудиться без компаса.

- Вон туда, - Алиса вяло махнула рукой в сторону левой двери.

Агния шагнула в эту дверь. На пороге она на мгновение задержалась - ей показалось, что из-за двери тянет холодом. Она преодолела непонятное внутреннее сопротивление и сделала еще один шаг вперед.

За дверью находилась огромная, светлая, роскошно оборудованная кухня.

Но Агния не смотрела ни на роскошные черные шкафы, ни на сверкающую бытовую технику. Она застыла на пороге кухни как громом пораженная.

Потому что прямо перед ней на полу лежал мертвый человек.

Агния попятилась и закрыла глаза. Она попыталась уверить себя, что труп на полу ей просто померещился. Вот сейчас она досчитает до пяти, откроет глаза - и не будет никакого трупа...

Досчитала. Открыла. Труп никуда не делся.

Он лежал на узорном кафеле, и вокруг его головы растеклась лужа чего-то темно-красного.

Агнии стало совсем худо. Ее охватил ледяной, могильный холод. Холод смерти. Она вспомнила, как два года назад вот так же стояла возле распахнутой двери на пороге комнаты, а на полу перед ней лежал мертвый человек.

Не просто человек – самый близкий, самый дорогой человек в ее жизни. Ее родной дед.

В глазах у Агнии начало темнеть, замелькали цветные пятна, она почувствовала, что еще немного – и потеряет сознание, упадет на пол рядом с этим мертвецом.

Нет, только не это! Она не может позволить себе упасть, не может утратить контроль над собой. Только не сейчас, не сейчас и не здесь, на глазах у Алисы. Она должна взять себя в руки. Если ей стало так худо при виде этого незнакомого мертвеца – каково будет Алисе увидеть мертвым собственного мужа?

А что на полу перед ней – муж Алисы, Агния не сомневалась. Больше здесь просто некому быть...

Она сделала еще один шаг вперед, наклонилась, чтобы проверить пульс лежащего на полу человека, но, едва дотронувшись до него, поняла, что искать пульс бессмысленно, он был мертв, давно уже мертв и успел даже остыть.

Тут за своей спиной Агния услышала тихий стон.

Она обернулась и увидела в дверях кухни Алису. Та и до того была бледной, но теперь у нее в лице вовсе не было ни кровинки, она стала бледнее полотна. Огромные как блюдца глаза были прикованы к мертвому человеку на полу.

– Э... Эдик... – пролепетала она, попятилась, отступив к самой стене, и начала медленно сползать по ней на пол.

Агния, которая и сама была не в лучшей форме, встряхнулась, взяла себя в руки, подскочила к подруге и схватила ее за плечи:

– Эй, Алиска, не падай! Держись!

Но Алиса уже сползла на пол, глаза ее закатились под лоб, потом веки опустились.

– Да чтоб тебя... – в сердцах пробормотала Агния, встряхнула Алису и пару раз ударила ее по щекам. Голова ее перекатилась со стороны на сторону, но глаза все же открылись. Взгляд был еще бессмысленным, но глаза все же смотрели вперед, на Агнию.

– Что... что случилось? – пролепетала Алиса слабым голосом. – Где я?

– У себя на кухне, – ответила Агния и попыталась поднять Алису с пола, – а насчет того, что случилось... ты обещаешь больше не падать в обморок? Обещаешь не отключаться?

– О... обещаю... – едва слышно проговорила Алиса. – А где... где Эдик?

– В том-то и дело... – Агния опасно следила за лицом подруги. – Тебе правда лучше? Ты держишь себя в руках?

– Да, да... ну, скажи наконец, что случилось? И что ты от меня загораживаешь?

– Дело в том, что твой муж, похоже, умер.

- Что? - Алиса вытаращила глаза на Агнию. - А я думала, что это мне померещилось... так это правда? Это он там лежит?

- Ну, вообще-то тебе лучше знать. Я твоего мужа до сего дня ни разу не видела, так что не могу сказать, он это или не он. Тебе лучше самой посмотреть, убедиться... если ты обещаешь больше не падать в обморок. Обещаешь?

- Обещаю! - Алиса кивнула и заглянула через плечо подруги.

Она снова охнула и вцепилась в плечо Агнии, так что та чуть не вскрикнула от боли.

- Да, это он, это Эдик! - прошептала Алиса. - Господи, я никак не могу в это поверить... он был такой здоровый, такой... крепкий... что с ним могло случиться?

- Похоже, ему помогли умереть. Видишь - кровь на полу? И потом, ты помнишь, дверь была не заперта... так что это не инфаркт и не инсульт, мне кажется, его убили...

Алиса только нечленораздельно бормотала, не сводя глаз с мертвого мужа. Ее била крупная дрожь. Наконец она бросила на Агнию страдальческий взгляд и едва слышно проговорила:

- Здесь так холодно...

Агния осознала, что на кухне действительно очень холодно. Гораздо холоднее, чем в прихожей. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться, но это не помогло.

- Кажется, это кондиционер... - Алиса шагнула в сторону, взяла со стола пульт дистанционного управления, нажала на нем несколько кнопок. Сверху потянуло теплым ветерком.

- Вот так-то лучше... - пробормотала Алиса и тут же повернулась к Агнии, схватила ее за руки:

- Что делать? Что делать? Я просто не представляю...

- Во-первых, нужно вызвать полицию.

- Ах, ну да, конечно... - Алиса закусил губу, затравленно взглянула на Агнию. - Я совсем ничего не понимаю и не умею... Эдик все делал сам, мне ни о чем не приходилось самой заботиться...

Агния вспомнила, как подруга жаловалась на мужа в ресторане, вспомнила синяки на ее руках... да, у всякой медали есть две стороны, за все приходится платить, но в чем она была совершенно уверена - это в том, что ни за что не хотела бы поменяться местами с Алисой. Даже если бы ее муж был жив...

Она решила обдумать все это на досуге, а сейчас сделать действительно необходимое - вызвать полицию.

- Приезжайте по адресу... - она назвала адрес, справившись предварительно у Алисы, - тут уб... человек мертвый.

- Уверены? - спросил дежурный. - Может, он по пьяному делу в отключке?

- Ты на адрес-то посмотри внимательно! - рассердилась Агния. - Много в этом доме людей, которые по пьяному делу в полной отключке находятся?

- Все бывает, - философски заметил дежурный, - однако ваша правда, нас по такому делу сюда

не вызывают, сами справляются.

В ожидании полиции Агния машинально оглядела кухню. Здесь, в общем-то, был порядок, только на столе стояли две пустые грязные тарелки и рядом с ними – несколько тоже пустых пластиковых контейнеров. Алиса, перехватив ее взгляд, потянулась к этим контейнерам, чтобы выбросить их в мусоропровод, но Агния остановила ее:

- Ничего не трогай, до полиции все должно оставаться как было.

- Ах да, я забыла...

- Лучше нам выйти... – Агния взяла подругу за локоть и подтолкнула к двери.

В прихожей Алиса заломила руки и принялась ходить, что-то бормоча себе под нос.

- Тебе бы лучше прилечь... – неуверенно сказала Агния, – или, по крайней мере, причешишь, приведи себя в порядок, тушь вон вытри, а то размазалось все...

Алиса скрылась в ванной, Агния же прошла по квартире. В спальне, в гостиной все было так же пышно и безвкусно.

«Странное дело, Алиска же все-таки на искусствоведческом училась, неужели не могла обставить квартиру прилично?»

Тут Агния осознала, что эта мысль в данный момент очень несвоевременна, и устыдилась.

Через десять минут в дверь квартиры позвонили.

На пороге возник крепкий коренастый мужчина лет тридцати пяти, начинающий лысеть, чисто выбритый и скромно, но аккуратно одетый. За его спиной топтались еще два человека с чемоданчиками.

- Капитан Перченко, – проговорил машинально лысеющий человек, и вдруг в его глазах проступило удивление: – Как? Это вы?

- А это – вы? – в тон ему проговорила Агния, и, несмотря на серьезность и даже трагизм положения, губы ее тронула чуть заметная улыбка.

С капитаном полиции Перченком она не так давно и очень часто встречалась во время расследования событий, связанных со старинным кубком, купленным на аукционе в Венеции [6].

Вот интересно, вроде бы у капитана даже роман завязался с ее подругой Анькой.

Ну не то чтобы роман, а так, отношения. Анька ведь ни за что не скажет, как там у них. И тогда, по окончании дела, они все втроем посидели даже в кафе и, кажется, перешли на «ты».

То есть те двое-то точно. А теперь вот этот самый Перченко смотрит официально и делает вид, будто впервые Агнию видит. Что ж, раз он так хочет, пускай так и будет.

- Вы как здесь оказались? – проговорил капитан, заметно смутившись. – Это же не ваша квартира?

- А вы как? – ответила Агния вопросом на вопрос. – Это же не ваш район! Или вы скажете, что

здесь вы задаете вопросы?

- Ну, зачем же так... мне скрывать нечего, меня сюда перевели по служебной надобности. А вот вы все же как здесь оказались? - Капитан, похоже, пришел в себя и успокоился.

- Это - квартира моей подруги... ну, не совсем подруги, но старинной знакомой. И я вообще-то нашла труп.

- Ну, тогда показывайте. - Капитан Перченоч спохватился и повернулся к людям с чемоданчиками: - Заходите, ребята! Это наши эксперты-криминалисты, - пояснил он Агнии.

Все вместе они зашли на кухню.

Алиса с потерянным видом сидела на стуле рядом с трупом мужа. Она, кажется, даже не заметила вошедших. И когда только успела проскочить из ванной, удивилась Агния мимолетно.

- Это кто - хозяйка? - вполголоса уточнил капитан у Агнии. - Жена потерпевшего?

- Да, это она, Алиса.

Капитан моргнул одному из экспертов, и тот поднес к носу Алисы какой-то пузырек. Алиса вздрогнула, глаза ее стали осмысленными, и она удивленно оглядела вошедших:

- Вы кто?

- Капитан полиции Перченоч. А вы...

- Алиса Канарская...

- Жена потерпевшего, как я понимаю?

- Да, его жена... - слабым голосом проговорила Алиса.

- Я понимаю, что вам сейчас нелегко, но все же мне придется задать вам несколько вопросов. Такая уж у меня работа...

- Спрашивайте!.. - Алиса пожала плечами.

Капитан легонько взял ее за плечи и вывел в гостиную, чтобы не мешать экспертам работать. Алиса шла за ним, как сомнамбула, не сопротивляясь.

- Ваша подруга сказала мне, что вы пришли вместе с ней, и это она нашла тело потерпевшего. Это так? - спросил капитан, усадив Алису на диван. Агния примостилась в уголке на стуле.

- Да, так...

- А где вы были до того?

- Мы с ней... с Агнией... сидели в ресторане...

Капитан повернулся к Агнии, вопросительно взглянул на нее:

- Вы это подтверждаете?

- Да, подтверждаю.

Капитан что-то записал у себя в блокноте, потом вышел к экспертам, которые возились с трупом:

- Ну как, что-нибудь выяснили? - услышала Агния. - Есть какие-то результаты?

- Пока - только предварительно, - ответил один из них. - Смерть наступила от огнестрельного ранения в грудь, должно быть, задето сердце, но точно можно будет сказать только после вскрытия. Судя по температуре тела, смерть наступила приблизительно около трех часов тому назад, но опять же - точнее можно будет сказать после вскрытия. Пока больше ничего...

- Ну и на том спасибо!

Капитан заглянул в гостиную и осведомился:

- Сколько времени вы провели в ресторане?

- Я... я не смотрела на часы, но думаю, около часа... - промямлила Алиса.

- Да, примерно час, - подтвердила Агния, - как раз я смотрела на часы, потому что мне нужно было еще кое-что сегодня сделать.

У нее мелькнула какая-то мысль, показавшаяся ей важной, но общая нервная обстановка и перенесенный шок задвинули эту мысль в глубину подсознания.

- Хорошо, - капитан опять что-то записал в блокноте и обратился теперь только к Алисе:

- А где вы были до ресторана? Дома?

- Нет, - быстро возразила Алиса. - До ресторана я была в салоне красоты. Салон «Навсикая», это на Караванной улице... можете проверить...

- Непременно проверим, - капитан снова что-то черкнул в своем блокноте.

Агния мимолетно подумала, что, когда Алиса появилась в ресторане, не было похоже, что она только что вышла от парикмахера. Алиса словно прочла ее мысль и смущенно добавила:

- Я делала там педикюр.

- И сколько времени вы там провели?

- Примерно два часа...

- Хорошо, мы это тоже проверим.

Капитан шагнул ближе и проговорил:

- Я видел на кухне две тарелки. Ваш муж с кем-то обедал?

- Со мной, - тут же ответила Алиса. - Мы заказали суши на дом, там и контейнеры от них остались.

- Ага! - Капитан переглянулся с появившимся в дверях экспертом. - Это может нам помочь... а

когда вам принесли суши, вы не помните?

- За полчаса до того, как я ушла. Примерно часов в двенадцать... - проговорила Алиса, что-то про себя прикинув.

- Ага, примерно в двенадцать... ну, мы это запросто уточним, это не проблема. У вас ведь остался телефон фирмы, которая доставляла вам заказ?

- Ну да, он где-то там должен быть... в ящике стола... - И эксперт тут же принес в гостиную рекламный проспект с телефонами. - Вот это... фирма «Такеша», круглосуточная доставка блюд японской кухни.

- Очень хорошо! - капитан спрятал проспект в свой портфель и снова повернулся к экспертам:
- Ну как, вы уже закончили с потерпевшим?

- Ну да, само собой, предварительно, но его уже можно увозить.

Капитан куда-то позвонил, скоро пришли двое мрачных молчаливых людей в голубой униформе, положили труп на носилки и унесли его из квартиры.

Эксперты еще несколько минут возились на кухне, что-то фотографировали, что-то посыпали черным порошком, обмахивали кисточками, обмениваясь какими-то непонятными непосвященным фразами, наконец и они ушли. Капитан Перченко задержался на пороге и со значением сказал подругам:

- Ну, я с вами прощаюсь ненадолго. В ближайшие дни вас вызовут для официальной дачи показаний. Думаю, вы понимаете, что вам никуда не нужно уезжать.

Дверь за капитаном закрылась.

вернуться

6

См. роман Н. Александровой «Сердце Запада».

Подруги остались в квартире одни. Все это время Агния сидела в задумчивости, не слишком внимательно слушая капитана. Она пыталась поймать какую-то важную мысль, но мысль эта никак не давалась, ускользала от нее. Агния морщила лоб и даже тихонько трясла головой, но ничего не помогало.

- Что делать, что делать? - снова затынула свое Алиса.

- Может быть, вызвать к тебе врача? - предложила Агния. - У тебя ведь наверняка есть свой врач?

- Зачем? - переспросила Алиса убитым голосом. - Чем мне поможет врач? Он ведь не сможет воскресить Эдика?

Агния хотела напомнить подруге, как совсем недавно та жаловалась на мужа, но решила, что сейчас - не самый подходящий момент. Вместо этого она предложила:

- Хочешь, я останусь сегодня у тебя? Могу даже переночевать, чтобы тебе было не так одиноко. Ты ведь знаешь, меня никто не ждет, семеро по лавкам не сидят...

- Нет-нет, не нужно! - быстро ответила Алиса, и Агнии показалось на какой-то момент, что в ее голосе прозвучал испуг. - Не нужно, я прекрасно управлюсь одна! А ты поезжай уже домой, или куда там тебе нужно, у тебя наверняка много дел!

При этом Агнии показалось, что подруга незаметно взглянула на часы.

- Да у меня нет ничего срочного... - попыталась она возразить, но тут поняла, что Алиса ее попросту выпроваживает.

«Ну и ладно, - подумала она, направляясь к двери. - Было бы предложено... в конце концов, у меня действительно своя жизнь и много дел, так что набиваться я не буду...»

Она простилась с Алисой, взяла с той слово, что она позвонит, если ей понадобится какая-то помощь, и вышла из квартиры.

Капитан Перченоч спустился в подвальный этаж, толкнул тяжелую дверь и поежился: за этой дверью было холодно, неуютно и пахло удивительно неприятной смесью каких-то химических реактивов и еще чего-то тошнотворно-сладковатого. Капитан думал, что именно так пахнет смерть.

Правда, к этим крайне неприятным запахам примешивался еще один, менее зловещий - запах крепкого табака.

Короче говоря, за этой дверью располагался отдел медицинской экспертизы, где царил старший судебно-медицинский эксперт Варвара Михайловна Голубец.

Варвара Михайловна была крепкая, энергичная женщина лет пятидесяти, с громким хрипловатым голосом и грубыми замашками человека, который знает смерть не понаслышке. Всю жизнь она курила крепкие сигареты, точнее, папиросы отечественного производства, предпочитая легендарный «Беломор». Даже сейчас она где-то доставала эти папиросы и курила их, не переставая.

Начальник отделения, который всеми силами боролся с курением среди сотрудников, особенно на рабочем месте, пытался всеми доступными способами воздействовать на Варвару Михайловну, но та оказалась непоколебима и пригрозила уволиться, если ей не позволят курить за работой.

- Да ты представь, Петрович, - говорила она, фамильярно обращаясь к начальнику, - мне же весь день приходится жмуриков кромсать, как же это выдержать без «Беломора»?

Начальник вздохнул и отступился.

Итак, капитан Перченоч вошел в царство мертвых, в царство Варвары Михайловны. Сама Варвара стояла возле металлического стола, на котором лежал покойник, с дымящейся папиросой в зубах и что-то с интересом разглядывала. Чуть в сторонке отирался молодой парень в белом халате - недавно присланный практикант. Лицо его было бледнее халата, в глазах стоял настоящий ужас.

- Здравс-сте, Варвара Михайловна! - проговорил Перченоч с боязливым уважением.

- Здравствуй, Петя! - отозвалась Варвара, передвинув папиросу в угол рта. - С чем пришел?
- Да вот, хотел узнать, нет ли каких подвижек с трупом Канарского. Мне бы время смерти уточнить...
- Ты же знаешь, Петя, - Варвара Михайловна укоризненно взглянула на капитана, - экспертиза - вещь долгая, обстоятельная, тут торопиться нельзя, ни к чему хорошему это не приведет. Результаты будут готовы только завтра к вечеру. Как только я подготовлю отчет - ты первый сможешь с ним ознакомиться...
- Но Варвара Михайловна, - взмолился Перченоч, - нельзя ли пораньше? Я ведь вас знаю, вы - специалист экстра-класса, вы уже наверняка какие-то выводы сделали! Ну, правда же?
- Ох, Петя! - Варвара покачала головой. - Ты же знаешь, что на меня лесть не действует! Есть же порядок... я и так все другие дела отложила, занимаюсь только твоим Канарским... вон, несчастного практиканта загоняла...
- Но Варвара Михайловна, поделитесь хоть предварительными соображениями! Мне очень нужно знать точное время смерти, чтобы определиться с подозреваемыми!
- Ну что с тобой поделаешь... - вздохнула Варвара. - Ладно, так и быть, поделюсь... - она докурила папиросу, бросила окурочек в консервную банку, заменявшую ей пепельницу, закурила новую «Беломорину» и только тогда продолжила: - Тут, Петя, понимаешь, какое дело... для определения времени смерти есть два критерия - степень трупного окоченения и состояние желудка. Степень трупного окоченения - вещь тонкая и ненадежная, зависит от многих факторов, в основном - от температуры окружающей среды... Ну, ты это и сам знаешь. Судя по этому критерию, смерть твоего Канарского наступила в промежутке от тринадцати до четырнадцати часов, но, конечно, могут быть и отклонения, так что бери шире - от двенадцати до четырнадцати...
- Слишком большой разброс... - вздохнул капитан. - Выходит, никого нельзя исключить...
- Ты подожди, Петя, я же еще не закончила. Что ты меня перебиваешь? Я сказала, что существуют два критерия - степень трупного окоченения и состояние желудка. И вот с этим вторым критерием все намного лучше. Вот, посмотри сюда, - Варвара наклонилась над располованным телом. - Видишь?
- Перченоч, с трудом преодолевая дурноту, взглянул, увидел что-то розовато-коричневое, но почувствовал, что сейчас его вывернет, и поспешно отстранился, сделал пару глубоких вдохов. Варвара заметила это, чуть заметно усмехнулась и проговорила:
- Какие же вы все, мужчины, неженки! Вот и практиканта мне прислали - просто кисейная барышня! Двенадцатиперстную кишку увидел - так чуть в обморок не упал! Нет, если ты хочешь работать в полиции - ты не должен бояться трупов!
- Я и не боюсь трупов! - с обидой в голосе возразил капитан. - Я в своей жизни всяких трупов навиделся - и с огнестрелом, и с резаными ранами, и даже утопленников... но только одно дело - труп, а другое - вот это... потом, Варвара Михайловна, я пообедал недавно, обидно будет, если обед пропадет...
- Ну, неважно, - смилостивилась Варвара, - короче, я тебе хочу сказать, что твой Канарский незадолго до смерти ел сырую рыбу с рисом и приправами...

- Точно, жена сказала, что они заказывали на дом суши.
- Да, похоже, что это – именно суши. Так вот, по состоянию этих продуктов можно уверенно сказать, что Канарский был убит через час после еды...
- Ага, по словам жены, суши принесли в двенадцать, пока они поели – это где-то полчаса, значит, время смерти – приблизительно половина второго... но, конечно, надо еще проверить слова жены...
- Проверь, Петя, проверь, это твоя работа, а я, если ты не возражаешь, продолжу свою.
- Спасибо вам, Варвара Михайловна! – спохватился Перченоч уже в дверях. – Большое спасибо! Вы меня очень выручили!
- Всегда пожалуйста, – отозвалась Варвара и снова склонилась над трупом Канарского.

Перченоч вылетел из прозекторской, захлопнул за собой дверь и с облегчением отдышался.

Воздух за дверью тоже был не самый свежий – затхлый, пропахший слежавшейся пылью и старыми бумагами, но он хотя бы не пах смертью и разложением.

После разговора с Варварой Михайловной капитан почувствовал насущную необходимость посетить фирму «Такеша», специализирующуюся на доставке блюд японской кухни.

Эта фирма располагалась в первом этаже типового многоэтажного дома. Большую часть помещения занимала кухня, где готовили суши, сашими, салаты, роллы и прочие восточные деликатесы. Небольшую, отделенную от кухни коротким коридором комнату занимало офисное помещение.

Капитан вошел в офис и огляделся.

Здесь не было ничего, что говорило бы о связях со Страной восходящего солнца – обычный офис с типовой оргтехникой. За столом с компьютером сидел молодой мужчина вполне европейского вида, в уголке примостилась девушка, тоже без восточных корней. Рядом с ней стоял, неловко переминаясь, совсем молоденький парень в кепке с логотипом фирмы.

- Это фирма «Такеша», доставка блюд японской кухни на дом? – осведомился капитан, оглядевшись.

- Заказы принимаем только по телефону или через Интернет! – сообщил ему молодой человек, оторвавшись от монитора.

- Мне не заказ...

- Претензии – на Московском проспекте, в центральном офисе, к Веронике Макаровне!

- И не претензии!

- Тогда что же вам нужно?

- Капитан Перченоч, полиция Центрального района! – Капитан раскрыл перед служащим свое удостоверение.

- Это вы опять насчет того отравления? - расстроился парень. - Ну сколько можно! Вы же уже выяснили, что там были не наши продукты... мы же все доказали...
- Нет, у меня к вам только несколько вопросов! Это ведь вы доставляли суши позавчера на Малую Конюшенную?
- Одну минуточку... - служащий уставился на экран, защелкал клавишами. - Да, был такой заказ... «Филадельфия», острый ролл с лососем и гребешком, острый ролл с угрем...
- Очень хорошо, - оживился капитан. - Но меня в основном интересует время доставки.
- Заказ был сделан по телефону в одиннадцать тридцать пять, а у нас такое правило - доставка в течение тридцати минут, если мы опаздываем с доставкой на пять минут - клиент платит только половину, а если на десять - весь заказ бесплатный... тут поступила полная стоимость, значит, мы доставили заказ вовремя...
- А все же нельзя уточнить, в какое точно время?
- Попробую... - проговорил служащий, но тут подал голос парень в фирменной кепке:
- Можешь не искать, Игорь! Это я доставлял заказ на Конюшенную! И я его доставил в двенадцать ноль одну, очень хорошо помню! Мне клиентка на чай прилично дала...
- Ага, значит, это вы были на Конюшенной! - Капитан повернулся к курьеру. - Говорите, заказ у вас приняла женщина?
- Да, - радостно кивнул парень. - И такая крутая тел... женщина! Но там вообще дом суперский!
- Ага, а вы не заметили - кроме нее, кто-то был дома?
- Был, - уверенно ответил курьер. - Муж был дома, или там, не знаю, в общем, мужчина.
- Точно? - на всякий случай переспросил капитан. - Вы его видели?
- Слышал я его, - курьер на секунду задумался. - Он в ванной был.
- Точно?
- Куда уж точнее! - Курьер пожал плечами. - Ну, ясно же! В ванной вода лилась, и вроде напевал кто-то, и женщина эта, клиентка, ему в дверь постучала и говорит: - Давай скорее, милый, твои суши уже доставили! А он ей отвечает что-то - мол, сейчас иду, неразборчиво, правда. Да там вода лилась, так что плохо слышно было. Да мне и ни к чему, мое какое дело...
- А потом что было?
- Да что было, - парень перевел глаза на капитана, - расписалась она у меня в квитанции, чаевые дала хорошие, я и пошел. Базарить мне с ней некогда, у меня заказов - выше крыши.
- Стала бы она с тобой базарить - кто ты и кто она, - ехидно сказала девушка, оторвавшись от компьютера.
- А вот и не скажи, - возразил парень серьезно, - она не такая совсем, как эти, богатенькие. Не хамила, слова через губу не цедила, пошутила со мной даже - что-то на тему, что я в такой

фирме работаю, наверно, много рыбы ем, потому такой умный.

- Уж это точно, что пошутила, - вздохнул Игорь, переглянувшись с девицей.

- Ну ладно, спасибо за помощь, - и капитан Перченок удалился. У него тоже было сегодня еще множество неотложных дел, в частности, скоро придет на допрос Агния Иволгина.

Вот еще задача. Как-то он растерялся, увидев ее в квартире, где случилось убийство, взял неправильный тон. Ведь вроде знакомы они по прошлому делу, опять же с Анной они подруги.

Вспомнив про Аню, капитан Перченок помрачнел. Ух, как она ему нравилась! Но с этой девушкой все было очень непросто. Была в ней какая-то тайна, уж это он, Перченок, чувствовал наверняка. Не полный чурбан. Ускользала от него Аня, держала на расстоянии. Ничего про себя не рассказывала. А сейчас и вовсе куда-то пропала. Сказала - еду по делу, и не спрашивай, куда и зачем. Так уж у нас с тобой будет. Я в твои секретные дела не лезу, а ты меня не допрашивай, не на службе находишься. Сказала - как отрезала.

И вот сиди теперь, гадай, где она, чем занимается. Смог он только выяснить, что Анна Углова когда-то большие успехи делала в спорте, занималась спортивными единоборствами, в частности израильской борьбой крав-мага. А несколько лет назад все у нее рухнуло. С тех пор жила Анна тихо, незаметно, никто про нее ничего не знал. Так вот, может, Агния этот вопрос прояснит? Как раз случай представился, вроде как не по его инициативе они встретились. Нужно с ней поговорить по-хорошему. Нехорошо, конечно, служебное положение в личных целях использовать, но он за Анну волнуется, не влипла бы в криминал какой...

Агния вошла в кабинет.

В первый момент ей показалось, что кабинет пуст. Она взглянула на повестку и убедилась, что пришла вовремя.

«Вот ведь несуразный человек, - подумала она недовольно, - вызвал, а самого нет на месте...»

В это время из-за заваленного бумагами письменного стола донесся шорох, и над столом показалась взъерошенная голова капитана Перченка. Увидев девушку, он залился краской.

- Здрас-сте, Агния! - проговорил он смущенно. - А я тут бумагу одну уронил...

- Немудрено, - фыркнула Агния. - Вам бы не мешало порядок на столе навести. Ох, извините... здравствуйте, Петр... не помню вашего отчества...

- И не надо, - Перченок замахал руками. - Присаживайтесь, Агния.

- Вы меня вызвали на допрос, - проговорила Агния, садясь напротив капитана. - Но я ничего...

- Не на допрос, - капитан поморщился, - я пригласил вас для разговора...

- Повесткой? - усмехнулась Агния. - На разговор повесткой не вызывают!

- Да, понимаю... - мялся капитан. - Но вы - женщина занятая, так не нашли бы времени, а повестка - вещь официальная, в конце концов, можете ее своему начальству предъявить...

- Со своим начальством я как-нибудь сама разберусь. И вообще я теперь вроде как сама себе начальство. А теперь, раз уж вы меня вызвали, задавайте ваши вопросы.

Агния решила не заедаться. В конце концов, человек на работе, как говорится, при исполнении. Раз уж вмешалась она в дело об убийстве, то теперь и будет он ее на допросы вызывать. Нужно с ним поосторожнее, лишнего не болтать, тогда он и отстанет быстро. Тем более что она и правда ничего про Алису не знает.

- Хорошо... - Перченоч расчистил часть стола, открыл свой неизменный блокнот и спросил:

- Вы давно знаете гражданку Канарскую?

- Достаточно давно. Мы с ней вместе учились на искусствоведческом факультете. Но тогда она была не Канарская, а Журавлева.

- Ага, - капитан что-то записал в блокноте, - а что вы можете сказать о ее отношениях с мужем?

- Ничего, - не раздумывая, ответила Алиса, - должна вам сказать, что после окончания института мы с ней почти не встречались. Я даже не знала, что она вышла замуж. Ну, или, кажется, от кого-то краем уха слышала. Но уж мужа ее точно никогда не видела. И только в тот день, когда все это случилось, мы с Алисой случайно столкнулись в ресторане.

- Случайно? - Перченоч недоверчиво взглянул на Агнию. - Это действительно была случайная встреча?

- Совершенно случайная, - уверенно заявила Алиса, - я ее сперва даже не узнала... И в ресторане том впервые в жизни была - есть очень захотелось, вот и притормозила...

От капитана не укрылось, что Агния подавила тяжелый вздох, сказав это.

- Допустим, - сухо проговорил он, - тем не менее потом вы с Алисой... с Канарской поехали к ней домой. Чем вы это объясняете? Ведь вы говорили, что не были с ней так уж близки?

- Ей просто стало нехорошо, кажется, закружилась голова, и я предложила ее подвезти...

Агния вспомнила бледное лицо Алисы, ее несчастные глаза, синяки на ее руках... и вдруг, неожиданно для себя, заговорила:

- Алиса была несчастлива с мужем. Он, конечно, обеспечил ее, но очень грубо с ней обращался, даже бил...

- Это сказала вам сама Канарская? - поспешно переспросил капитан, записывая слова Агнии в блокноте.

- Нет, она прямо мне ничего не говорила, но я все поняла по ее недомолвкам, по выражению ее лица... и еще - я заметила у нее на руках синяки... Алиса не хотела о них говорить, но все же...

- Так-так... - капитан все строчил в своем блокноте.

Тут Агния спохватилась:

- Черт, что же я говорю? Выходит, я ее подставила? Выходит, у нее был мотив?..

- Не беспокойтесь, - поспешил успокоить ее капитан, - у вашей подруги стопроцентное алиби. Понимаете, время убийства господина Канарского установлено очень точно, буквально до

нескольких минут, и в это время Алиса была в салоне красоты. Я это проверил, поговорил с администратором салона и с педикюршей, так что никаких сомнений на этот счет у меня нет.

- Тогда для чего же вы расспрашиваете меня об Алисе, о нашей встрече, о ее отношениях с мужем?

- Для того, чтобы получить как можно более полное представление об убитом и о его окружении. Понимаете, вы - очень хороший свидетель, прошлый раз, когда мы с вами встречались, вы давали очень точные и полные показания, вот я и подумал, что сейчас вы мне тоже сможете помочь...

Перченоч постарался, чтобы в словах его не услышала Агния явной лести. А он ведь так хотел расположить ее к себе!

- Ну, к сожалению, я вам ничем не помогла, - Агния развела руками, - я действительно давно не видела Алису и практически ничего не знаю о ее теперешней жизни.

«Вот так вот, - добавила она про себя, - теперь буду держать рот на замке, с чего это напала на меня такая болтливость?»

- Нет, вы мне очень помогли! - возразил капитан. - Вы рассказали мне о ее сложных отношениях с мужем.

- Ну так что - я могу идти? - нетерпеливо спросила Агния.

«С чего это она нервничает? - подумал Перченоч. - Что старается скрыть?»

Он вспомнил, как в прошлый раз эта девица тоже все время изворачивалась и чего-то недоговаривала, он даже стал ее подозревать. Потом, правда, оказалось, что просто эти две подружки, Агния с Аней, не доверяли полиции и хотели сами расследовать то сложное дело (см. роман Н. Александровой «Сердце Запада»). Так, может быть, и сейчас есть что-то, что не хочет Агния ему говорить? Неважно, по какой причине, но это непорядок.

- Можете, можете идти! - Капитан потянулся за повесткой, чтобы подписать ее, но в самый последний момент снова взглянул на Агнию и спросил: - Скажите, а вам, как женщине, не показалось, что у госпожи Канарской кто-то еще есть?

- Вы имеете в виду другого мужчину? - Агния в упор посмотрела на него.

- Да, я имею в виду другого мужчину! - Капитан не отвел глаз.

- Нет, я слишком мало ее знаю и слишком недолго с ней разговаривала, чтобы сделать такие серьезные выводы! - холодно отрезала Агния.

А про себя она подумала, что даже если бы она заметила что-то подобное, ни за что бы не поделилась с дотошным капитаном своими подозрениями. И так она уже навредила Алисе, рассказав о том, как та жаловалась на мужа.

Однако капитан смотрел на нее с легкой укоризной и все медлил подписывать пропуск.

- Понимаете, это совершенно исключено! - сказала Агния гораздо мягче. - Она мне рассказывала, что потому-то отношения с мужем у них и были сложные, что он сильно ее ревновал. Причем совершенно без повода. Уж она ни на кого не смотрела, ходила - глаза в пол,

как восточная женщина, а он все недоволен был. До смешного, говорит, доходило – к мусорщикам ревновал или там, если с охранником приветливо поздоровается, сразу скандал. Так что насчет любовника – это вы зря, не было у нее никакой возможности его завести. Знаю, конечно, что вы, полицейские, если муж убит, то обязательно подозреваете жену или любовника, но тут, я думаю, не тот случай.

«Она думает, – с удивившим самого себя ехидством, подумал капитан Перченоч, – она думает, а я точно знаю. Так оно и бывает, когда убивают состоятельного человека. Либо жена замешана, либо ее любовник. Ну, еще, конечно, насчет бизнеса могут быть заморочки. И в конечном итоге все упирается в деньги».

Тут он заметил, что Агния смотрит на него насмешливо, как будто читает его мысли. Черт, у него и раньше с этой девицей были проблемы! А он-то хотел с ней по-человечески поговорить, про Аню расспросить. Да, видно, не судьба...

– Можете идти, – сухо сказал капитан Перченоч, протягивая ей пропуск, – но я вас еще вызову.

– Счастливо оставаться! – буркнула Агния, демонстративно поглядев на часы.

– Да, вот еще что! – крикнул капитан ей вслед. – Задержитесь еще на минуту!

«Ну не уйти от него никак!» – с досадой подумала Агния, снова приближаясь к столу.

– Тут вот какое дело... – Перченоч помялся, постукивая ручкой по своим протоколам, – позавчера из следственного изолятора сбежал некий Иванов. – И в ответ на удивленный взгляд Агнии пояснил нехотя: – Это тот самый убийца, которого мы взяли с вашей и Аниной помощью.

– Тот, кто камень украл?

– Ну да...

– Как – сбежал? – заговорила Агния, постепенно накаляясь. – У вас там что – проходной двор, что ли? Охраны никакой нет, так что убийцы спокойно входят-выходят?

– С этим не ко мне, – сухо ответил капитан, – я свое дело сделал, преступника арестовал. Дальше следователь с ним работал. За ним много всего числилось, но никак нельзя было его подловить, доказательств никаких. Ну, он, видно, подготовился к побегу, признался в убийстве одного там... в общем, неважно теперь. Сказал, что покажет, где пистолет спрятал. Ну, его и повезли на место. А там он аварию подстроил и сбежал.

– Это он умеет, аварию-то... – вздохнула Агния.

Ругаться с капитаном ей расхотелось.

– И вот я хочу вам сказать, – продолжал он, – конечно, весьма маловероятно, что убийца проявится, скорее всего, заляжет сейчас на дно. Или вообще из страны уедет. Но все же чем черт не шутит? Будьте осторожны, Агния...

– Да я-то при чем? – Агния очень натурально пожала плечами.

Но капитан посмотрел очень внимательно, и Агния поняла, что от него не укрылся ее испуг. Что-то он знает про ту историю с камнем, ну да, ведь то, что камень, отобранный у убийцы, оказался фальшивкой, стало известно буквально на днях. Если бы эта дура, вдова Борового, не

сунулась продавать кубок, все было бы тихо. А теперь вот...

- Спасибо, - Агния постаралась, чтобы голос ее звучал ровно, - я приму к сведению ваши слова.

И ушла, не оборачиваясь.

Алиса подошла к двери, нетерпеливо нажала на кнопку звонка. Из-за двери донеслась птичья трель, потом послышались приближающиеся шаги, и заспанный голос спросил:

- В чем дело? Кого это принесло?

- Виталик, открой! - воскликнула Алиса измученным, страдальческим голосом. - Открой скорее!

Ей показалось, что за соседней дверью кто-то шумно дышит, наблюдая за ней в глазок.

Замок щелкнул, дверь открылась на два пальца, в проеме возникло испуганное мужское лицо.

- Ты?!

- Ну, открой же скорее! Впусти меня!

Дверь широко открылась. За ней стоял темноволосый мужчина лет тридцати, с красивым, заспанным лицом капризного, избалованного ребенка. На этом лице были испуг и недовольство.

Впустив Алису в квартиру, мужчина опасливо выглянул на лестничную площадку и только после этого захлопнул дверь, запер ее на все замки и повернулся к Алисе:

- Зачем ты пришла? Ты же понимаешь: нам ни в коем случае нельзя встречаться! Ведь я говорил тебе об этом! Мы и так рисковали, общаясь по телефону!

- Виталик, я просто не могла оставаться одна! Мне было так страшно, так страшно и одиноко! - Алиса бросилась на шею Виталику и бурно зарыдала.

Если бы она могла видеть его лицо в зеркале, она бы заметила, что он слегка поморщился, как бы делая над собой усилие, чтобы ее обнять. Но у Алисы не было глаз на спине, в зеркале она не могла ничего видеть. Зато почувствовала что-то, потому что отстранилась от него, оглядела и спросила спокойно:

- Ты спал? Я тебя разбудила?

- Ну да... спал... но это не самое страшное...

- Ты спал?! - воскликнула Алиса снова трагическим голосом. - Какое это счастье! Ты можешь спать! Как бы я хотела уснуть, забыться! Хотя ненадолго забыть о том, что произошло! Хотя ненадолго, всего на несколько часов! Разве это так много? Но нет, я не могу спать все это время, стоит мне закрыть глаза - и я вижу мертвого Эдика... вижу его лицо, его глаза... и ты еще спрашиваешь, зачем я пришла! Я больше просто не могу выносить все это...

- Алиса! - нетерпеливо перебил ее мужчина. - Я тебя совсем не понимаю! Ты всегда говорила, что едва выносишь его, что между вами ничего не осталось, никаких чувств, никакой близости, говорила, что вы стали совсем чужими, посторонними людьми! Что он издевался над тобой и

бил, что ты больше не можешь так жить! Откуда же сейчас у тебя в голосе этот пафос...

- Тем не менее Эдуард был моим мужем! - По щекам Алисы потекли слезы, она вытерла их, с трудом справилась со своим дрожащим голосом и проговорила: - Виталик, не будь таким жестоким! Мне нужно совсем немного - капельку тепла, капельку нежности... мне нужно просто увидеть тебя! Неужели я прошу от жизни слишком многого? Вот сейчас я увидела тебя - и мне уже стало легче!

На лице мужчины проступила мимолетная улыбка - этой улыбкой он как бы извинялся, как бы говорил: что я могу поделаться, я не виноват, что я такой красивый и обаятельный. Тут же он стер с лица эту улыбку и недовольно проговорил:

- Но, Алиса, я же тебе говорил: никто не должен сейчас узнать про нас с тобой! Никто - ты понимаешь? Это чревато огромными неприятностями для нас обоих!

- Но почему? - Алиса снова отстранилась от возлюбленного, пристально и испуганно взглянула на него: - Почему? Мы же ни в чем не виноваты! Совершенно ни в чем! Они сказали, что Эдика застрелил кто-то, кого он сам впустил в квартиру... Меня не было дома, у меня, к счастью, оказалось алиби... Какое неприятное слово, когда речь идет о собственном муже...

- Об убийстве собственного мужа, - уточнил Виталик, и на лице его появилась не свойственная ему жесткость.

- Не говори так! - Алиса вздрогнула. - Если бы ты видел его, как он лежал в луже крови там, на кухне... Верить ли, я простила ему все, всю боль, которую он мне причинил! Я не могу радоваться его смерти, но я не виновата, не виновата... Неужели все прошло и у нас может наступить другая, счастливая жизнь? Или... неужели... неужели это сделал ты? - В ее глазах загорелся подозрительный блеск.

- Нет, конечно! - Виталик поморщился. - Как ты могла подумать! Зачем мне это?

- Ты говорил, что спасешь меня от мужа!

- Но я вовсе не имел в виду... не имел в виду, что его нужно убить! - крикнул Виталик.

- Прости! - Алиса снова бросилась ему на шею. - Я прошу, прости, прости меня!

- Ничего, малыш, - он погладил ее по спине, - ничего, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Но пойми - я же тебе все это объяснял! Если сейчас полиция или вообще кто-нибудь узнает о нас с тобой, если кто-нибудь узнает о нашей близости, у них сразу возникнут подозрения! Они все это свалят на нас!

- Но почему? - Алиса испуганно взглянула на него. - Мы ведь ни в чем не виноваты! Совершенно ни в чем - кроме того, что мы любим друг друга! Но ведь это не преступление?

- Господи, да не будь ты такой наивной! Кого интересует виновность или невиновность? Им нужен подозреваемый, чтобы закрыть дело! А в таких случаях первый претендент на роль подозреваемого - это жена, если убили мужчину, или муж, если убили женщину. И если узнают о нашей связи - все, можно считать, что мы уже на зоне!

- Господи, какие ужасные вещи ты говоришь! - Алиса схватилась за голову.

- Это реальность, ты должна это понимать. Скажи мне, никто не знает, что ты пошла ко мне?

Тебя никто не видел? Они не приставили к тебе слезку?

- Никто, никто, не беспокойся! - Алиса махнула рукой и страдальчески поморщилась. - Я же говорила - у меня алиби, этот капитан со смешной фамилией мне сказал.

- О чем он вообще тебя спрашивал?

- Ну, обо всем... - Алиса вздохнула, - о том, были ли у Эдика враги в бизнесе. Откуда я знаю, муж не посвящал меня в свои дела! Насчет наших отношений я ответила честно - не то чтобы все было гладко, но жили ведь... про тебя я не сказала ни слова.

- Умница, - теперь уже он прижал к себе Алису, - но еще раз повторяю - нам нельзя сейчас встречаться... я ведь тебе это уже говорил! Неужели это так трудно понять!

- Говорил, говорил... - недовольно пробормотала Алиса. - Но я не могла больше оставаться одна, не могла оставаться в этой квартире... мне нужно было немного тепла...

- Ну вот, опять! - Виталий обнял ее за плечи, погладил по волосам. - Ну все, малыш, все, тебе пора уходить... и потерпи, потерпи хотя бы немного... ради нашего будущего...

- Я постараюсь... - Алиса всхлипнула и всем телом прижалась к возлюбленному. - Ради нашего будущего я постараюсь стать сильной... ведь теперь никто не стоит между нами... теперь, когда Эдуарда нет, мы сможем быть вместе... - Она вздрогнула и понизила голос: - Я говорю ужасные вещи, да? Но иногда я думаю, что его смерть послана нам свыше... за все мои страдания должна же я получить хоть капельку счастья? - Алиса снова отстранилась от Виталия и пристально взглянула на него: - Но это ведь точно не ты?

- Что - не я?

- Не ты его убил?

- Ты с ума сошла! - Виталий схватил ее за плечи и сильно встряхнул, так что у нее клацнули зубы. - Что ты говоришь? Как ты можешь так обо мне думать?

- Не ты? - Алиса вздохнула. - Ты просто снял камень с моей души... огромный камень!

- В любом случае мы не должны встречаться. Некоторое время, - Виталий начал подталкивать женщину к двери.

- Но не очень долго? Долго я не выдержу!

- Алиса! - Виталий повысил голос. - Все очень серьезно - а ты ведешь себя как ребенок! Повторяю - если они узнают о нашей связи, у них появится еще один мотив, еще одна причина, чтобы свалить на нас это преступление!

- Еще один мотив? - переспросила Алиса. - А какой... какой мотив у них уже есть?

- Ну, какой... - Виталий внимательно взглянул на женщину. - Ты и сама понимаешь... деньги... наследство Эдуарда...

- Деньги? - Алиса неожиданно нервно засмеялась. - Вот уж тут ты попал пальцем в небо! Можешь себе представить - Эдуард мне практически ничего не оставил!

- Как - ничего? - Виталий остановился. - Не может быть! Ты же всегда говорила, что он был

состоятельным человеком!

- Я и сама так думала! Но вчера со мной встретился его адвокат и показал мне документы. Представляешь - оказывается, Эдуард совершенно разорился! Он вложил деньги в какое-то рискованное предприятие, купил какие-то акции, не спрашивай меня какие, я в этом ничего не понимаю, но, в общем, он все потерял...

- Вот как? - Виталий на мгновение задумался. - Так у тебя ничего не осталось, кроме квартиры в центре города и виллы в Ницце? Что ж, это все же лучше, чем ничего!

- Все еще хуже, - Алиса издала нервный смешок. - Адвокат сообщил мне, что вилла в Ницце заложена и залог просрочен, так что ее со дня на день отберет банк, а квартира, в которой мы жили, - съемная. Можешь себе представить? Оказывается, мы жили в съемной квартире! Адвокат сказал мне, что так поступают многие обеспеченные люди, даже очень богатые. У них нет никакой недвижимости в России, чтобы в случае чего не на что было наложить арест, а все загородные дома и квартиры они арендуют у собственников, которые сами живут где-нибудь на Лазурном Берегу или во Флориде...

- Выходит, у тебя ничего нет? - протянул Виталий и посмотрел на Алису каким-то странным взглядом.

- Да, дорогой! Я вообще бомж! - Алиса хихикнула. - Но ведь это для тебя неважно? Ты ведь сам достаточно обеспеченный человек, правда? Ты ведь не раз мне это говорил...

- Правда, правда! - протянул Виталий, явно думая о чем-то своем. - Конечно, правда... Но, дорогая, ты как-то говорила мне, что у твоего мужа есть какой-то очень дорогой камень. Ты говорила, что он купил его в прошлом году...

- Ну да, - неохотно проговорила Алиса, - кажется, он купил этот камень для того, чтобы укрыть часть своих денег от налогообложения. Но я в этом совершенно ничего не понимаю...

- Так этот камень сохранился? Он у тебя? - Виталий постарался задать этот вопрос спокойно и равнодушно, но его голос невольно дрогнул, выдавая волнение.

- Да, кажется, он где-то в доме... - отмахнулась Алиса. - А почему ты спрашиваешь? Неужели сейчас для тебя важен какой-то камень? Сейчас, когда решаются такие важные вопросы...

- Но, постой, ты ведь сама сказала, что Эдуард тебе ничего не оставил, а этот камень стоит очень много!

- Я не могу и не хочу сейчас думать о деньгах! - поморщилась Алиса. - В конце концов, ты сам говорил мне, что мы с тобой - одно целое, и все, что есть у меня, - твое, а что есть у тебя - мое. Пусть я разорена, но у тебя ведь есть деньги, правда?

- Правда, но...

- Виталик! - перебила его Алиса. - Я не хочу сейчас говорить о деньгах, а камнях, о квартирах... я, пожалуй, действительно пойду. Ты меня убедил, что нам не нужно пока встречаться.

Она шагнула было к двери, но вдруг снова остановилась, повернулась к Виталию.

- Дорогой, я так тебя люблю, - сказала она с чувством, - ты ведь не оставишь меня, верно? Мы

все преодолеем и будем вместе, да? Ты будешь со мной?

- Конечно! - Виталик опомнился и постарался вложить в свой голос максимум чувства или хотя бы его удачную имитацию. - Конечно, любовь моя, все будет хорошо!

Алиса нежно поцеловала его в уголок рта и направилась к входной двери.

- Подожди минутку, - на этот раз Виталий остановил ее. - Я хочу спросить у тебя одну вещь. Одну важную вещь.

- Да? - Алиса взглянула на него с легким недовольством.

- Помнишь, ты как-то показывала мне пистолет твоего мужа?

- Да, кажется, припоминаю...

- Он все еще в квартире?

- А почему тебя это интересует? - Глаза Алисы подозрительно блеснули.

- Я тогда взял его в руки...

- Ну и что?

- Разве ты не понимаешь? На этом пистолете могли остаться мои отпечатки пальцев. Из-за этого у меня могут быть ужасные неприятности. Поэтому было бы очень хорошо, если бы ты принесла мне этот пистолет. Надеюсь, его не изъяла полиция? Его нужно немедленно выбросить!

- Хорошо...

- Да, кстати, что они говорят, из какого оружия был застрелен твой муж?

- Ох, не напоминай мне об этом! - простонала Алиса. - Снова у меня перед глазами встала эта картина, как мы входим, а он лежит на полу в луже крови!

Виталик отвернулся и едва заметно скрипнул зубами. Сколько терпения нужно с этими женщинами!

- Дорогая, сосредоточься, - сказал он по возможности спокойно, - вспомни, что говорил тебе этот капитан, это очень важно. Сделай это ради меня!

- Ну, они узнали, что у Эдика был зарегистрированный пистолет, и похоже, что его застрелили именно из него. Или из такого же... И хотели узнать, где пистолет Эдика, им нужно какую-то экспертизу провести. Бал... бал...

- Баллистическую?

- Точно, - просияла Алиса.

- Они ведь его не забрали?

- Нет, они его пока не нашли. Муж прятал пистолет в своем тайнике. Я сказала, что понятия не имею, где он.

- Так принеси его мне. Ты ведь знаешь, где этот тайник?

- Ну... да, я действительно знаю, где он... я случайно подсмотрела... Но я боюсь!

- Возьми себя в руки! Ты ведь понимаешь, что от этого зависит наше будущее! Наше с тобой будущее! Нужно выбросить этот пистолет, чтобы его никогда не нашли.

- Хорошо... - Алиса закусила губу. - Я сделаю это...

После ее ухода Виталик заперся на все замки, затем отправился в гостиную и вытащил из бара бутылку коньяка. Обычно он не пил крепкие напитки - от них портится цвет лица и голос становится хриплым и неприятным. Он вообще пил мало. Но сейчас ему просто необходимо было успокоиться. Ему было страшно. Он чувствовал себя птицей в силке. Маленькая птичка мечется, а петля все ту же затягивается на ней. И нет выхода.

От коньяка стало легче. Исчезло чувство беспомощности, и затягивавшаяся на шее петля не казалась уже такой страшной. Все не так плохо, если Алиса не проговорится, что они встречались. Он был очень осторожен, старался не приглашать ее в известные рестораны и кафе. Никаких театров и модных выставок, еще не хватало - там все на виду. Алиса и сама боялась, что об их связи узнает муж, поэтому была осторожна, как индеец в прерии.

Виталик встал, потянулся и решил принять душ, поскольку не успел этого сделать, - Алиса явилась рано и подняла его с постели.

Когда он вышел из ванной - чисто выбритый и пахнувший дорогим лосьоном, - в гостиной надрылся его мобильник. Номер на дисплее не высветился, но когда Виталик услышал голос в трубке, он почувствовал, как на лбу появилась испарина и сердце опустилось в желудок.

- Вы должны срочно приехать к Елене Юрьевне, - сказал голос, - она ждет вас через час.

И все, телефон отключился. Но в ушах Виталика долго стоял этот тихий, как будто неживой голос. Эта самая Лиза, помощница Елены Юрьевны, которая при встрече смотрела на Виталика с едва уловимым презрением.

Женщины никогда на него так не смотрели. Они смотрели на Виталика с мольбой и обожанием, с нежностью и страстью. Некоторые с обидой - это потом, когда он добивался от них чего хотел и говорил, что им нужно расстаться.

Некоторые рыдали и падали перед ним на колени, заламывая руки. Но никто никогда не смотрел на него с презрением. Уж такое действие он оказывал на женщин. За то его и ценили многочисленные заказчики. Виталик сделал свои специфические способности источником денег. Да и кто бы не сделал на его месте? Сказано же в Писании - не зарывайте свои таланты в землю.

Виталик бросил телефон на стол и понял, что зря он принимал душ - по спине текли струйки пота. Нужно взять себя в руки, но коньяк не поможет, только хуже будет. И вообще: сказано явиться через час - стало быть, опаздывать нельзя.

Его щегольской синий «Ягуар» бесшумно въехал во двор и остановился. Виталик вышел и прошел по дорожке, усаженной кустами отцветающих роз, к дому из калиброванных бревен. Бревна казались золотистыми в косых лучах осеннего солнца. Во дворе росли хвойные деревья, красиво подстриженные, картину довершали два багряных клена у крыльца.

Виталик не обратил внимания на все это великолепие и зашел в дом, дверь открылась автоматически.

В просторном холле тоже никого не было. Виталик пересек холл и поднялся по лестнице на второй этаж. Постучал в дверь несмело и вошел, поймав себя на том, что ступает на цыпочках.

Елена Юрьевна, как всегда, сидела за столом, перебирая какие-то папки. Рядом с ее креслом лежала большая, угольно-черная собака. Виталик присмотрелся и увидел, что собака слегка обнажила клыки – не для того, чтобы укусить, а для того, чтобы посмеяться. Так, во всяком случае, ему показалось.

- Добрый день, мой дорогой, – сказала хозяйка дома негромким мелодичным голосом, который Виталика никак не мог обмануть, – надеюсь, вы хорошо добрались.

Эту женщину он не боялся. Как может бояться девятого вала моряк на углу парусном суденышке, когда мачта уже рухнула и в трюме течь? Тогда остается только молиться, понимая в душе, что спасения нет и надеяться можно только на чудо.

Виталик не верил в чудеса. Если честно, то он и молиться не умел. Просто не знал слов ни одной молитвы. Но он твердо знал, что спасения от этой женщины ему нет и не будет. Если он ошибется и не выполнит того, что она велела.

- Здравствуйте, Елена Юрьевна, – сказал он по возможности твердо, – рад вас видеть.

Она издала легкий смешок, но тут же повернулась к нему.

- Итак, – сказала она, – что вы можете мне сообщить по интересующему меня делу? Вы выяснили, где находится камень?

- Хм... – замялся Виталик, – дело в том, что... хозяин камня... ее муж... в общем, Канарский убит.

- Я в курсе, – Елена Юрьевна наклонила голову с тщательно уложенными волосами цвета меда, – неужели вы думали, что я этого не знаю? И чем это вам помешало?

- Как? – Виталик от удивления осмелел и шагнул ближе. – Но ведь это же в корне меняет дело!

- Не понимаю, почему, – холодно сказала Елена Юрьевна, – вас, мой дорогой, наняли для того, чтобы вы уговорили жену Канарского отдать вам камень. По доброй воле или уж как придется. Вы обязались сделать так, чтобы она отдала его вам по собственному желанию. Так, конечно, надежнее. И теперь вы что же – отказываетесь от дела? Так не пойдет, мы заключили договор, вы, в конце концов, просили аванс, и я пошла навстречу вашей просьбе!

- Но, Елена Юрьевна, – забывшись, Виталик подошел к столу слишком близко, и тут же собака вскочила на ноги и грозно зарычала, обнажив желтоватые клыки.

- Но разговор шел только о том, чтобы выманить у нее камень, – забормотал Виталик, отступая, – а теперь, когда Канарский убит, я не могу с ней видаться, меня сразу же заподозрят. Вы же знаете, в таких делах сразу же подозревают любовника жены...

- Вы уверены, что камень у нее? – спросила Елена Юрьевна. – Вы видели его?

- Н-нет, но... мы говорили об этом... Она... она сейчас в таком состоянии...

- Как раз в таком состоянии ей требуется утешение и поддержка любимого человека! - перебила Елена Юрьевна. - Или... или вы и в этом не преуспели?

- Нет, тут все в порядке. Она привязана ко мне, мечтает о том, чтобы мы были вместе...

- Так действуйте, Виталий, действуйте без промедления! Вас мне рекомендовали как первоклассного специалиста в своем деле, говорили, что у вас не бывает проколов. Так что я жду результатов. И как можно скорее.

Елена Юрьевна отвернулась, и тогда Виталик решился, преодолев страх перед этой женщиной.

- Так не пойдет, - сказал он, решив, что полиции он боится больше, чем этой женщины. Эти убьют сразу, а там буду мучить, посадят в камеру, потом отправят на зону... - В моем договоре, - сказал он, - не шла речь ни о каком убийстве. Это не было предусмотрено. Так что я готов вернуть вам аванс и расторгнуть договор.

- Вот как? - Елена Юрьевна круто развернулась в кресле и посмотрела на него в упор. - Что ж, вероятно, вы не поняли сути нашего договора. Видите ли, дорогой мой, дело обстоит так: либо вы выполняете все, что вам поручено, выполняете точно и в срок, либо... либо вы имеете дело с Лизой. Уж извините, что я объясняю так подробно, но вы оказались очень непонятливы.

Виталик почувствовал, что волосы у него встали дыбом. Раньше он думал, что так не бывает, что это просто метафора, оборот речи - но вот сейчас он это почувствовал сам. И перехватил взгляд собаки. Она снова обнажила клыки в презрительной усмешке.

- Ни о каком расторжении нашего договора не может быть и речи, - сухо сказала Елена Юрьевна, снова разворачивая кресло к столу, - идите и принесите мне камень. Даю вам сроку три дня. Воспользуйтесь своим даром, вполне можете успеть.

Виталик понял, что пора уходить. Он попятился и открыл дверь на ощупь, чтобы не поворачиваться спиной к собаке, хотя та зевнула равнодушно и улеглась поудобнее у ног хозяйки.

Как сомнамбула, спустился он вниз и пересек просторный холл, так же сел в машину и выехал со двора. Проехал несколько километров на автопилоте и только перед самым выездом на шоссе приткнул машину к обочине.

Приходилось признать, что он попал в очень непростую ситуацию. Да что там непростую - выражаясь прямо и грубо, наступил для него полный абзац.

Обычно Виталик старался не употреблять грубых, вульгарных выражений, зная, что женщины этого не любят. Но сейчас не было у него других слов.

Он посидел немного в машине, ожидая, когда перестанут трястись руки.

Выход у него только один: добыть у Алисы этот проклятый камень, а потом бежать. Уехать срочно куда-нибудь к теплому морю. Познакомиться там с какой-нибудь богатой скучающей дамочкой и спрятаться. И больше не связываться ни с какими опасными поручениями. Бог с ними, с деньгами, богатых дам на него хватит...

Он нашел в машине бутылку воды, выпил ее всю и позвонил Алисе. Но телефон ее был выключен.

Капитан Перченоч был мужчина упорный. Он никогда не сворачивал с раз выбранного пути. И дело об убийстве бизнесмена Канарского расследовал тщательно. При первом осмотре основного подозреваемого определить не удалось, так что предстояла теперь кропотливая работа по поиску свидетелей. С этой целью рано утром капитан подъехал к дому на Малой Конюшенной улице, в котором проживал покойный господин Канарский.

Этот дом производил сильное впечатление.

Стройные колонны и пилястры по всему фасаду, могучие, широкоплечие кариатиды, поддерживающие пышно украшенные цветами балконы с коваными решетками...

Особенно заинтересовала капитана одна кариатида. Она была удивительно похожа на судебно-медицинского эксперта Варвару Михайловну Голубец.

- Просто удивительное сходство! - пробормотал вполголоса капитан, внимательно разглядывая эту кариатиду.

Ему показалось, что для полного сходства с Варварой Михайловной той не достает только дымящейся папиросы в углу рта.

Он хотел было даже сфотографировать кариатиду на камеру своего мобильного телефона, чтобы потом показать сослуживцам, но вовремя одумался, вспомнив, что участок перед домом наверняка просматривается видеокамерами и его поступок может быть оценен коллегами весьма неоднозначно.

Капитан подошел к подъезду и хотел уже нажать на кнопку связи с охраной, но в это самое время с другой стороны к тому же подъезду подошел респектабельный пожилой мужчина с далматинским догом на поводке. Не обратив внимания на капитана, владелец дога поднес к домофону электронный ключ и открыл дверь.

Но тут его далматинец заметил проходящую мимо кошку и устремился за ней, вырвав поводок у хозяина.

- Стой, Чарли, стой! - закричал хозяин и метнулся за псом, отпустив дверь.

Капитан Перченоч придержал эту дверь, дождался, пока хозяин догонит свою собаку, и, пропустив обоих в подъезд, вошел следом. Таким образом, ему не пришлось звонить охраннику, что капитан посчитал несомненным плюсом: он предпочитал не предупреждать заинтересованных лиц о своем появлении.

Войдя в холл, он уверенно направился к скромно укрытой под мраморной парадной лестницей застекленной кабинке, в которой находился дежурный охранник.

Охранник ничуть не интересовался происходящим в подъезде, он сидел, уткнувшись в какую-то газету, и невольно вздрогнул, когда капитан постучал костяшками пальцев в стекло.

- Что такое? - Охранник недовольно уставился на капитана, оглядел его с ног до головы.

Тут же он осознал, что пришелец не относится к числу обитателей элитного дома, да и по своему внешнему виду нисколько на них не похож, и придал своему лицу суровый начальственный вид.

- Кто такой? Чего надо? Как проник на охраняемую территорию? - грозно осведомился он,

сведя брови. – Если ты торговый агент, то я тебя сейчас...

– Капитан Перченков, полиция Центрального района! – отчеканил капитан и предъявил свое служебное удостоверение.

– Мало ли что капитан! – процедил охранник, презрительно оглядывая посетителя. – Невелика птица! Здесь – частная территория, и ты своим удостоверением можешь не размахивать! У меня свое начальство есть, я сейчас ему позвоню, и ты, капитан, вылетишь отсюда на второй космической скорости...

При этом охранник для удобства самовыражения открыл окошко своей кабинки.

Капитан не замедлил этим воспользоваться, ловко запустил руку в окно и схватил газету, которую охранник засунул под журнал дежурств. Газета оказалась сборником кроссвордов, почти все были разгаданы, только последний, над которым охранник трудился перед появлением капитана, был не совсем закончен.

– Так-то мы несем службу? Кроссворд, значит, разгадываем? А тем временем кто угодно может проникнуть в охраняемый дом? Ну что ж, звони своему начальству, мне с ним будет о чем поговорить! И мы посмотрим, кто из нас отсюда вылетит и на какой скорости!

– Я извиняюсь... – залепетал охранник. – Почему кто угодно? Я же понял, что вы – при исполнении, поэтому и пропустил... а другого кого ни за что...

– Не надо врать! – оборвал его капитан. – Ничего ты не понял! Нечего мне баки заливать! Ты меня вообще не заметил, пока я к тебе сам не подошел!

– Капитан, зачем нам ссориться? – бормотал охранник, умоляюще заглядывая в глаза Перченку. – Я ведь такой же мент, только бывший... мы же, можно сказать, коллеги... ты только скажи, что тебе нужно, и я без вопросов...

– Менты бывшими не бывают! – строго проговорил капитан, но тут же смягчился: – Ладно, мне с тобой ссориться ни к чему. Я вообще-то пришел с тобой поговорить.

– Поговорить с коллегой я всегда готов! – оживился охранник. – Это же мой, так сказать, гражданский долг! А что я тут кроссворд решал – так ты прикинь: скучно же целый день просто так сидеть...

– Служба есть служба! – строго возразил капитан. – Тебе люди доверили свою безопасность, а ты отвлекаешься на посторонние дела. А если в это время в дом проникнет злоумышленник? Что, кстати, уже и произошло. Ведь в вашем доме недавно жильца убили, господина Канарского. О чем я и хочу с тобой побеседовать.

– А в тот день не моя смена была, – быстро ответил охранник. – В тот день мой сменщик дежурил.

– Ага, только, я думаю, сменщик у тебя такой же бдительный. Тоже небось кроссворды разгадывает, вместо того чтобы следить за входящими в дом.

– Так зачем все время следить, когда тут всюду камеры установлены, – оправдывался охранник, кивнув на несколько мониторов.

– Вот как раз про эти камеры я с тобой и хотел поговорить! – Капитан наклонился и заглянул в

окошко. – У вас ведь есть записи за предыдущие дни?

– Конечно, мы по правилам за целый месяц записи храним. Иногда даже дольше.

– Вот-вот, тогда покажи мне записи за тот день, когда убили Канарского!

Охранник впустил Перченка в свою кабинку. Капитан сел на свободный табурет, а охранник достал из шкафчика компьютерный диск с записями видеокамер:

– Вот как раз за тот день записи!

– Ага... можем мы на этих записях увидеть всех, кто в тот день входил в ваш дом?

– А как же!

Охранник вставил диск в считывающее устройство, и на одном из мониторов появилось разделенное на две части изображение. Слева была кабина лифта, справа – застеленная ковром мраморная лестница. В уголке кадра мелькали цифры – дата и время съемки.

– Ага! – повторил капитан, вглядываясь в эти цифры. – Это, значит, одиннадцать часов...

Для экономии времени охранник включил режим ускоренного воспроизведения.

В кабине лифта один за другим появлялись жильцы дома – хорошо одетые, самоуверенные, благополучные люди. Одного из них капитан узнал – это был тот самый господин с далматинским догом, который помог ему войти в подъезд.

Про всех остальных ему говорил охранник, который знал их в лицо. Впрочем, их было не так много – пожилой бизнесмен с третьего этажа, телевизионный продюсер с четвертого и вдова банкира с пятого. Причем все они спускались в лифте, куда-то отправляясь по своим делам. И ни одного постороннего человека.

По лестнице никто не спускался и не поднимался – видимо, жильцы берегли здоровье.

Двери кабины открывались и закрывались, жильцы входили и выходили. Наконец в лифт вошел молодой парень в кепке-бейсболке с логотипом фирмы «Такеши», в руках у него был яркий пластиковый пакет с тем же логотипом.

– Ага, вот и суши доставили! – оживился капитан.

– Да, в тот день была доставка суши, – подтвердил охранник, сверившись с журналом.

Капитан взглянул на цифры в уголке экрана и кивнул:

– Курьер ничего не перепутал и не ошибся, он приехал в одиннадцать пятьдесят девять, так что в квартиру вошел ровно в двенадцать, ничуть не опоздал...

Вскоре курьер спустился в лифте и покинул дом.

После этого уехала Алиса Канарская.

Капитан внимательно следил за экраном – но на нем не появилось ни одного подозрительного или постороннего человека.

Наконец, уже после трех, в лифт вошли две молодые женщины – это вернулась Алиса Канарская со своей подругой, Агнией Иволгиной. Капитан невольно пригляделся к Агнии – все же было в ней что-то особенное... Не такая, как ее подруга, – та, в общем, ничего себе, но обыкновенная, а эта – сразу видно, не только красива, но и умна. Осознав эту мысль, капитан вздохнул – вот уехала Аня, так он уже на других женщин заглядывается. Вообще-то спаси нас бог от умных женщин, одни неприятности от них.

Тут же он отбросил эту несвоевременную и бесполезную мысль, потому что осознал нечто действительно важное: сейчас эти две женщины поднимутся, войдут в квартиру и обнаружат там окровавленный труп Эдуарда Канарского.

Значит, он уже видел всех тех, кто входил в дом во время убийства.

И не нашел среди них ни одного подозрительного человека, только жильцы дома... мало того – большая часть промелькнувших на экране людей не входила в дом, а выходила из него...

Значит, убийца Канарского – кто-то из своих...

Тогда отпадает версия об убийстве во время ограбления. Хотя капитан и раньше не рассматривал эту версию всерьез. Поскольку вдова убитого дала однозначный ответ, что из дома ничего не пропало.

- А вот и ваши прибыли! – проговорил охранник.

Действительно, на экране появились полицейские, среди которых капитан с некоторым трудом и удивлением узнал себя. Он нечасто видел себя со стороны и смутился.

«Какой-то я несолидный, – подумал он с неудовольствием. – Несолидный и дерганый. И лысею, оказывается, сильнее, чем думал».

Направляясь сюда, капитан рассчитывал, что просмотр записей с камер наблюдения чем-то ему поможет – но теперь он был разочарован. Правда, какая-то важная мысль мелькала на границе его сознания, но он никак не мог ее ухватить...

- Ну-ка, давай еще раз просмотрим! – обратился он к охраннику.

- Как скажешь, ты – начальник, – тот пожал плечами и вернулся к началу записи.

Цифры в углу экрана снова показывали одиннадцать часов.

В лифте снова появился господин с далматинским догом...

И тут капитан ухватил ту самую тревожившую его мысль.

Он видел, как господин с догом вышел из дома, но не видел, как тот вернулся.

- Кто это такой? – спросил капитан охранника.

- Господин Старовский, бизнесмен на пенсии! – ответил тот с уважением.

- Он куда-то уехал со своим догом на целый день?

- Да нет, он его каждый день в это время выводит на прогулку. Примерно на полчаса.

- Вот как! Но когда же он вернулся? Я этого не видел!

- Ну да, не видели, - спокойно ответил охранник, как будто речь шла о чем-то совершенно очевидном, - он только спускается с собакой в лифте, а поднимается по запасной лестнице, потому что собака на улице лапы пачкает, а в лифте у нас дорогой ковер, сами видели, и на парадной лестнице тоже ковер... приличный человек, воспитанный, бережет общественное имущество...

- По запасной лестнице! - воскликнул капитан. - Так у вас есть запасная лестница?

- А как же! - спокойно подтвердил охранник. - По ней мебель поднимают и стройматериалы всякие, если у кого ремонт - кафель там, цемент, смеси строительные... ведь не таскать же все это по парадной лестнице!

- Да, конечно... - кивнул капитан. - А на этой запасной лестнице камера тоже имеется?

- Вообще-то имеется... - протянул охранник, и в его голосе прозвучало смущение.

- Ну, так покажи мне запись за тот же день с этой камеры!

- Да я бы всей душой... - мялся охранник.

- Ну, так покажи!

- Да дело в том, что та камера на прошлой неделе сломалась... мы сразу позвонили в фирму, которая ее обслуживает, они камеру, конечно, заменили, но в тот день, когда убили Канарского, она не работала.

- Значит, записей за тот день нет? - констатировал капитан. - И значит, мы не знаем, кто мог подняться в квартиру Канарских по запасной лестнице?

- Выходит, так, - охранник наклонил повинную голову.

Капитан Перченочек понял, что больше ему здесь нечего делать, и пошел к выходу. Значит, убийца мог спокойно подняться по запасной лестнице, войти в квартиру, убить там Канарского и выйти незамеченным. Тогда напрашивалось два вывода: первый - убийца хорошо знаком с порядками в доме, и второй - Канарский сам открыл ему дверь. Что ж, в таком случае следует тщательно рассмотреть окружение Канарского, его друзей и знакомых. Дело это долгое и муторное, но капитан Перченочек работы не боится.

Агния вышла из отделения полиции и направилась к своей машине. Когда она приехала, возле отделения свободных мест не было, и ей удалось припарковать машину только в нескольких кварталах отсюда, на другой стороне улицы.

В голове у нее все еще звучали последние слова капитана Перченка.

Тот человек, который охотился за старинным сапфиром, тот человек, которого полицейские арестовали благодаря им с Аней, снова на свободе... ему удалось сбежать во время следственного эксперимента... он где-то здесь, в городе...

Опасный, неуловимый человек, убийца, на совести которого как минимум две человеческие жизни. Перченочек считает, что он после побега скроется, ляжет на дно, поэтому ей не нужно впадать в панику, но все же следует быть осторожнее.

Легко сказать - не впадать в панику...

Агния снова вспомнила этого убийцу, глаза, прячущиеся за стеклами черных очков, холодный, скрипучий голос... ей показалась, что она чувствует его пристальный взгляд...

Задумавшись, Агния шагнула на мостовую под красный свет. Рядом с ней заскрипели тормоза, растрепанный, краснолицый мужчина высунулся из темно-синей машины и крикнул:

- Разуй глаза! Тебе что - жить надоело?

Агния вернулась на тротуар, смущенно забормотала извинения. Синяя машина уехала.

Агния огляделась по сторонам.

День был солнечный, и многие прохожие были в темных очках. Каждый второй из них казался Агнии похожим на того страшного человека...

Нет, так недалеко до паранойи, нужно взять себя в руки. Перченочек прав - тот человек наверняка уже далеко отсюда, он уехал куда-нибудь в глушь, залег на дно...

Светофор переключился на зеленый.

Агния снова шагнула на мостовую, и тут на нее буквально налетела высокая смуглая старуха с величественной осанкой престарелой герцогини или балерины на пенсии.

- Девушка, - проговорила она, ухватив Агнию за локоть, - я очень плохо вижу, помогите мне перейти через улицу! Я вижу - у вас такое доброе лицо!

Агния удивленно взглянула на старуху. У той были яркие темные глаза, живые и внимательные, трудно было поверить, что она действительно плохо видит - но Агния привыкла уважать преклонный возраст, она пожала плечами и повела старуху через улицу. Та шла уверенной, легкой поступью молодого человека, но крепко держала Агнию за локоть жесткими скрюченными пальцами.

Примерно на середине улицы старуха наклонилась к уху Агнии и зашептала:

- Мы должны с вами поговорить.

- Что? - удивленно переспросила Агния, решив, что ослышалась. - Что вы сказали?

- Мы должны поговорить. Это очень важно.

- Да что же это такое? - пробормотала Агния. - То вас через улицу перевести, потому что вы плохо видите, а то вдруг какие-то таинственные разговоры...

Они как раз перешли улицу, Агния попыталась вырвать руку, но старуха вцепилась в нее, как клещ.

- У меня рядом машина, - шептала она горячим взволнованным шепотом. - Я подвезу вас куда угодно... мы поговорим по дороге, это очень важно...

- У меня есть своя машина! - резко бросила Агния. - А в машины к незнакомым людям я никогда не сажусь!

Старуха не выпускала ее руку, она что-то еще говорила, взволнованно и убедительно, но Агния ее не слушала. Она увидела рядом на тротуаре женщину средних лет с фокстерьером на длинном поводке, перехватила этот поводок и намотала его на руку смуглой старухи. Фокстерьер залился лаем и запрыгал вокруг старухи, опутывая ее поводком, хозяйка вскрикнула и попыталась перехватить поводок, старуха попятилась и выпустила руку Агнии.

Агния не стала дожидаться завершения скандала, она метнулась в сторону и припустила к своей машине.

Увидев свой новенький красный «Пежо», Агния обрадовалась ему, как близкому человеку, как другу, который никогда не подведет. Она перевела дыхание, замедлила шаги и вытащила из сумочки брелок сигнализации.

Брелок был капризный, иногда он срабатывал не сразу и теперь, как назло, проявил свой скверный характер. Агния чертыхнулась, нажала на кнопку еще раз и тут увидела боковым зрением выскользнувшую из подворотни фигуру.

Темные очки, поднятый воротник куртки...

Агния похолодела.

Это был он, тот самый страшный человек, о котором ее предупреждал Перченоч.

Наверняка он каким-то образом отследил ее машину и караулил возле нее Агнию...

Человек в черных очках оказался между ней и ее машиной.

Агния охнула и бросилась к открытой двери магазина.

В зеркальной двери она увидела, как страшный человек устремился следом за ней.

Магазин, в который вошла Агния, торговал женским бельем. На стойках и манекенах красовались разноцветные лифчики и прочие интимные предметы из новой коллекции. Посетителей не было, только две продавщицы скучали в глубине зала. Одна из них шагнула навстречу Агнии, натягивая на лицо профессиональную улыбку, но тут она увидела панику в глазах девушки и попятилась. Агния схватила первый попавшийся лифчик и устремилась к примерочной кабинке.

- Это не ваш размер, - проговорила вслед ей продавщица, - он будет вам велик!

- Неважно, мне на вырост! - отмахнулась Агния и тут же скрылась в кабинке.

Лифчик действительно был огромного размера, но Агния не собиралась ни покупать его, ни мерить. Она задернула шторы, оставив между ними небольшую щелку, и выглянула в нее.

На улице, перед дверью, стоял человек в черных очках.

Он поправил волосы характерным жестом.

Если у Агнии и были какие-то сомнения - то теперь они отпали: это был он, тот самый киллер, о котором говорил ей капитан Перченоч. Она хорошо помнила этот жест...

Киллер огляделся по сторонам быстрым цепким взглядом и отступил от двери магазина, спрятавшись за газетный киоск.

Агния поняла, что он будет ждать ее там сколько угодно, ей же не позволят долго прятаться в этом магазине.

Но тут, видно, и киллер решил поторопиться. Он вышел из-за киоска, толкнул дверь магазина и вошел внутрь.

Продавщица шагнула ему навстречу и с вежливой улыбкой осведомилась:

- Вам нужен подарок для знакомой дамы?

- Да, подарок, - проговорил киллер своим скрипучим голосом.

- Что-нибудь особенное?

- Да, особенное, - холодно отрезал киллер, пытаясь обойти продавщицу.

- Это для жены или для... другой женщины? - не сдавалась та. - Понимаете, может быть, вы думаете, что это не мое дело, но есть большая разница...

- Я сам посмотрю... - И киллер неторопливо двинулся в сторону кабинок.

- Извините, но вам туда нельзя! - продавщица попыталась встать на его пути.

Мужчина уставился на нее сквозь свои темные очки. Продавщица побледнела и попятилась.

Агния поняла, что ее время на исходе, что нужно действовать, и действовать немедленно.

Она приподняла боковую шторку, поднырнула под нее и перебралась в соседнюю кабинку, из той - в следующую. Та кабинка оказалась последней, за ней был темный закуток, а дальше - дверь с табличкой «Только для персонала». Агния толкнула эту дверь, проскользнула в полутемный коридор.

Навстречу ей попала высокая худая женщина средних лет с картонной коробкой в руках. Она шагнула к Агнии и строго проговорила:

- Сюда нельзя!

- Пожарная инспекция! - бросила Агния в ответ.

Лицо женщины удивленно вытянулось, однако волшебные слова возымели действие, и она отступила в сторону, пробормотав:

- Но мы же звонили Серафиму Павловичу...

- Его уволили! - отозвалась Агния и стремглав бросилась вперед по коридору.

Она миновала несколько закрытых дверей, одну открытую (за ней виднелся накрытый праздничный стол) и, наконец, оказалась перед последней дверью, в которую впадал коридор, как Волга впадает в Каспийское море.

Агния повернула дверную ручку, толкнула дверь - и оказалась в заднем дворе.

Двор был маленький, в нем умещались только мусорные баки и чахлое деревце. Впереди была подворотня, а за ней проезжали машины и доносился уличный шум.

Агния перевела дыхание, закрыла за собой дверь магазина и прошла в подворотню.

Она оказалась на людной улице, соседней с той, где она оставила свою машину. Люди спешили по своим делам, на свидания, в конце концов, просто гуляли, и никому не было дела до Агнии, никому и в голову не приходило, что за ней по пятам гонится киллер...

Агния медленно двинулась к перекрестку. Она хотела посмотреть со стороны на свою машину, убедиться, что возле нее никого нет, но едва она дошла до угла и заглянула за поворот – как нос к носу столкнулась с киллером. Он усмехнулся одними губами и шагнул навстречу.

Агния вскрикнула, развернулась на сто восемьдесят градусов и кинулась наутек, налетая на прохожих и слушая их недовольные восклицания.

Однако, как она ни спешила, шаги киллера раздавались у нее за спиной, он был все ближе и ближе...

Агния уже слышала его размеренное дыхание, она ждала, что в следующее мгновение тяжелая рука киллера ляжет на ее плечо, и тогда все будет кончено...

И в это время рядом с ней притормозила большая черная машина, задняя дверца ее распахнулась, и чьи-то сильные руки втянули Агнию в салон.

В первый момент она почувствовала облегчение: киллер остался позади, она сумела оторваться от него. Но затем испугалась еще больше, завертела головой.

Рядом с ней сидел смуглый мужчина лет сорока в строгом, несколько старомодном черном костюме и черном галстуке, из-за которого он казался похожим на сотрудника похоронного бюро. За рулем сидел еще один мужчина в черном.

- Что вам от меня нужно? - испуганно осведомилась Агния. - Куда вы меня везете?

Мужчины ничего не ответили, зато из-за спинки переднего пассажирского сиденья выглянула смуглая старуха – та самая, которую Агния недавно переводила через улицу.

- Я же говорила вам, деточка, что нам нужно побеседовать! Очень нужно!

- О чем?! - вскрикнула Агния, вжавшись в спинку сиденья. - Зачем? Я не хочу! Куда вы меня везете? Выпустите меня сейчас же! Я никогда не сажусь к незнакомым! Выпустите меня! - Агния дернула за ручку, но та не поддавалась.

- Вы странная девушка, - продолжала говорить старуха, - кажется, за вами гнался опасный человек, мы вас от него спасли, а вы вместо благодарности...

- Я вам благодарна, - неохотно протянула Агния, - но теперь выпустите меня! Выпустите немедленно! И вообще я вас не просила меня спасать, я вас вообще ни о чем не просила...

- Ну ладно, что делать! - вздохнула старуха. - Раз вы так настроены, придется вас выпустить! Ара, выпусти ее! - Старуха взглянула на смуглого соседа Агнии.

Тот кивнул, потянулся к дверной ручке, но в последнюю секунду его рука изменила свое направление и оказалась возле лица Агнии, а в этой руке возник маленький металлический баллончик. В лицо Агнии брызнула серебристая резко пахнущая струя, и девушка провалилась в бездонную темноту.

Первое, что она услышала, выплывая из этой темноты, был озабоченный мужской голос:

- Клиент очень рослый, стандартный размер ему не подойдет, здесь нужен специальный размер...

- Специальный так специальный, - ответил другой голос, более высокого тембра. - В чем проблема?

- Проблема в том, что специальный размер у нас есть только категории «А-6», красное дерево с ручной отделкой. А родственники клиента просили категорию «А-5», орех и с машинной резьбой...

- Значит, нужно их убедить раскошелиться. Все-таки похороны бывают не каждый день...

- Кажется, она приходит в себя! - снова раздался первый голос.

Агния пошевелилась.

Ей было жестко и неудобно, и еще как-то неприятно пахло. Этот запах показался ей смутно знакомым.

Она застонала и открыла глаза.

Она лежала в каком-то странном длинном ящике, стенки которого были обиты голубым подкладочным шелком. Это что-то ей напомнило, но Агния не могла вспомнить, что именно. Вообще мысли в голове ворочались медленно и тяжело, и она никак не могла вспомнить, где она находится, как она здесь оказалась и что с ней произошло перед провалом в темноту.

Агния приподнялась на локтях и выглянула из своего ящика.

Она находилась в просторном помещении, которое было заставлено многочисленными гробами. Гробы были дорогие, из ценного дерева, отделанные медью и резьбой, а также гробы попроще, из полированного дуба и совсем простые, обитые цветной тканью. Тут же было сложено множество венков, опять же на разный кошелек.

Только тут до Агнии дошло, что это за странный ящик, в котором она очнулась.

Она поняла, что лежит в гробу, и тонко, жалобно закричала.

- Я же тебе говорил - она пришла в себя! - раздался рядом с ней знакомый голос - тот, который она услышала, едва вынырнув из темного небытия.

Она обернулась и увидела в головах своего гроба двух мужчин. Оба были смуглые, оба были облачены в черные старомодные костюмы с черными же галстуками, только один повыше и похудее, а второй - меньше ростом и полный. Худой показался Агнии знакомым.

Она пригляделась к нему и вспомнила, что он сидел рядом с ней на заднем сиденье черной машины...

Тут она вспомнила все - как убегала от киллера в темных очках, как ее втащили в эту машину...

- Вы меня похитили? - спросила Агния испуганно. - Но у меня нет миллионов в банке...

Мужчины переглянулись, но ничего ей не ответили. Высокий крикнул куда-то в пространство:

- Ануш Арсеновна, она пришла в себя!

Где-то далеко хлопнула дверь, послышались приближающиеся легкие шаги, и Агния увидела давнишнюю смуглую старуху.

- Это вы? - удивленно проговорила Агния. - Что вам от меня нужно? Зачем вы меня похитили?

- Я же вам сказала: мне нужно всего лишь поговорить с вами. Для этого я вас и пригласила...

- Пригласили? - возмущенно воскликнула Агния. - Это вы называете приглашением? Вы похитили меня на улице, среди белого дня...

- Девушка, милая, но я ведь по-хорошему предлагала вам поговорить. Вы отказались. В конце концов, это ваше право. Мы уже хотели уехать, но тут увидели, что за вами гонится очень опасный человек, и помогли вам. И после этого вы говорите...

- Ага, помогли! - В голосе Агнии прозвучал сарказм. - А потом брызнули в лицо какой-то дрянью, от которой я потеряла сознание. И еще неизвестно, какие будут последствия...

- Уверю вас, никаких! Это абсолютно безвредный состав, древний рецепт, проверенный поколениями наших предков... от него даже голова не болит! Ведь у вас не болит голова?

- Не болит, - вынуждена была признать Агния, - но вы меня все равно похитили! Вы силой привезли меня сюда!

- Для вашего же блага! Уверю вас! Если бы мы высадили вас на улице, как вы тогда хотели, вас тут же догнал бы тот человек...

- Не знаю, что хуже!

- Уверю вас: здесь вы в безопасности!

- Ага, представляете, каково мне было очнуться в гробу! Кстати, я и сейчас в гробу... думаете, мне приятно разговаривать с вами из гроба? Я чувствую себя как дух на спиритическом сеансе!

- Извините, - старуха моргнула одному из мужчин, тот помог Агнии выбраться из гроба, предложил ей глубокое кресло с резной деревянной спинкой. Агния, однако, осталась стоять, ей хотелось размять затекшие мышцы.

- Извините, - повторила старуха, - вы же видите - у нас тут бюро ритуальных услуг, проще говоря - похоронная контора...

- Да, я уж это поняла!

- Ну вот, так мои ребята решили, что гроб - это вполне удобное ложе, и положили вас в него. Ничего более подходящего здесь не нашлось, понимаете ли.

- Кстати, это самый лучший гроб! - подал голос высокий смуглый мужчина. - Красное дерево, внутренняя обивка из натурального шелка...

- Ага, значит, я вас еще и благодарить должна! - фыркнула Агния. - Я пока еще не созрела для гроба!

- Помолчи, Ара! - Старуха строго взглянула на своего подручного. - Кстати, Агния, не хотите ли вы кофе?

- Кофе? - Агния на мгновение замешкалась: с одной стороны, ей ничего не хотелось брать у этих людей, не хотелось вступить с ними в какие-то отношения; с другой - ей действительно очень захотелось выпить кофе.

- Вы никогда не пробовали такого кофе! - проговорила старуха, почувствовав ее колебания.

«А, была не была!» - подумала Агния и кивнула:

- Ну, почему бы и нет? Кофе так кофе!

Старуха кивнула своему подручному, тот куда-то вышел и через две минуты вернулся с худенькой смуглой девушкой в черном платье. Девушка несла серебряный поднос, на котором дымилась маленькая чашка кофе и красовалась вазочка с пахлавой.

Агния взяла чашку и сделала маленький глоток.

Кофе был удивительный - крепкий, сладкий и ароматный, как южная ночь.

- И правда, очень хороший кофе! - признала она после второго глотка.

- Еще бы! - Старуха удовлетворенно улыбнулась, довольная комплиментом. - Мы варим такой кофе больше тысячи лет! Рецепт передается из поколения в поколение!

- Вы? - переспросила Агния. - А кто же вы такие?

- Мы - последователи одной из самых древних религий мира, Древней Ассирио-Месопотамской Церкви Востока, - ответила старуха гордо, - другие христианские церкви считают нас еретиками, но мы полагаем, что только в нашей церкви сохранилась подлинная чистота раннего христианства. Наша церковь возникла в Византийской империи, при императоре Юстиниане, и с тех пор пронесла подлинное апостольское учение в древней незапятнанной чистоте.

- Рада за вас, - сухо ответила Агния, - но только одного не пойму - при чем здесь я? Я не имею никакого отношения ни к вашей, ни к какой-то другой церкви и вообще никогда не бывала на Востоке...

- Это так, - кивнула старая женщина, - но, чтобы вам стало понятнее, чего мы от вас хотим, я должна начать с истории... кстати, почему вы не попробовали пахлаву? Она тоже очень вкусная!

Агния не удержалась и положила в рот кусочек. Вкус был удивительный - нежная сладость сочеталась с чуть заметной горечью пряных трав и чудесным фруктовым ароматом. Казалось, такой аромат мог быть только у фруктов из райского сада.

- Вкусно! - проговорила Агния и потянулась за вторым кусочком. - Это тоже древний рецепт?

- Да, очень древний! - кивнула женщина. - Я не зря угостила вас этой пахлавой. Попробовав ее, вы лучше поймете мои слова. Тот, кто отведал эту пахлаву, не захочет есть готовые сласти из универсама. Как и тот, кто познал благородную веру своих предков, не захочет поменять ее ни на какую другую.

- Я понимаю вас и ничего не имею против вашей веры, однако все еще не могу понять, какое отношение все это имеет ко мне. Не могу понять, чего вы от меня хотите.

- Думаю, сейчас вы все поймете, Агния!

- Кстати, вы откуда-то знаете мое имя, а я ваше - нет. Это как-то неудобно... мы с вами в неравном положении... кажется, ваши друзья называли вас Ануш... Ануш Арменовна?

- Ануш Арменовна, - поправила ее женщина, - впрочем, вы можете называть меня просто Ануш. Отчества среди нас не приняты. Это скорее ваша, российская традиция.

- И кто же вы? Восточная княгиня? Наследница престола какого-то восточного царства?

- Ну, мой род действительно очень древний, - кивнула Ануш, - но мы не уважаем титулы. Подлинные христиане живут в братском равенстве. В действительности я - член Высшего Апостольского совета нашей церкви. Совет прислал меня сюда для решения важного вопроса, от решения которого могут зависеть судьбы всех моих единоверцев, больше того - судьбы всего человечества.

Дело в том, что в далекой древности, почти полторы тысячи лет назад, сторонники нашей церкви получили бесценный дар: драгоценный камень, украшавший крест святого Петра...

Агния удивленно взглянула на Ануш: так вот в чем дело! Эти люди как-то прознали про сапфир «Сердце Запада»... впрочем, узнать это не составило для них никакого труда: история о похищении и подделке сапфира была во всех газетах. Другое дело - как они узнали о ее роли в этой истории... самое же главное - как они узнали, что подлинный сапфир находится у нее?

Агния почувствовала горечь: если эти люди потребуют, чтобы она отдала им этот сапфир, - она не сможет им отказать, а расставаться с сапфиром ей очень не хотелось, она чувствовала удивительную внутреннюю связь с этим камнем.

Однако, подумала Агния, что-то здесь не сходится.

Одорих, один из четырех германских воинов, разграбивших могилу святого Петра, унес сапфир «Сердце Запада» на запад, в королевство франков. Там, в родовом замке потомков Одориха, сапфир хранился полторы тысячи лет, пока не был продан владельцами американскому миллионеру, после чего сменил еще несколько владельцев. Но камень не был на Востоке, не был в Византийской империи...

Ануш тем временем продолжала:

- Этот драгоценный камень принес в пределы Византии германский воин Герузий. Герузий был язычником, но в Византии он встретился с адептами нашей церкви, проникся подлинным учением и принял святое крещение. При этом он вручил главе нашей церкви свой трофей, драгоценный камень, принадлежавший святому Петру. Это был чудесный камень, прекрасный топаз удивительного золотого цвета, словно в нем была заключена частица солнечного света, света подлинного благочестия. Он получил имя «Заря Востока» и занял почетное место в нашем главном храме...

«Ага, - подумала Агния с заметным облегчением, - значит, их не интересует мой сапфир... значит, они на него не претендуют. Но тогда вообще непонятно, чего они от меня хотят. Про второй камень я ничего не знаю...»

- Топаз хранился в нашем святилище, и скоро мы поняли, что он придает нашему храму особенную, неповторимую чистоту и святость. С этим камнем связано несколько чудес – он исцелил двух или трех паралитиков, одного прокаженного и несколько слепых.

Однако потом город, где находился наш храм, был захвачен арабами. Храм разрушили, камень удалось спасти и спрятать. Верные последователи нашей церкви принесли его в Константинополь. Но и там не было мира и покоя: город разграбили крестоносцы. Топаз чудом уцелел и снова занял подобающее ему место в нашем восстановленном храме. Но затем Константинополь пал под ударами турок, и тут топаз «Заря Востока» пропал окончательно.

Мы, точнее наши предки, безуспешно искали камень век за веком. Среди нас распространилось убеждение, что, если мы сможем вернуть этот камень, наша церковь вернет себе подобающее место среди других христианских церквей.

- Я вам очень сочувствую, – проговорила Агния, едва Ануш замолчала, – но не понимаю, какое отношение все это имеет ко мне? При всем желании я ничем не могу вам помочь. Я не видела камня, о котором вы говорите, и ничего о нем не знаю.

- Это очень странно, – пожилая женщина пристально взглянула на Агнию, – дело в том, что мы нашли ваше имя на страницах древнего оракула...

- Какого еще оракула? – спросила Агния в недоумении.

- В одном из наших храмов с глубокой древности хранится Золотая Книга Востока. Это священная книга, которую разрешается открывать только раз в году, на священном осеннем ритуале, первого октября, когда, по нашим традициям, наступает новый год.

В этот день священнослужители открывают Золотую Книгу и читают одну страницу. Непосвященным текст этой страницы кажется туманным и загадочным, но служители храма владеют древним искусством толкования, они расшифровывают текст оракула и на основе его узнают, что следует делать в наступающем году, чего следует ждать от этого года и чего опасаться.

Так вот, в предсказании священного оракула на этот год было названо ваше имя...

- Что, прямо так и написано – Агния Иволгина? – недоверчиво переспросила девушка.

- Нет, конечно, – Ануш улыбнулась. – Оракул – это не адресная книга и не паспортный стол полиции. Там было сказано, что тайна священного камня откроется девушке, имя которой значит «непорочная», которая родилась под знаком Близнецов, когда Меркурий находился в седьмом доме, и которая живет в большом северном городе, где весной почти не бывает ночи.

- И что – только я подошла по всем этим параметрам?

- Представьте себе – да!

- Тем не менее ваш оракул ошибся. Я ровным счетом ничего не знаю о вашем камне.

- Наш оракул никогда не ошибается, – строго возразила ей Ануш, – такого не было ни разу за полторы тысячи лет!

Агния хотела добавить, что оракул не совсем ошибся, но допустил некоторую неточность, что она кое-что знает о другом камне, можно сказать, родном брате священного топаза, но вовремя

удержалась, решив не усложнять и без того непростую ситуацию и не навлекать на себя подозрения этих людей.

А Ануш снова заговорила.

- Оракул не ошибается, - повторила она, - возможно, что вы еще узнаете о священном камне или как-то связаны с ним - но еще сами это не поняли. В любом случае я очень прошу вас дать нам знать, если «Заря Востока» возникнет на вашем пути, если вы хоть что-то узнаете об этом священном камне...

- Непременно, - пообещала Агния, думая, что такое обещание ни к чему ее не обязывает, - а сейчас... если вам от меня больше ничего не нужно, вы меня отпустите?

- Разумеется! - Ануш кивнула своему подручному и коротко распорядилась: - Ара, доставьте госпожу Агнию к ней домой.

Агния направилась к выходу. Ара пошел за ней, но, когда он уже был в дверях, Ануш снова окликнула его.

Когда мужчина подошел к ней и остановился, почтительно склонив голову, Ануш проговорила вполголоса:

- Продолжайте следить за ней. И сделайте так, чтобы тот человек... ну, тот преступник в темных очках, больше ее не тревожил.

- Слушаюсь. - И Ара удалился.

Потеряв Агнию, фальшивый Иванов не на шутку расстроился.

Он не сомневался, что без труда перехватит девушку возле ее дома или в каком-то другом месте, где она постоянно бывает, но он был огорчен тем, что она смогла от него ускользнуть. Неужели он теряет сноровку? Он ведь профессионал самого высокого класса, а она... она никто, пустое место, даже не любитель!

Наверняка ей кто-то помогает, но кто?

Плохо даже не то, что ей помогают, - плохо, что он не имеет представления, кто это может быть.

Кроме этого, в его положении был еще один неприятный момент.

Он сбежал от полиции, но его ищут. Наверняка полиция бросила на эти поиски все свои лучшие силы. Правда, он прекрасно владеет искусством мимикрии, умеет смешаться с толпой, затеряться в многомиллионном городе для него ничего не стоит, но все равно это обстоятельство осложняет его задачу.

Теперь у него были новые документы, такие же неприметные, как прежде. Если раньше он действовал под именем Сергея Иванова, теперь он стал Николаем Петровым, одним из десятков или даже сотен тысяч однофамильцев.

Новоявленный Петров отправился к дому Агнии Иволгиной. Раньше или позже она сюда вернется.

Почти напротив ее дома было небольшое кафе.

Киллер вошел в это кафе и занял столик возле окна – отсюда очень хорошо просматривались улица и все подходы к дому, Агния не сможет вернуться незамеченной.

К столику подошла симпатичная светленькая официантка, улыбнулась и положила на стол меню.

- Кофе, пожалуйста, – попросил мужчина.

- Эспрессо?

- Двойной, без сахара!

Девушка удалилась. Киллер чуть отодвинул занавеску, чтобы еще лучше видеть улицу.

По улице сновали озабоченные люди, прогуливались молодые мамы с колясками. Агнии среди них не было.

Впрочем, киллер готов был к долгому ожиданию.

К столику подошла официантка – не та, что первый раз, другая, высокая смуглая девушка с миндалевидными глазами и лицом античной статуи, поставила перед мужчиной чашку кофе.

Он скользнул по ней равнодушным взглядом, в голове пронеслась какая-то мысль, но тут же отступила, потому что из-за угла вышла молодая женщина, очень похожая на Агнию.

Киллер насторожился, взгляделся в лицо этой женщины и тут же понял, что ошибся: сходство было, но все же это была не она.

Он пригубил кофе и удивленно взглянул на чашку: кофе был удивительно хорош, давно он такого не пил! Разве что десять лет назад, в Стамбуле...

Он сделал еще один глоток, еще...

И вдруг стены кафе поплыли перед глазами, как в детстве, когда он катался на карусели, потом в глазах начало темнеть.

Киллер приподнялся, он искал взглядом подозрительную официантку – но той уже и след простыл. Он потянулся к карману, где у него лежали очень хорошие таблетки, – но рука уже не слушалась его, и киллер упал лицом на стол.

Он долго плыл по темной ночной реке, рядом с ним плыли маленькие деревянные плоты, на которых горели свечи. Пахло ночью, над головой сияли незнакомые, зарубежные звезды. Где-то вдалеке слышался переливчатый женский смех.

Потом он услышал приближающийся шум.

Сначала он был негромким, едва различимым, но потом стал громче, громче и превратился в оглушительный грохот, перекрывающий все другие звуки.

Он с ужасом понял, что это такое – ниже по реке водопад, и река несет его к этой пропасти...

Он попытался плыть от водопада – но руки и ноги его не слушались, он не мог пошевелить

даже пальцем.

Грохот водопада приближался, становился все громче, все оглушительнее – и вот, наконец, его беспомощное тело подхватило мощное течение, выбросило из темного покая реки в сверкающую, безжалостную круговерть, швырнуло вперед, в страшную глубину...

И он очнулся.

Он лежал на жесткой крахмальной простыне, рядом виднелась стойка капельницы, слышались какие-то озабоченные голоса.

- Кажется, он очнулся! – проговорил один из этих голосов, и он увидел над собой строгое женское лицо в обрамлении голубой медицинской униформы.

- Он открыл глаза! – проговорила женщина, и тут же рядом с ней появился мужчина, тоже в голубом.

- Где я? – хотел проговорить киллер, но голос его не слушался, он не смог издать ни звука.

- Как мы себя чувствуем? – осведомился мужчина в голубом тем фальшиво-жизнерадостным тоном, каким врачи разговаривают с тяжелобольными.

- Хреново, – хотел ответить ему киллер – но у него опять ничего не вышло. Тогда он попытался поднять руку, хотя бы пошевелить ей – но не смог двинуть даже пальцем.

- Ну, все не так плохо, как мы думали! – проговорил врач, осторожно приподнимая его веко. – Организм у вас очень крепкий, думаю, вы выкарабкаетесь...

- Что со мной случилось? – хотел спросить киллер, но опять не смог издать ни звука.

Однако врач, похоже, понял его безмолвный вопрос.

- Вас нашли на улице, без сознания, – сообщил он, – полагаю, что у вас случился инсульт. Иногда это бывает и в более раннем, чем у вас, возрасте. Но пока мы провели не все анализы, и окончательный диагноз ставить рано. Тем более рано говорить о каких-то определенных прогнозах. Но я думаю, Петров, что вы справитесь!

- Кто там? – спросила Алиса испуганно из-за двери.

- Это я, – услышала она в ответ приглушенный голос, – это я, малыш, открой...

Путаясь в замках, она отворила дверь, и тотчас в прихожую проскользнул Виталик.

- Что случилось? – Она попятилась. – Ты разбудил меня...

Машинально он подумал, что история повторяется – только недавно он точно так же смотрел на нее недовольно спросонок.

- Уже не так рано, – сказал он, – я не думал, что ты спишь.

- Я приняла снотворное, всю ночь проворочалась, а теперь вот ты... Так что случилось? Зачем ты пришел, ты же сам говорил мне, что это опасно!

- Прости меня! - Виталик сбросил плащ прямо на пол и заключил ее в объятия. - Малыш, прости меня! Я не должен был прогонять тебя, я вел себя не по-мужски! В такое время тебе нужна поддержка, а я... - он обнимал ее все сильнее.

- Но... - Алиса пыталась вырваться и заглянуть ему в глаза, - как же мы...

Он закрыл ей рот поцелуем, подхватил на руки и понес в спальню. Но остановился на полдороге, потому что не знал, где эта спальня находится. Квартира была огромная, в ней можно было заблудиться, а он никогда раньше здесь не был. Алиса боялась разоблачения и никогда не приглашала его к себе, они встречались у него на съемной квартире. Он-то, разумеется, сказал ей, что квартира его. Вот интересно - оказывается, муж тоже ей все врал насчет квартиры.

Осторожно он опустил свою ношу на пол. Надо же, вроде бы стройная такая, лишнего веса нисколько, а нести тяжело.

- Ну, - сказал он, незаметно переведя дух, - куда дальше? Где здесь спальня?

- Нет, - встrepенулась она, - в спальню не надо, только не на кровати, где мы...

Он чертыхнулся про себя, набрал полную грудь воздуха, как штангист перед очередной попыткой, подхватил ее снова на руки и рванулся в противоположную от спальни дверь, в левую.

- Нет! - закричала Алиса. - Только не туда, там кухня, именно там его убили!

- Да что же это такое! - уже не скрываясь, прорычал Виталик и наугад открыл следующую, подумав, что если эта зараза и тут станет орать, то он просто бросит ее и уйдет. В конце концов, он не железный, этак никаких нервов не хватит.

Эта комната оказалась гостиной. Виталик мельком разглядел кожаный угловой диван мерзкого желто-горчичного цвета, низкий столик, на нем серебряную вазу с фруктами, в углу - огромную статую медного Будды, до того блестящую, что больно стало глазам. Виталик прикинул наскоро, что диван не подойдет - угловой, неудобный, да еще скользить станет, и бросил Алису прямо на ковер. Одним движением рванув на ней халат, так что пуговицы брызнули в разные стороны, он навалился на нее, успев только скинуть пиджак. Нужно было действовать скорее, чтобы она не успела опомниться.

- Дорогая... - шептал он сквозь поцелуи, - любимая... я хочу тебя... хочу...

Дело пошло на лад, вскоре Алиса перестала сопротивляться и сама помогла ему освободиться от одежды. Ковер нещадно кололся, и он подумал было, что Алисе тоже некомфортно, но похоже, что она обо всем позабыла.

Слушая ее стоны и всхлипы, Виталик самодовольно подумал, что талант его никогда не подводил. Но не время расслабляться, это еще полдела. Даже не половина, а малая часть. Главное - выманить у нее камень, а там уж поскорее исчезнуть из ее жизни. Пускай сама разбирается, как там будет дальше.

Виталик никогда не жалел обманутых и брошенных им женщин. В конце концов, силой-то он никого не тянул.

По прошествии некоторого времени, когда действие закончилось, Виталик решил, что пора

приступать к главному. Вот как раз в такие минуты, когда женщина расслаблена и смотрит с поволокой, еще не совсем понимая, на каком она свете, нужно ковать железо, что называется, не отходя от кассы.

- Милая... - прошептал он, уткнувшись губами в теплую ямку у Алисы на шее, - дорогой мой малыш, и как это я так долго смог протянуть без тебя... Я тут подумал... знаешь, мы должны уехать. Уехать далеко, очень далеко...

- Уехать? - как эхо повторила Алиса. - Но куда же? Ведь я говорила тебе в прошлый раз, что Эдуард не оставил мне ничего. Ни денег, ни недвижимости, вилла в Ницце оказалась заложена, и банк ее заберет вскоре...

- Как будто, кроме Ниццы, нет никаких других мест, годных для проживания! - тихонько рассмеялся Виталик. - Были бы деньги, а земля большая...

- Денег тоже нет, - печально вздохнула Алиса, - на карточке совсем немного.

- Ну, на первое время хватит и моих денег, - протянул Виталик, - а потом... послушай, то, что я скажу, - это очень серьезно. Ты говорила, что у твоего мужа был камень - очень крупный золотистый топаз. Так вот, он может стоить целое состояние. Я узнавал, такие камни очень редкие и ценятся дорого.

Он поморщился, прикоснувшись голой ногой к ворсистому колкому ковру, и подложил рубашку. Для этого ему пришлось отвернуться на мгновение. Так что он не успел заметить, как подозрительно блеснули глаза у Алисы.

Однако она ничего не сказала, наблюдая за любовником из-под опущенных ресниц.

- Ты, конечно, скажешь, что такой дорогой камень трудно будет продать, - продолжал Виталик, нежно поглаживая Алису по узкому загорелому плечу, - но мы не будем продавать его здесь. У меня есть связи, я знаю нужных людей, нужно только вывезти его за границу. А там уж все образуется.

Алиса порывисто обняла его за шею и спрятала лицо у него на груди для того, чтобы он не видел, как подозрительно блестят ее глаза и кривятся губы.

- Ты только представь, - продолжал Виталик, - мы будем богаты, сказочно богаты! И будем сами хозяевами своей судьбы! Мы полетим куда захочешь и будем жить в самых лучших отелях. Нужно только продать камень надежным людям... ну, это я возьму на себя, тебе не о чем беспокоиться...

Алиса как-то странно дернулась в его руках.

- Что с тобой? - Виталик оторвал ее от себя и внимательно поглядел в глаза.

- Ничего, ты случайно меня поцарапал...

- Прости! Дай поцелую! - Он потянулся к ней, и Алиса подставила ему губы.

- Ну, так что, - спросил он после долгого поцелуя, - ты покажешь мне камень?

- Но я не знаю, где он, - сказала Алиса, - понимаешь, я знала, что Эдуард купил его, я видела этот камень, но я понятия не имею, где он сейчас.

- То есть как? - Виталик приподнялся на локте и смотрел на нее во все глаза. - Как это - не знаешь? Ты же говорила, что видела его! Говорила, что муж его тебе показывал!

- Ну да, я видела, я даже знаю, что он привез его в Россию, но вот куда потом дел... Он не говорил со мной о делах...

- Где он может быть? - Виталик порывисто вскочил и заходил по комнате.

Вид у него был бы смешной и жалкий - совсем голый, в одном спущенном носке, - если бы лицо не было таким злым.

- Вспомни, возможно, ты знала, но просто забыла! - набросился он на Алису. - Ну куда твой муж мог его положить? Спрятать где-то здесь, в квартире? Наверняка тут слона можно спрятать - не квартира, а лабиринт Минотавра!

- Не знаю... полиция тут все обыскала, ничего не нашли, - ответила Алиса, исподтишка наблюдая за любовником.

От нее не укрылись его трясущиеся руки, прыгающие губы и злой взгляд.

«Какой он противный, - подумала она невольно, - и что я раньше находила в нем хорошего? В постели, конечно, в своем деле он очень даже ничего, а так - пустое место... Еще и глуп к тому же и самодоволен до неприличия».

Он повернулся к ней, и Алиса едва успела принять самый жалостливый вид.

- Виталик... - протянула она, и в голосе ее прозвучали слезы. - Милый, зачем ты так на меня смотришь? Я не виновата, что муж так со мной обращался... Он не допускал меня к своим делам. Он всегда говорил, что сам во всем разберется. И вот теперь оказалось, что он оставил меня нищей...

- Но ты точно знаешь, что камень был? - Виталик наклонился и навис над ней, так что захотелось оттолкнуть его, чтобы было больше воздуха. - Или ты просто все придумала, чтобы...

- Чтобы - что? - Алиса сделала вид, что испугалась, и даже попыталась отползти в сторону. - Виталик... - проскулила она жалким дрожащим голосом, - ты меня пугаешь...

Она почувствовала, как фальшиво выглядит вся сцена, но этот самодовольный тип ничего не понял.

Он отвернулся и топнул ногой. Было очень забавно наблюдать за ним сзади. Но Алиса даже не улыбнулась. Она выжидала. Спина у ее любовника тряслась, Алиса готова была поклясться, что он судорожно сжимает кулаки и ругается про себя неприличными словами. Наконец он успокоился и обернулся.

- Прости меня, малыш, - сказал он, криво улыбаясь, - я нервничаю. Все же нас могут записать в подозреваемые. Ты говорила - у тебя алиби, но у меня-то его нет!

- Но никто не знает, что мы встречались! - Алиса встала с ковра и накинула халат, отметив мимоходом, что на ее нежной коже видно раздражение от жесткого ковра. Ну, это не самое страшное. Это быстро пройдет. - Дорогой, я обязательно найду этот камень, - сказала она, подходя ближе к любовнику, - я понимаю, что это наш шанс на новую счастливую жизнь. Я

обыщу всю квартиру и найду его тайник. Я спрошу его адвоката и узнаю, в каком банке у Эдика была абонирована ячейка. Я все узнаю, не беспокойся.

С этими словами она посмотрела Виталику в глаза нежным, преданным взглядом, думая в тревоге, что вряд ли у нее получится такой взгляд. Через некоторое время, однако, она убедилась, что он поверил. Обнимая его за плечи, она почувствовала, что из него потихоньку уходит напряжение.

- Ты точно знаешь, что камень очень дорогой? - тихонько спросила она, уткнувшись ему в плечо.

- Абсолютно уверен, - ответил он твердо, - ты даже не представляешь, насколько.

- Тогда не волнуйся, я обязательно его найду. А теперь иди, - сказала она, незаметно взглянув на часы у него на запястье, - ты прав, не нужно, чтобы тебя видели здесь. Я позвоню.

- Я сам тебе позвоню, - сказал он, заглядывая ей в глаза, - сегодня вечером.

- Лучше завтра, - она уже подавала ему рубашку, ботинки и второй носок.

Она заперла за ним дверь и постояла немного, затаив дыхание. Ушел. Все правильно, не к лифту, а к запасной лестнице, как она велела. Нечего ему здесь маячить. Однако время не ждет. Алиса встрепенулась и побежала в кабинет мужа, куда не заходила с самого дня его смерти. Да и раньше-то нечасто она там бывала.

Алиса взглянула на часы.

Время приближалось к двенадцати.

То самое время...

Два или три раза она видела, как ее покойный муж Эдуард в двенадцать часов дня (точнее, за несколько минут до полудня) удалялся в свой кабинет, плотно закрывал за собой дверь и что-то делал там в течение получаса.

Алиса, как и все женщины, очень любопытная, заинтересовалась его полуденным уединением и решила узнать, что делает Эдик за запертой дверью.

Как-то раз она заранее наклеила на замок двери кабинета полоску жевательной резинки и дождалась, когда муж снова отправится в кабинет. Эдуард по привычке захлопнул дверь, но резинка не дала замку защелкнуться.

Алиса подкралась к двери и чуть-чуть приоткрыла ее.

Хорошо смазанные петли не скрипнули, и Алиса осторожно заглянула в щелку.

И чуть не застонала от разочарования: муж был в глубине комнаты, в том ее конце, который не был виден!

Открыть дверь шире? Но тогда он может заметить ее и устроит скандал... Разорется, ударит ее по лицу, начнет выкручивать руки...

Алиса хотела уже сдать и уйти, как вдруг увидела картину, висящую на стене почти

напротив двери. Точнее, не картину, а старинную гравюру. Гравюра была закрыта стеклом, и под углом это стекло превратилось в настоящее зеркало.

И вот в этом зеркале Алиса увидела своего мужа.

Эдуард стоял перед камином и следил за стрелками больших старинных часов, украшавших каминную полку. Часы были бронзовые, очень красивые, они изображали старинный корабль с развернутыми парусами.

Вот стрелки часов сомкнулись на цифре двенадцать, часы начали мелодично отбивать время. В эту же секунду Эдуард повернул по часовой стрелке крошечный штурвал на корме бронзового парусника, как будто хотел изменить его курс...

И тут случилась удивительная вещь. Часть каминной полки, на которой стояли часы, выдвинулась вперед, и за полкой открылся темный проем тайника.

Алиса, которая в изумлении наблюдала за происходящим, чуть шире раскрыла дверь.

Эдуард что-то услышал или скорее почувствовал и обернулся. Алиса испугалась и убежала в гостиную.

Муж, похоже, ни о чем не догадался, но с того дня Алиса утратила покой. Днем и ночью перед ее глазами стоял бронзовый парусник с часами, стоял открытый тайник, и она мечтала заглянуть в него, узнать, что же прячет там Эдуард...

Но Эдуард как будто чувствовал ее любопытство. Он все делал для того, чтобы она никогда не оставалась дома в полдень.

А потом... потом случилось то, что случилось.

Эдуарда убили, в квартире появилась полиция.

Чужие люди перерыли квартиру вверх дном – но они, разумеется, не нашли тайник.

А Алиса ждала, ждала, когда же наконец она останется одна... Она хотела сделать это на следующий день после смерти мужа, но явился этот противный полицейский со странной и смешной фамилией, а затем, на следующий день, ее посетил адвокат. Чтобы сообщить, что Эдуард не оставил ей ничего, что все его деньги – миф, а недвижимость давно уже имеет другого хозяина.

Про камень адвокат ничего не сказал, а когда она спросила, поморщился и буркнул, что это – ничем не подтвержденные слухи. Но она знала: как-то муж был сильно пьян и проболтался про камень. Она была уверена, что камень хранится в тайнике в кабинете. Нужно только в этом убедиться.

И вот этот час настал.

Она плотно закрыла за собой дверь кабинета.

В этом не было никакого смысла – ведь она была одна в квартире, – но какой-то инстинкт руководил ее действиями.

Она подошла к камину, взглянула на часы.

Стрелки показывали без трех минут двенадцать. Еще три минуты, и она сможет открыть тайну Эдуарда...

Время тянулось невыносимо медленно, минутная стрелка, казалось, стояла на месте. На всякий случай Алиса взглянула на свои наручные часики – но они показывали то же самое время.

Без двух минут двенадцать... без одной минуты...

Ну вот, наконец, стрелки слились на верхней отметке, часы начали мелодично бить.

Алиса торопливо, дрожащими руками повернула штурвал бронзового корабля, взглянула на каминную полку...

Но она даже не шелохнулась.

Черт, что же это значит? Неужели Эдуард заметил, что она следила за ним, и что-то изменил в устройстве тайника? Или она неправильно запомнила его действия?

Да нет, все было именно так...

Она четко помнила, как наблюдала за отражением Эдуарда в стекле. Он стоял здесь, в этом самом месте, и поворачивал штурвал по часовой стрелке...

И тут до нее дошло.

Она видела мужа в зеркальном отражении, а в зеркальном отражении левая рука оказывается справа, а правая – слева. И если ей казалось, что он поворачивает штурвал по часовой стрелке, значит, в действительности все было наоборот...

Часы все еще отбивали время.

Который это удар? Шестой? Седьмой? Может быть, уже одиннадцатый?

Только бы она не опоздала, только бы не пропустила нужный момент, иначе придется ждать еще целые сутки, а она не выдержит такого долгого ожидания!

Алиса повернула маленький бронзовый штурвал против часовой стрелки, и – о чудо! – раздался негромкий скрип, и часть каминной полки выдвинулась вперед.

Под ней обнаружился тайник.

Алиса взвыла от восторга и бросилась к тайнику.

Она заглянула в него, запустила руки...

И вытащила из тайника стопку каких-то бумаг.

И больше ничего.

Она-то ждала, что найдет в тайнике какие-то драгоценности, что-то ужасно дорогое... скорее всего, тот камень, о котором говорил Виталий... ведь муж действительно купил этот камень, потратив на него чертову прорву денег!

Она перебрала бумаги по листку – какие-то цифры, умные юридические термины... бланки с печатями... еще какие-то документы... наверное, это что-то важное, но камня, камня, на который она так надеялась, не было.

Выходит, все было зря? Все напрасно? У нее действительно ничего не осталось, она нищая?

Алиса снова запустила руки в тайник, обшарила его, чтобы убедиться, что ничего не упустила, – и ничего не нашла.

Как же так?

Все ее надежды рухнули в одночасье... кто же в этом виноват? Конечно, он, Эдуард! Он обманул ее, бессовестно обманул, оставил! И самое ужасное, что теперь он недоступен для мести! С ним больше ничего не сделаешь!

Мерзавец! Сволочь! Скотина!

Алиса застонала в бессильной злобе, заколотила кулачками по каминной доске...

Только боль в руках отрезвила ее.

Алиса глубоко вздохнула и приказала себе успокоиться. Сейчас не время для истерики. Сейчас нужно взять себя в руки, собраться и как следует подумать над тем, куда мог деться камень.

Это очень важно. Неужели муж заметил, как она подсматривает за ним в тот день, и перепрятал камень? И что это за бумаги лежат в тайнике? Как ей с ними разобраться?

Ее размышления прервал телефонный звонок.

– Это Канарская Алиса Дмитриевна? – спросил в трубке вкрадчивый голос.

– Да, я вас слушаю, – Алису не обманула кажущаяся доброжелательность, она сразу поняла, что звонят по серьезному официальному делу.

– Вас беспокоит старший следователь Уткин Владимир Егорович. Прошу вас явиться ко мне на допрос завтра, в тринадцать часов. Адрес такой-то...

– На допрос? – растерялась Алиса. – Какой еще допрос? Я уже все рассказала вашему сотруднику, капитану... как его Перчик, Перченый, Перчный...

– Капитан Перченок не имеет, Алиса Дмитриевна, ко мне отношения, – спокойно пояснил следователь, – у него свое дело, а у меня – свое. Он должен убийцу вашего мужа найти, а я – дело до суда довести. Да так, чтобы судья не вернул на доследование и преступник был наказан по всей строгости закона. Их, капитана со товарищи, как волка, ноги кормят, а моя работа – серьезная, кабинетная, обстоятельная. Бумаги, они, знаете, легкомысленного отношения не прощают. Знаете, даже пословица такая есть: «Без бумажки, мол, ты – букашка, а с бумажкой – человек». Понимаете разницу?

– Да уж, – вздохнула Алиса.

– Так вот, Алиса Дмитриевна, стало быть, жду вас завтра к себе для допроса, – повторил Уткин, – сразу предупреждаю, что беседа наша будет долгой и подробной. Будем по минутам восстанавливать ваши передвижения в тот день.

- Но я же... у меня же полное алиби... - Алиса тут же поняла, что сказала лишнее. Этот следователь только притворяется таким добрячком, а на самом деле - противный и въедливый крючоктвор. Будет теперь и правда по минутам ее день рассматривать. Это бы еще ладно, у нее и правда железное алиби. Но...

Как бы в ответ на ее мысли следователь продолжал нудным монотонным голосом:

- Еще надеюсь с вашей помощью узнать в подробностях про то, как ваш муж время проводил, с кем встречался, куда ходил. Где обедал, где ужинал и так далее. Вы - женщина молодая, память у вас хорошая, поговорим - и все станет ясно.

Следователь сделал паузу. Должно быть, хотел, чтобы она оценила его комплимент и прониклась к нему теплыми чувствами. Затем продолжил:

- Это только убийца думает, что он не оставляет никаких следов, а на самом деле - не в вакууме живем, а среди людей. Тайное всегда становится явным, это я за двадцать лет работы хорошо уяснил.

- Но я... я ничего не знаю... - растерялась Алиса, - муж не говорил со мной о делах...

- Ну, что-то же вы помните. Вот встали тогда утром, что он делал? В каком настроении был? Может, звонил куда, может, ждал кого-то? Впрочем, что это мы по телефону, приходите завтра, тогда и поговорим без спешки. Всего вам хорошего, Алиса Дмитриевна, жду встречи. Вы не волнуйтесь, я помогу вам вспомнить все!

«Встречи он ждет, - подумала Алиса, отбросив телефон, - ага, сейчас, разбежалась. Спешу и падаю!»

Интуиция подсказывала, что этого типа, несмотря на его добродушный хохоток и вкрадчивый голос, следует принимать всерьез. Вот как запрет ее в кабинете да как начнет расспрашивать, по десять раз повторяя одни и те же вопросы. Да не только ее, а еще соседей, охранников, мало ли кто что может вспомнить...

Алиса снова внимательно посмотрела на пустой тайник. Так, поиски камня следует пока отложить и заняться другим. Это на данный момент важнее.

Алиса закрыла тайник, положив в него бумаги, затем в спальне переоделась в простой спортивный костюм. Темненький такой костюмчик, немаркий и неприметный. После чего осторожно подошла к балконной двери в гостиной.

Как уже говорилось, дом был старый, с красивыми балконами, которые поддерживали мощные кариатиды. Над квартирой Эдуарда Канарского, которая, как выяснилось, ему не принадлежала, а была взята внаем, располагалась точно такая же квартира с балконом, который поддерживали похожие кариатиды. Всего их на фасаде было шесть штук, по две на балкон. Таким образом, те кариатиды, которые были ответственны за верхний балкон, находились по бокам балкона Канарского.

Супруги на балкон выходили редко, так что если выше этажом на балконе отцветали пышным цветом поздние астры и даже догуливала перед отправкой на зимние квартиры огромная пальма в кадке, на балконе Канарских было пусто и пыльно, как в курортной библиотеке. Окурков, правда, не валялось, как и других неподобающих предметов, - наверху жили приличные люди.

Алиса открыла балконную дверь и постояла немного, привыкая к доносящемуся снизу шуму улицы, напоминающему отдаленный морской прибой.

Не выходя, она осторожно огляделась. Когда она посмотрела на кариатиду, находящуюся справа, то невольно вздрогнула, поскольку ей показалась, что та смотрит на нее с большим подозрением и как будто обвиняет в чем-то.

Алиса не могла знать, что именно эту кариатиду капитан Перченоч квалифицировал как точную копию судмедэксперта Варвары Михайловны Голубец. Он-то ничуть бы не удивился такому взгляду – Варвара Михайловна известна была как дама твердого, непоколебимого характера и железной, несгибаемой воли. Все знали, что хватка у нее бульдожья, а взгляд – рентген.

Алиса потрясла головой – привидится же такое! Как эта тетка может ее в чем-то подозревать, она же каменная. Это все нервы, нужно взять себя в руки.

Она переступила порог балкона и опустилась на четвереньки. Ей было прекрасно известно, что от любопытных взглядов из соседних окон ее загораживают кариатиды. Ее могли заметить только с улицы, для того и пряталась она за перилами балкона.

Не обращая внимания на то, что на балконе было грязновато, Алиса поползла в левый угол. Ей нужно было пообщаться с левой кариатидой. При этом снова она перехватила грозный взгляд правой, той самой, родной сестры Варвары Михайловны Голубец. Алиса отвернулась, сделал вид, что все в порядке.

Остановившись под левой кариатидой, она, приподнявшись и тщательно следя, чтобы ненароком не высунуться за перила балкона, сунула руку туда, где кариатида прикреплена была к стене. Верхняя ее часть была вполне объемной, а нижняя как бы уходила в стену. То есть так подразумевалось, на самом деле в наличии была только половина каменной дамы.

И вот там, между стеной и кариатидой, оказалось небольшое углубление. То ли по капризу или недосмотру строителей, а скорее всего, оно образовалось от скверного петербургского климата уже после, за долгое время, почти за сто пятьдесят лет.

Алиса обнаружила это углубление случайно, когда выскочила как-то на балкон после того, как муж в сердцах отлупил ее по щекам.

За что? Она уж не помнит, наверно, ни за что. То есть, конечно, было за что, только он об этом не знал.

Вот так вот, своей ревностью он буквально толкнул ее к другому мужчине. Если бы он вел себя по-другому, она бы не повелась на Виталика. Ну что ж, теперь уже делать нечего.

Алиса пошарила рукой в углублении и вытащила компактный сверток. Не стала разворачивать его на балконе, а задним ходом отползла к двери, напоследок оглянувшись на правую кариатиду. Та взглядом дала понять, что с ней бы такой номер не прошел.

Сама себе удивляясь, Алиса показала кариатиде язык и вползла в гостиную. Там она встала, задернула занавески и только тогда развернула сверток. В нем находился небольшой черный пистолет. Алиса внимательно его рассмотрела и завернула обратно, тщательно следя, чтобы не коснуться его руками.

После чего приняла душ, смыла с себя балконную грязь и наскоро сделала макияж. Не

слишком яркий, поскромнее. Оделась попроще и вышла из квартиры, сделав скорбное выражение лица – она же все-таки вдова.

Виталик сидел дома в полном унынии. Он боялся звонка Елены Юрьевны. Она дала ему три дня на поиски камня, один уже прошел, а ему нечего было ей доложить. Он так рассчитывал на встречу с Алисой, он так старался, убажывая ее. Да после такого любая женщина должна была выложить ему все, что она знает. И все, что не знает, тоже.

Эта же идиотка только твердила как попугай, что понятия не имеет, куда делся камень. Просто даже удивительно, до чего неловкая и тупая. Неужели самой неинтересно было узнать, где муж держит такую ценную вещь? О чем она только думала, в облаках витала, о нем, о Виталике, грезилась...

Виталик невольно подумал, что в чем-то понимает покойного Эдуарда Канарского. В данный момент ему самому хотелось задать Алисе хорошую трепку. Просто схватить ее за плечи и трясти как грушу, пока не скажет, где находится проклятый камень. Но ведь она и правда не знает... Ой, дура!

Виталик встал и заходил по комнате, как голодный тигр по малогабаритной клетке. Что делать, что делать? Что сказать Елене Юрьевне, если она призовет его к ответу? Правда, у него есть еще два дня. Два дня относительной свободы...

И в это время раздался звонок в дверь. Виталик вздрогнул и обхватил себя руками за плечи, так как почувствовал, что сердце его катится в пятки и ноги не держат.

Звонок продолжал трезвонить. Было такое впечатление, что в кнопку колотили кулаком.

«Это не полиция, – мысли слабо ворочались в голове Виталика, – те звонили бы солидно, в дверь стучали, кричали бы, чтобы отворили, представились. Может быть, у соседей протечка?»

На всякий случай он заглянул в ванную. Там все было в порядке. Виталик понял, что нужно решаться. Он подошел к двери и спросил слабым голосом, кто там.

- Виталик, открой, это я! – послышался голос Алисы. – Открой же скорее!

Не веря себе, он заглянул в глазок. Там отражалось нечто несусветное с выпученными, как у больной лягушки, глазами. Не сразу он понял, что так выглядит Алиса в искаженной линзе глазка.

- Что случилось? – спросил он, едва не добавив, за каким чертом она притащилась.

- Милый! – закричала Алиса, врываясь в квартиру, как тайфун. – Дорогой мой!

И тут же опасливо оглянулась на дверь. Бросив сумку в прихожей, она повисла на нем, настойчиво подталкивая в комнату.

- Да что такое? – Он едва не сбросил ее руки.

- Любовь моя! – Глаза Алисы сияли. – Любовь моя, я нашла его! Слава богу!

- Что? – Теперь уже Виталик потащил ее за собой в комнату. – Ты хочешь сказать...

- Да-да! – в полную силу закричала Алиса. – Я нашла камень!

- Ты его нашла? - Виталик сжал ее плечи. - Это точно? Он здесь, с тобой? Дай сюда!

Он коршуном бросился в прихожую, схватил ее сумку. То есть только попытался схватить, Алиса опередила его на долю секунды. Он только успел почувствовать какую-то странность, но эта мысль тут же ушла, потому что в голове пели фанфары: она нашла камень.

- Его пока нет, - тараторила Алиса, - его нет, но я знаю, где он... я точно знаю...

- Точно? - Он отбросил уже всякую дипломатию. - Где он? Говори же: не мучай меня!

- В ячейке, - выпалила Алиса, - в ячейке «Бета-банка». Я говорила только что с адвокатом, и он мне сказал, что Эдик... что у Эдика есть в этом банке ячейка, он знает номер и код. И у него есть распоряжение от Эдика, что в случае... в случае его смерти... чтобы к ячейке допустили его жену, то есть меня...

- Да? А что же он раньше молчал, этот адвокат? - Виталик спрашивал просто так, по инерции.

- Понимаешь... наверно, он ждал, когда я сама поинтересуюсь, а я была в таком состоянии, что...

- Но ты точно знаешь, что камень там, в ячейке? - допытывался Виталик.

- Конечно! - с жаром подтвердила Алиса. - Я сама адвоката об этом спросила! И он ответил утвердительно.

- Это ты зря... - протянул Виталик, - осторожнее с ним нужно. Все адвокаты - жулики.

- Да-да, я уже потом поняла, что не стоило этого делать, - заторопилась Алиса, - поэтому я и пришла. Ты должен пойти завтра со мной - так, на всякий случай.

- Ты этого хочешь? Ты уверена, что не будет проблем? - В душе Виталика вполне понятная осторожность боролась с желанием завладеть наконец камнем.

- Ну, дорогой мой, ты мне так нужен! - взмолилась Алиса.

- Ну, раз так нужно, я приду, - Виталик улыбнулся, - ты же знаешь, что всегда можешь на меня рассчитывать!

- Чудно! - Алиса отпрянула. - Значит, завтра в десять ноль-ноль у дверей «Бета-банка». А сейчас я побегу, нужно в парикмахерскую, чтобы завтра выглядеть богатой наследницей.

В прихожей она поглядела на себя в зеркало и охнула:

- Я ужасно выгляжу! Нужно подправить макияж.

И скрылась в ванной, прихватив сумочку.

Вышла Алиса оттуда довольно быстро.

Будь на месте Виталика женщина, она обнаружила бы, что макияж остался как есть. Но Виталик, хоть и имел дело с женщинами, таких нюансов не замечал. Тем более сейчас, когда он был в приподнятом настроении. Дело, которое двигалось с таким трудом, которое оказалось опасным, как гремучая змея, теперь, кажется, шло к успеху. Нужно только подождать до завтра.

После ухода Алисы Виталик постоял немного в прихожей, глядя на дверь и бессмысленно улыбаясь.

Неужели все наконец закончится? Неужели он выпутается из этой истории, куда завела его собственная жадность? Елена Юрьевна, нанимая его, уверяла, что дело пустяковое. И денег пообещала много. Нет бы ему догадаться, что такая сумма за ерундовое дело – это совершенно не в ее духе. По ней сразу видно, что дама зря денег на ветер не бросает, не тот характер. Но нет, ослеп он от жадности. За то и едва не поплатился. Ну да ладно, завтра все кончится.

А сейчас следует выйти из дома, а то он сидит тут как сыч, скоро одичает совсем. Посидеть где-нибудь, где светло и много хорошеньких девушек, поесть вкусно. Ему нужно взбодриться.

Через некоторое время Виталий вышел из дома в самом великолепном настроении. Завтра они с Алисой пойдут в банк, получают там камень, он передаст этот камень той страшной женщине, получит от нее обещанные деньги – и жизнь его мгновенно переменится, заиграет яркими красками, засияет всеми цветами радуги!

Ему уже виделись тропические острова, перистые пальмы, песчаные пляжи в кружевной пене прибоя, легкие ароматные коктейли, веселые смуглые девушки...

Алисы не было в этих видениях. Зачем ему Алиса? Она надоела ему своими вечными капризами, своими бесконечными претензиями. Правда, формально этот камень принадлежит ей – но разве Виталик не заслужил его? Разве он не отработал какой-то жалкий камешек, ублажая Алису все это время?

Правда, придется как-то от нее отделаться – но это уже дело техники. Он не сомневался, что придумает какой-то легкий и безболезненный выход. Придумает, когда придет время.

Виталик вошел в ресторан, сел за свой постоянный столик, окинул взглядом зал.

Тут же подошла официантка, положила перед ним меню.

- А где Леночка? – машинально спросил Виталик, заметив, что официантка не та, что обычно.

- У нее сегодня выходной, – проговорила девушка смутно знакомым голосом.

Виталик открыл меню – и с удивлением увидел между страницами яркую тропическую бабочку с развернутыми крыльями в черно-желтых узорах.

При виде этой бабочки он вспомнил загородный дом из ровных золотистых бревен, большую светлую комнату с лабораторным столом, женщину с волосами цвета меда, черную собаку у ее ног, молчаливую девушку в скромном темном платье и точно такую же бабочку под микроскопом...

- Лиза?! – Теперь Виталий узнал официантку, и по его спине пробежал холодок страха.

Впрочем, чего ему бояться? Завтра, уже завтра, он получит в банке камень и отдаст его...

Официантка взглянула строго и холодно, поднесла палец к губам и вполголоса проговорила:

- Вам привет от Елены Юрьевны. Она хотела узнать, как продвигаются ваши дела.

- Хорошо! – поспешно ответил Виталий. – Я близок к завершению... мне осталось совсем немного...

- Тише! - шикнула на него официантка. - Тише, на вас оглядываются! Вы узнали, где камень?
- Да, он в банковской ячейке «Бета-банка»...
- Вы уверены? - В голосе Лизы прозвучало недоверие. Или, во всяком случае, сомнение.
- Завтра мы с Алисой идем в банк и получаем его.
- Что ж, рада слышать. Как только получите камень, свяжитесь со мной... Впрочем, нет, лучше я сама с вами свяжусь, и мы договоримся о новой встрече. Вы передадите мне камень...
- Но только в обмен на деньги! - выпалил Виталий.
- Разумеется! - холодно отчеканила Лиза. - Вы будете что-нибудь заказывать?

У Виталия отчего-то совсем пропал аппетит. Он хотел это сказать - но Лиза словно прочла его мысли:

- Хотите вы или нет, закажите хоть что-то, чтобы это выглядело естественно.
- Хорошо... - промямлил Виталий, - принесите мне кофе... двойной эспрессо без сахара... ну, и горячий бутерброд с помидорами и сливочным сыром.

Лиза молча кивнула и удалилась. Через некоторое время незнакомый официант принес заказанное и ушел, не вступая в разговоры. Виталик поковырялся в тарелке. Аппетит у него пропал напрочь. Кофе был горек и пах отвратительно, как будто вместо кофейных зерен заварили сушеных тараканов, хлеб был черствым, помидоры казались пластмассовыми, а сыр - резиновым.

Покинув квартиру Виталика, Алиса взглянула на часы и заторопилась. У нее было множество дел. Машину она не брала, чтобы не ставить ее возле дома Виталика, это было бы неосторожно, такси тоже брать не стала, махнула рукой маршрутке.

Маршрутка довезла ее до вещевого рынка, Алиса с ходу проскочила его весь, плотно прижимая к боку сумку, и вошла в ангар, над которым было написано «Мир секунд-хенда». Продавщицы с недоумением поглядели на хорошо одетую молодую женщину - такой нечего было делать среди поношенной недорогой одежды.

Она, однако, не обратила на них никакого внимания, а целеустремленно рылась в вещах, брошенных на прилавок. Убедившись, что человек пришел по делу, а не просто от скуки, торговки перестали обращать на Алису внимание. Через некоторое время она нашла то, что нужно, и поехала домой, убрав покупки в непрозрачный пакет.

Пробыв дома некоторое время, Алиса снова вышла. На этот раз крадучись проскочила она к запасной лестнице и вышла через черный ход, чтобы никто не стал задавать ей ненужные вопросы.

Возле станции метро царило обычное для этого времени столпотворение. Люди непрерывным потоком вливались внутрь и вытекали наружу, напоминая известную школьную задачу о бассейне с двумя трубами.

В самом узком месте потока, возле газетного киоска, прохаживался тощий, потертый тип из

числа тех, кого принято называть трудовыми мигрантами. Звали его Арик Рамазанов. Высмотрев в потоке прохожих кого-нибудь с виду морально неустойчивого, Арик устремлялся к нему с деловым видом, пристраивался сбоку и говорил тихим, доверительным голосом:

- Телефон недорогой не нужен? Хороший телефон, всего пятьсот рублей...

Арик приобрел некоторый опыт и знал, к кому можно обратиться, а к кому не стоит, потому что ничего, кроме хамства, не дождешься. Тем не менее большая часть прохожих на такое предложение никак не реагировала, проходя мимо Арика с безразличным видом; некоторые мужчины отвечали такими выражениями, которые подпадали под новый закон о средствах массовой информации; но один человек из двадцати, а то и из тридцати все же поддавался на соблазн и покупал у Арика телефон сомнительного происхождения.

Опытный Арик не обратил никакого внимания на унылую женщину неопределенного возраста, облаченную в длинный бесформенный плащ нежно-крысиного цвета с поднятым воротником и обмотанную поверх этого плаща соответствующим платком. Эта женщина никак не подходила под образ покупателя краденого телефона, и Арик равнодушно скользнул по ней взглядом.

И тут эта женщина сама притормозила, выделилась из потока и приблизилась к Арику.

Арик думал, что унылая тетка хочет спросить у него дорогу или что-нибудь такое же бесполезное, но на всякий случай пробормотал свое заклинание:

- Телефон недорогой не нужен?

- Нужен, - ответила тетка, сверкнув глазами из-под платка, и протянула ему сложенную вдвое купюру.

Арик вручил тетке телефон, мысленно пожав плечами - редко бывает, чтобы его так подводило знание людей.

- Ну, Петя, и как у нас продвигается дело об убийстве Канарского? - спросил следователь Уткин, не поднимая глаз от своих бумаг.

Капитан Перченоч терпеть не мог, когда с ним так разговаривали - не глядя в глаза. У следователя же была такая манера, этим он как бы давал понять, что недоволен действиями собеседника. Что там говорить, капитан и сам был собой недоволен. Дело об убийстве Канарского явно буксовало, капитан не нашел пока никакой зацепки.

С одной стороны, Канарский был личностью темной. Даже навскидку можно было определить, что врагов у него было множество, поскольку капитану удалось выяснить, что был на покойного бизнесмена крупный наезд, после чего бизнес у него не то чтобы отобрали, но как-то он испарился. И квартира, как оказалось, была не его собственная, а снята на короткий срок, и остальное имущество заложено или продано, даже на машине он ездил по доверенности. То есть в жизни Канарского было множество темных пятен.

С другой стороны, рассуждая здраво, если у Канарского ничего ценного не осталось, то за каким чертом понадобилось кому-то его убивать?

Капитан терялся в догадках. Но догадки, как известно, к делу не подошьешь, так что следователь Уткин имел полное право быть недовольным. Сейчас ждали на допрос вдову Канарского, но Перченоч не слишком надеялся, что удастся выжать из нее что-то путное.

Капитан Перченоч тяжело вздохнул и тут услышал сигнал своего мобильного телефона, достал его из кармана и взглянул на дисплей.

Номер на дисплее ничего ему не говорил.

Тем не менее капитан нажал кнопку и поднес телефон к уху. Иногда ему звонили малознакомые люди, чтобы сообщить какую-то ценную информацию. Или не очень ценную, но это уж как повезет. Не проверишь - не узнаешь.

- Капитан Перченоч! - проговорил он и выжидательно замолчал.

В трубке прозвучал гнусавый, как бы простуженный женский голос:

- Проверьте ванную комнату в квартире Виталия Лапникова, проживающего по адресу: улица Елецкая, дом сорок, квартира девяносто четыре!

- Я сотрудник полиции, а не жилконторы! - ответил капитан, решив, что ему звонит какая-то выжившая из ума тетка, чтобы пожаловаться на своего соседа. И вот интересно, как она узнала его номер телефона?

- Само собой, полиции! - отозвался гнусавый голос. - Ведь это вы расследуете убийство Эдуарда Канарского?

- Кто это говорит? - спросил Перченоч, насторожившись.

- Доброжелатель! - ехидно ответили из трубки.

- А имя у этого доброжелателя есть? - не отступал капитан.

- Короче, вы меня поняли? Если хотите, чтобы дело Канарского сдвинулось с мертвой точки, проверьте ванную комнату Виталия Лапникова! И не затягивайте!

- И что я там должен найти? - проговорил Перченоч, но трубка ответила ему короткими гудками.

Капитан задумчиво посмотрел на дисплей, но тот ничего ему не сообщил. Перченоч раздумывал недолго. Конечно, анонимный звонок - это не слишком надежный источник информации, но что-то подсказывало капитану, что неизвестный «доброжелатель» знает что-то важное и нельзя пренебрегать его звонком.

- Мне нужен ордер на обыск квартиры Виталия Лапникова, - сказал капитан, решившись.

Старший следователь Уткин поднял на капитана удивленный и неодобрительный взгляд.

- Кто такой этот Лапников? - спросил он озадаченно.

- Подозреваемый, - Перченоч тяжело вздохнул, решив пока не углубляться в подробности.

- И почему же он попал в число подозреваемых? И почему я о нем ничего не знаю? И какие у вас причины для обыска?

- Мне сообщил о нем информатор, - соврал Перченоч, - надежный, проверенный информатор.

- А имя у этого информатора имеется?

- Но вы же знаете, Владимир Егорович, мы имеем право не разглашать источники информации, если это может быть опасно... а тут - убийство, сами понимаете... информатор рискует жизнью, а его жизнь нам пока нужна...

- И ваш информатор утверждает, что мы найдем у этого Лапникова важную улику?

- Утверждает! - кивнул капитан.

- Ну ладно, что с вами поделаешь... - И следователь начал оформлять бумаги.

Пока проваландались с бумагами, пока то да се, пока ждали машину, прошло много времени. Так что, когда позвонили в дверь дома на улице Елецкой, были уже сумерки.

Услышав строгий звонок, Виталий метнулся в прихожую, выглянул в глазок, но на лестнице было темно, и он никого не увидел.

- Малыш, это ты? - спросил он вполголоса, хотя интуиция подсказывала ему, что это не Алиса. Ее звонок звучал совершенно иначе - мягче, женственнее, призывнее. И с чего бы ей приходить? Она уже была здесь сегодня, и они договорились встретиться завтра прямо у банка.

Звонок прозвучал снова, и у Виталика сжалось сердце от плохого предчувствия. Через секунду последние сомнения развеялись.

- Открывайте, Лапников! - послышался из-за двери строгий мужской голос. - Открывайте, полиция!

- По... полиция? - дрожащим голосом переспросил Виталий. - По... почему полиция?

- Открывайте!

Виталий попятился. Первым его побуждением было сбежать, спрятаться, залечь на дно... но куда сбежать? У него в квартире был только один вход, он же и выход. Да и где спрячешься? Добро бы только от полиции, но ведь есть еще Елена Юрьевна, а уж от нее-то спрятаться невозможно! Она достанет его из-под земли и потребует, чтобы он доделал свою работу, принес ей камень, будь он проклят совсем!

Эти мысли пронеслись в красивой голове Виталия за какую-нибудь секунду. А в следующую секунду он подумал, что напрасно боится полиции, что он не сделал ничего особенно криминального, а его дела с Еленой Юрьевной до них явно не дошли.

Виталий несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и повернул головку замка.

Дверь распахнулась, и в прихожую ввалились несколько человек, которых трудно было с кем-нибудь спутать - у каждого из них принадлежность к полиции была написана на лбу крупными корявыми буквами.

Впереди держался крепкий широкоплечий мужчина, слегка начинающий лысеть. В голове у Виталия промелькнула совершенно неуместная мысль, что этот человек ни разу в жизни не был у приличного парикмахера.

- Капитан Перченков, полиция Центрального района! - проговорил широкоплечий лысеющий мужчина с явным удовольствием. - Гражданин Лапников?

- Да, это я... - вяло пролепетал Виталий. - Я - Лапников... А в чем дело?

- У нас имеется ордер на обыск вашей квартиры!

- Но на каком основании? В чем вы меня обвиняете?

- Узнаете в свое время или немного раньше! - отрезал капитан и махнул рукой своим спутникам.

Те рассыпались по квартире, на ходу натягивая тонкие резиновые перчатки, а сам капитан с одним сопровождающим направился в ванную комнату.

Чувствуя, что именно здесь таится главная опасность, Виталий протиснулся следом за ним. Капитан косо взглянул на него, но ничего не сказал и вместе со своим спутником начал планомерно и тщательно обшаривать ванную.

Первым делом они сняли декоративную пластиковую панель и заглянули под ванну. Там они нашли только комья пыли и один черный носок, который Виталий потерял месяц назад.

Затем они один за другим открыли шкафчики, с явным недоумением обнаружив там такое количество флаконов и банок с косметическими средствами, которому, несомненно, позавидовала бы иная стареющая актриса.

Полицейские переглянулись, поставили флаконы и банки на прежние места и закрыли последний шкафчик.

С каждой минутой безуспешных поисков Виталий чувствовал себя все увереннее и наконец осмелел до того, что деликатно откашлялся и спросил у капитана:

- Может быть, вы скажете мне, что ищете, и я сам вам помогу?

- Может быть, и скажем! - с этими словами капитан открыл неприметную дверцу, за которой скрывались трубы, вентили, фильтры и прочие технические устройства, к которым Виталий никогда в жизни не прикасался. Сюда заглядывал только сантехник, который раз в год менял фильтры. Но поскольку квартиру эту снимал Виталий всего три месяца, то сантехника никогда и в глаза не видел.

- Дай-ка фонарик... - проговорил капитан, заглядывая в таинственные глубины.

Напарник дал ему фонарик, капитан посветил вниз, и из шкафчика донесся его придушенный голос:

- Что-то есть...

Он еще несколько минут пыхтел и ругался, потом вылез и повернулся к своему спутнику:

- Попробуй ты, ты похудее, и руки у тебя длиннее. Если не достанешь, позовем Селезнева, у него есть такая штука удобная...

Полицейский нырнул головой и руками в темный шкафчик, оттуда донеслась приглушенная брань, затем он выпростал левую руку и протянул капитану голубой флакон с гелем для душа.

- Это вы искали? - не без сарказма осведомился Виталий. - Сказали бы сразу, я бы вам такой же дал...

- Это все? - спросил капитан у задней части своего помощника.
- Нет, еще что-то есть... - пропыхтел тот. - Сейчас... еще немножко... вот, уже почти зацепил...
- Я позову Селезнева! - предложил капитан.
- Не надо Селезнева! Вот! Я достал!

Полицейский вылез из шкафчика с победным видом, держа в руках какой-то сверток в голубой ткани.

При виде этого свертка Виталий по непонятной причине похолодел.

- Интересно! - протянул капитан, приняв сверток и взвесив его в руке. - Очень интересно!

Он быстро взглянул на Виталия, отметил испуг на его лице и развернул сверток.

В нем оказался небольшой черный пистолет.

Ноги Виталия стали ватными, и он без сил опустился на край ванны.

- Очень интересно! - повторил капитан и торжествующе посмотрел на Виталия. - Пистолет «беретта 92», калибр 9 миллиметров... именно из такого пистолета был убит господин Канарский! Лапников, вы не хотите сделать добровольное признание?

- Что?! Эдуард Канарский? - Виталий побледнел и едва не свалился в ванну. - Я понятия не имею, откуда здесь взялся этот пистолет!

- Вот как? Не имеете? - недоверчиво переспросил капитан. - Однако вы знаете... точнее, знали Канарского! Вы назвали его имя!

- Это вы назвали, я только повторил... - смешался Виталий.

- Нет, как раз я его не называл, правда, Петухов? - Капитан взглянул на своего подчиненного.

- Так точно, вы назвали только фамилию! А он сразу по имени - Эдуард!

- Ну, значит, я прочитал его имя в газете...

- А может быть, вы знали его имя, потому что были близко знакомы с женой Канарского? - проговорил капитан, у которого вдруг возникла гениальная догадка. Уж больно смазлив был этот типчик, к которому капитан пока без всякого основания испытывал некоторое презрение.

- С Алисой? - переспросил Виталий и схватился за голову, поняв, что проговорился. - Да, да, черт возьми, я был знаком с Алисой, но я не убивал ее мужа! И я понятия не имею, как здесь оказался этот пистолет! Наверное, его мне кто-то подбросил...

- Интересно, кто же мог подбросить пистолет в вашу ванную комнату? - насмешливо проговорил капитан.

- Я не знаю... у меня много врагов... вы понимаете, мне очень многие завидуют...

- Вот как? Тогда у меня к вам еще один вопрос, и постарайтесь ответить на него точно: где вы были в день убийства гражданина Канарского с одиннадцати до двенадцати часов?

- Где был? Не помню... разве вы помните, где были в какой-то конкретный день?
- Как правило, да! И потом, речь в данном случае не обо мне, а о вас!
- Ну, я не знаю... где же я был? Кажется, здесь, дома...
- Один?
- Да, один.
- Значит, подтвердить это никто не может? Плохо получается, гражданин Лапников! Получается, что у вас нет алиби на время убийства!
- Но я его не убивал... я ни в чем не виноват... пистолет мне кто-то подбросил... у меня много врагов... постойте, я понял, это она!
- Кто - она?
- Она, Алиска, вот же сволочь! - завизжал Виталик. - Это она приходила сегодня, чтобы подбросить пистолет! Еще в ванную попросилась!

Тут он вспомнил, как схватил ее сумку, и его царапнуло какое-то несоответствие, сумка показалась ему необычно тяжелой, как будто Алиса положила туда кирпич. А оказалось - пистолет.

- Это она, она мне его подбросила! - снова закричал он.

На капитана, однако, его слова не произвели особенного впечатления. Напротив, он почувствовал еще больше презрения к Виталику. В самом деле ну и хмырь! Мало того что с чужой женой спал, так еще и на нее теперь сваливает убийство. И словами разными обзывает. Тьфу, противно!

- Ну что ж, гражданин Лапников, у вас будет время поразмышлять о своих врагах и завистниках! - сказал он сухо. - Я арестую вас по подозрению в убийстве Эдуарда Канарского! - И капитан защелкнул на руках Виталия стальные браслеты.
- Нельзя ли что-нибудь более мягкое... - проныл Виталий. - От этих наручников на руках останутся ссадины... я так берегу свои руки...
- Вам здесь не секс-шоп! - отрезал капитан. - Наручники у нас для всех одинаковые!

А Петухов, идя сзади, пробурчал, что не о руках Лапникову надо думать, ему бы голову поберечь. Услышав такое, Виталик почувствовал, что недоеденный в ресторане бутерброд неудержимо просится наружу.

- Выпустите меня! - кричал Виталий, колотя кулаками по железной двери. - Выпустите! Я ничего не делал! Я ни в чем не виноват! Это все она! Она подставила меня! Выпустите меня! Это она, эта стерва! Она подбросила мне пистолет!
- Помолчи, а? - раздался за спиной голос соседа. - Помолчи, иначе тебе же хуже будет!

Виталий смутно понимал, что сосед прав, что ни к чему хорошему его крики не приведут, - но ничего не мог с собой поделать, его трясло, крик сам рвался наружу. В этой жуткой камере,

где пахло хлоркой и чужим потом, где казалось, что стены с каждым часом все сближаются и наконец раздавят его, как в фильме ужасов, он чувствовал, что силы его на исходе и разум покидает его. Он уже не мог себя сдерживать, крик рвался из него сам. Он не узнавал своего голоса – высокий, срывающийся, иногда проскальзывали неживые нотки, как будто он был сломанным роботом. Еще немного – и он забудет все слова и завоет по-звериному.

- Выпустите меня! А-а-а!

Вдруг дверь лязгнула и открылась. Виталий вообразил, что его услышали и сейчас отведут на воздух, на солнце, на свободу, и рванулся вперед – но наткнулся грудью на железный кулак охранника и отлетел назад, упал на грязный пол камеры.

Охранник ударил его ботинком в бок, еще и еще раз. Он бил спокойно и размеренно, без удовольствия и без злости, как будто делал скучную, утомительную работу. Поработав несколько долгих минут, остановился и спросил:

- Все? Больше не будешь кричать? Не будешь людям на нервы действовать?

- Не... не буду... – выдохнул Виталий с трудом.

- Ну и хорошо.

Дверь снова лязгнула, и в камере наступила тишина. Тишина, нарушаемая только чьими-то горькими, безутешными рыданиями. Виталий не сразу понял, что это рыдает он сам.

Старший следователь Уткин оторвался от своих бумаг и поднял взгляд на капитана Перченка. Тот стоял перед его столом с каким-то странным выражением лица.

- Поздравляю, капитан! – проговорил Уткин, и на его лице проступило нечто, похожее на одобрительную улыбку. – Не подвел твой информатор! Орудие убийства нашли, надо же! Баллистическая экспертиза подтвердила – именно из этого пистолета был убит Канарский! Поздравляю! Только что же ты, капитан, сразу мне не сказал, что этот Лапников – любовник Алисы Канарской? В таком случае я бы без лишних разговоров выписал тебе ордер на обыск!

- Я и сам этого не знал, Владимир Егорович! – признался капитан. – Выяснил это только в процессе обыска. Лапников признался в этом под грузом неопровержимых улик...

- А в убийстве он не признался? – переспросил следователь. – Шучу, шучу! Это уже мое дело, он у меня быстро признается! Вот сейчас придут результаты экспертизы, если его пальчики на пистолете имеются – все, живо оформлю его! Признается как миленький, и мотив у него был – убил из ревности или чтобы на богатой любовнице потом жениться.

- Да муж ей ничего не оставил...

- А он, этот Лапников, не знал! – отбил мяч следователь. – Он думал, что она в деньгах купается!

Перченка все еще стоял перед столом следователя с тем же странным выражением лица.

- Ну что еще, капитан? – Следователь взглянул на него чуть строже. – Я тебя поздравил, можешь идти...

- Да, Владимир Егорович, только вот что я хотел сказать... я ведь просматривал записи с

видеокамер в доме Канарского на предполагаемый момент убийства, и там не было этого Лапникова.

- Ну и что?

- Как-то не сходится... как же он мог убить Канарского, если он перед убийством не входил в дом и после него не выходил?

- Ну, капитан, я тебе удивляюсь! - Одобрительная улыбка на лице следователя погасла, сменившись начальственной строгостью. - Ты нашел оружие убийства?

- Нашел... - вздохнул Перченоч.

- Ты обнаружил связь между подозреваемым и жертвой?

- Обнаружил...

- И алиби у него нет?

- Нет...

- Значит, у этого Лапникова было оружие, была возможность совершить убийство и был мотив... чего же тебе еще нужно, капитан? Чем ты недоволен?

- Все же что-то здесь не сходится, Владимир Егорович! - тоскливо проговорил Перченоч. - Как же он его убил, если, по данным видеонаблюдения, он не входил в дом?

- Ох, капитан, - холодно отозвался следователь, - понятно теперь, почему ты все еще в таком скромном звании! Не можешь ты, капитан, вовремя остановиться! Возможно, этот Лапников проник в дом каким-то другим путем... возможно это?

- Возможно... - вздохнул Перченоч, - если по черной лестнице...

- Возможно, он проник в дом значительно раньше и где-то прятался до момента убийства... возможно?

- Возможно... там же, на лестнице...

- Ну, так чего же тебе еще? Чего ты хочешь? - простонал следователь, понимая, что занудный капитан от него не отстанет.

- Я хочу еще раз просмотреть записи видеокамер, за большой промежуток времени. С самого утра. Если Лапников проник в дом заранее, я найду его на этих записях... Если же он прошел по черной лестнице, то у него должен быть ключ от двери... А мы в квартире и на нем ничего не нашли.

- А он его выбросил!

«Ключ выбросил, а пистолет оставил», - подумал капитан, но вслух ничего не сказал, чтобы не напоминать Уткину, как подозреваемый орал, что пистолет ему подбросила Алиса Канарская. Вот, кстати, нужно бы поинтересоваться, что дал допрос Канарской, но что-то ему подсказывало, что не нужно сейчас задавать этот вопрос.

Чутье капитана Перченка не подводило, поскольку Алиса Канарская на допрос не явилась,

следователь же Уткин этого даже не заметил, до того был увлечен новой версией и новым подозреваемым.

- Ладно, капитан, делай что хочешь! - отмахнулся от него следователь. - Но если ты найдешь на этой записи Лапникова - ты больше не будешь меня доставать своими вопросами?

- Не буду, - пообещал Перченков.

Виталий сидел в углу камеры, тупо уставившись в стену перед собой.

На этой стене были нацарапаны какие-то имена и даты - наверное, имена тех несчастных, которые сидели тут до него...

Он почувствовал, что при мысли об этих людях на него снова накатывает истерика, снова хочется кричать, биться головой о стену... но он вспомнил скучное лицо охранника, его тяжелые ботинки - и с трудом взял себя в руки.

- У тебя деньги есть? - раздался вдруг в тишине гнусавый голос его соседа по камере.

- Что? - Виталий вздрогнул и поднял глаза.

Его сосед - маленький лысый человечек с длинными волосатыми руками - стоял перед ним, перекачиваясь с пятки на носок, и сверлил Виталия глазами.

- Нет... все отобрали при аресте...

- Это понятно, что отобрали, - фыркнул тот. - Я спрашиваю - есть ли у тебя деньги снаружи, на воле, и есть ли кому их передать.

- А что? - осведомился Виталий.

- А то, что если есть, я тебе все могу достать: еду любую, водку, кокс, колеса...

- Зачем мне здесь колеса? - переспросил Виталий. - У меня же нет машины!

- Ты что - тупой? - спросил сосед удивленно.

Виталий хотел возмутиться, но не успел: лязгнув замок, дверь открылась, в камеру заглянул охранник.

Виталий в ужасе сжался, ожидая новых ударов, но охранник посмотрел на него равнодушно и проговорил скучным голосом:

- Лапников - на выход! К тебе адвокат пришел!

- Адвокат? - переспросил Виталий удивленно. - Какой адвокат?

- Тебе лучше знать - какой!

Охранник надел на него наручники, Виталий вышел из камеры.

Они прошли по мрачным коридорам, выкрашенным грязно-зеленой масляной краской, по гремучим железным лестницам. Наконец его ввели в небольшую, ярко освещенную комнату. В

этой комнате были стол и два привинченных к полу стула. На одном из этих стульев сидела молодая женщина в темном деловом костюме. Виталия посадили на другой стул, и охранник вышел.

Только теперь Виталий поднял глаза на женщину-адвоката и разглядел ее. Это была Лиза, помощница Елены Юрьевны.

Виталий хотел вскочить – но стальная цепочка непустила его.

- Что... что вам нужно? – пролепетал он испуганно.

- Как – что? – насмешливо переспросила Лиза. – Я – ваш адвокат, я пришла, чтобы разъяснить вам, как следует себя вести, если вы хотите, чтобы наказание было минимальным...

- Но я ни в чем не виноват! – вскрикнул Виталий. – Я не убивал Канарского! Это все она, Алиса!

- Вы, кажется, плохо меня слушаете! – перебила его Лиза. – Повторяю еще раз: я здесь для того, чтобы научить вас, как правильно себя вести!

- И как же?

- Во-первых, не нужно закатывать истерики! Не нужно привлекать к себе излишнее внимание! Нужно вести себя тихо!

- Легко вам говорить, – жалобно проговорил Виталий, – вы не представляете, как здесь ужасно...

- Ничего страшного. Потерпите!

- Вот как? – Виталий пристально взглянул на Лизу и перешел на шепот: – Вытащите меня отсюда... я знаю, вы все можете! Вытащите! Иначе я...

- Иначе вы – что? – сухо переспросила Лиза.

- Иначе я все... все расскажу о вас! О вас и о... они подводят меня под убийство, говорят, что если я сознаюсь, то срок будет меньше. Дескать, суд учтет добровольное признание и все такое. У них нет больше никаких подозреваемых, а против меня имеются улики. Но я не пойду на зону, это точно, так что я расскажу им, у кого был мотив убить Канарского. Убить, чтобы завладеть камнем...

Тут же он осознал, что так говорить или даже думать нельзя, если он хочет остаться в живых.

- Я буду молчать... молчать... – поспешно выпалил он, стараясь загладить свою вину. – Я никому не скажу ни слова!

- Конечно, не скажете! – Лиза перегнулась через стол и положила руку поверх его руки, при этом чуть царапнула его длинным темно-красным ногтем. – Конечно, вы никому ничего не скажете, я не сомневаюсь! Просто ждите и ведите себя хорошо, не болтайте лишнего – и мы сделаем все остальное! – И Лиза вызвала охрану, чтобы отконвоировать заключенного обратно в камеру.

По дороге в свою камеру Виталий мысленно метался от отчаяния к надежде, от надежды к отчаянию. То он думал, что всеильная Елена Юрьевна вытащит его из тюрьмы – ведь он нужен

ей, чтобы заполучить чертов камень, – то понимал, что никто не станет за него бороться, что он никому теперь не интересен. Если эта сволочь Алиска подбросила ему пистолет, стало быть, она совершенно им не увлечена, но тогда... он боялся продолжать эту мысль.

Вдобавок ко всем его несчастьям саднила рука, которую поцарапала Лиза. Странно, когда он прежде ее видел, ему показалось, что у Лизы были короткие ногти...

Ну, наверное, это накладные ногти, которые она надела для полноты образа, когда переделалась адвокатом...

Лиза вышла из здания тюрьмы и пошла к своей машине. Звонок настиг ее уже в салоне, когда она аккуратно отклеивала накладные ногти и складывала их в маленький пластиковый пакетик. Она взяла телефон, только когда заклеила пакет и завернула его в еще один, обычный, из парфюмерного магазина. Затем убрала пакет в бардачок.

«Еще пригодится», – усмехнулась она про себя.

– Как дела? – услышала она голос Елены Юрьевны.

– Все в порядке, он не помешает, – ответила Лиза.

– Что ж, это был отработанный материал... – Лизе показалось, что в голосе ее работодательницы послышались нотки сожаления. Ну, разумеется, только показалось.

– Что делать дальше? – спросила она.

– Я скажу тебе позже, – послышался ответ, – приезжай.

Глядя в зеркало заднего вида, Лиза слегка усмехнулась. Неужели у всесильной Елены Юрьевны нет никакого плана и она в некоторой растерянности? Не может быть! Хотя...

Она даже оглянулась по сторонам, как бы опасаясь, что кто-то услышит такие крамольные мысли. Потом, не отвлекаясь больше, тронула машину с места.

На следующее утро охранник снова услышал стук в дверь камеры, где сидел Виталий Лапников.

– Вот не понимают люди намеков, – проговорил он обиженным голосом, направляясь к этой камере, – ведь намекнул же я ему вчера, чтобы не шумел, по-хорошему намекнул, а он снова...

Охранник распахнул форточку на железной двери камеры и раздраженно проговорил:

– Ну чего тебе надо? Что ты надрываешься?

Однако, к своему удивлению, в форточке он увидел не Лапникова, а его соседа по камере – толкового, спокойного мужика, хорошо понимающего тюремные порядки и никогда не создающего проблем администрации.

– Это ты, Винторогов? – удивленно проговорил охранник. – Вот уж от тебя не ожидал! Не думал, что ты будешь нарушать безобразия!

– Я не нарушаю... – испуганно отозвался Винторогов. – Я хотел ваше внимание привлечь,

гражданин начальник!

- Привлек, - вздохнул охранник, - так в чем же дело?

- Сосед мой помер.

- В каком смысле, помер? - переспросил охранник.

- В смысле, скончался. Концы отдал.

- Кто разрешил?! - гаркнул охранник, печенкой чувствуя предстоящие неприятности.

Снова капитан Перченок находился в кабинете следователя. Только на этот раз он не стоял в виде жалкого просителя, а сидел, вольготно развалившись на стуле. Стул был жесткий, но капитан делал вид, что ему очень удобно.

Следователь Уткин же сегодня не изучал свои документы с деловым и чрезвычайно занятым видом, а почесывал затылок в некоторой растерянности.

- Ну вот, - вздохнул он, - приплыли.

Капитан почувствовал даже некоторое злорадство, поскольку начальство успело уже снять со следователя стружку. Он же, капитан, человек не то чтобы маленький, но его дело - найти подозреваемого и задержать. А за то, что с ним потом будет, капитан ни в коей мере не ответственен.

Однако все же утешение было слабым, а точнее, совсем никаким, поскольку точил и точил капитана маленький такой червячок, твердя, что в этом деле что-то нечисто.

Следователь Уткин таких сомнений был начисто лишен.

- Вот что, Петр, - сказал он строго, - дело это я закрываю. Начальство распорядилось. Оружие мы у него нашли? Нашли. Пальчики на пистолете его? Его, - он похлопал по пачке бумаг на столе. - Далее. Вскрытие показало, что умер он от сердечного приступа. Ну, прихватило сердечко ночью от страха, он и скопытился. Я его на допросе не запугивал, жилы из него не тянул, обычный у нас был разговор.

«Да уж, знаю я твои методы», - подумал капитан.

Подозреваемого Лапникова ему было нисколько не жаль, с самого начала он вызывал у него только презрение, однако была в этом деле какая-то недосказанность, неясность, а неясностей капитан Перченок очень не любил.

С одной стороны, уж больно все гладко получается. Как только дело забуксовало, так сразу же появился подозреваемый. С пистолетом и отпечатками. Подсунули его с помощью анонимного телефонного звонка. Поднесли, можно сказать, на блюдечке. И совпадений таких не заметит только такой дурак, как следователь Уткин. Точнее, он не дурак, а просто хочет дело поскорее закрыть. Чтобы все было в порядке и начальство не донимало.

Представив, что начальство высказало сегодня следователю в кабинете, капитан немного повеселел. Не то чтобы он был злопамятным человеком, просто характер у следователя Уткина был скверный и крови операм он в свое время попортил немало.

Да, как-то это все подозрительно. И помер этот Лапников так вовремя. Не хотел ведь на себя вину брать, упорно утверждал, что пистолет ему подбросили, очной ставки требовал с Алисой Канарской.

Следователя Уткина убедить в чем-либо трудно, это капитан по себе знает, но все же Лапников этот твердо на своем стоял. Продержался бы пару-тройку допросов, а там и вызвал бы Уткин Алису.

Если она и правда к любовнику приходила, кто-то из соседей мог видеть. Походить, поспрашивать, авось найдется свидетель. Но ведь этого никто и не оспаривает. Да, встречались, да, ходила, но пистолет-то зачем подкладывать, любовника топить?

У нее самой твердое алиби, ей-то что с того... За мужа отомстить хочет? Так говорила же Агния, что муж, Канарский этот, порядочной был скотиной, бил ее и ревновал жутко. Как выяснилось, было за что. А Агния-то еще подругу защищала – дескать, никак не могла она любовника иметь, муж следил. А вот могла, оказывается.

Но теперь Уткин точно ничего делать не будет. Отпишется, да и в архив дело сдаст. Официальное заключение – умер во сне, сердце не выдержало.

Тут капитан нахмурился, поскольку вспомнил свой разговор с Варварой Михайловной Голубец.

Снова стоял он в морге перед оцинкованным столом, на котором лежало то, что осталось от Виталия Лапникова, снова Варвара Михайловна нещадно дымила своим «Беломором», только теперь рядом с ней был не высокий парень с лицом под цвет своего белого халата, а худенькая маленькая девчонка, которой халат был невероятно велик. Смотрела она, однако, бодро, внимательно слушая судмедэксперта, и даже записывала что-то в маленькую тетраточку. Никаких новомодных компьютеров-наладонников и мобильных телефонов Варвара во время вскрытия не терпела.

Лицо у девчонки было бледноватым, но так казалось из-за ярких ламп дневного света, освещающих стол.

- Ладно, - Варвара Михайловна решительно отложила инструменты, - Ляля, зашей!

И девчонка, алчно блеснув глазами, приступила к трупу.

- Хороший кадр прислали, - удовлетворенно сказала Варвара, бросив перчатки в мусорное ведро и закуривая очередную папиросу, - толковая девка! Главное, трупов совершенно не боится, чувствует себя в прозекторской как дома!

Капитан с облегчением отошел от стола.

- Заключение завтра Уткину пришлю, - сказала Варвара хрипло, - чайку не хочешь, Петя? У меня торт есть, у кого-то из лаборатории день рождения.

- Спа-спасибо, - капитан представил, как он ест торт с жирными кремовыми розами, и почувствовал, что еще немного, и желудок его не выдержит.

Варвара Михайловна поглядела на него внимательно и потянула в крошечный закуток, где на столе стояли электрический чайник, чашки и еще какие-то мелочи.

- А я с твоего разрешения глотну, - сказала она, - устала что-то сегодня.

Перченоч постарался скрыть удивление – чтобы железная мадам Голубец говорила об усталости... это что-то новенькое...

Варвара Михайловна заварила чай прямо в чашке – большой, красивой, с ярким петухом, капитан вспомнил, что сам же и подарил ее Варваре Михайловне на прошлое Рождество. Тогда впервые видел он ее растроганной.

- Ну, что молчишь? – спросила Варвара, глотнув черного чая. – Спросить хочешь про вскрытие? Вижу, что не просто так зашел, поболтать. Невтерпеж тебе до завтра ждать?

- Ага, – признался капитан, – а что-то вы тянете...

- Да понимаешь, как-то мне непонятно... – вздохнула Варвара, – скажу твердо одно: Лапников этот здоров был как бык. Все органы в порядке, никаких скрытых болезней. И ухаживал за собой так, как не каждая женщина ухаживает. Берег себя, в общем. Кожа чистая, ни морщинки, мускулы недряблые, в зал небось ходил. Никаких залеченных переломов, на зубы небось целое состояние потратил. И вот – остановка сердца... Бывает, конечно, но...

- Так вы хотите сказать, что его... – капитан привстал с шаткой табуретки.

- Да ничего я не хочу сказать, – с досадой отмахнулась Варвара Михайловна, – и в заключении напишу все, как надо, а только точит меня что-то...

Это капитан хорошо понимал, его и самого что-то теребило и царапало.

- Никто ему не мог помочь? – спросил он без надежды на успех.

- Ты думаешь, я не проверила? – хмыкнула судмедэксперт. – Ну, ясное дело, есть у него пара-тройка свежих синяков да царапин, а так – ничего.

- Да, в камере его не били, охранник поучил маленько, только это за день до этого было...

- Ни в крови ничего подозрительного, ни в желудке, – вздохнула Варвара Михайловна, – стало быть, и правда сам помер. От страха.

Сейчас, вспомнив этот разговор, капитан Перченоч помрачнел. Он знал, что не будет ему теперь покоя. И от следователя Уткина помощи он не дождется. Однако попробовать стоит.

- Там, в тюрьме, сказали, что накануне адвокат к нему приходила... – заговорил он, – так не будет ли с этой стороны неприятностей? Поднимет бучу...

- Что за адвокат? – всполошился Уткин. – Почему я про нее не знаю? У меня на этот счет никаких сведений... Слушай, Петр, не в службу, а в дружбу, узнай, кто такая. И правда, начнет еще права качать – как умер да отчего...

- Да уж узнал, – Перченоч достал из кармана записку, – Крохалева Лариса Викторовна, одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года рождения, паспорт за номером таким-то, член ассоциации адвокатов. Все документы у нее были в порядке – разрешение на посещение подследственного и все такое...

- В первый раз слышу, – теперь настал черед хмуриться Уткину, – однако нужно выяснить, что она собирается делать теперь...

Капитану Перченку было интересно другое: кто нанял эту молодую адвокатшу? И еще он вспомнил, что так и не выяснил, каким же образом покойный Лапников проник в дом Канарского. Но теперь он сможет сделать это только в свое личное время, а когда оно будет?

Но он обязательно это проверит, потому что если честно, то никак не укладывалось у капитана в голове, чтобы такой слюнтяй и тряпка, как Виталий Лапников, вдруг задумал убить человека. Ну не годится он для этого никак! Все говорит за то, что жил этот тип за счет богатых дамочек, так за каким чертом ему на мокрое дело идти? Ох, мутное дело, темное и мутное...

Вернувшись к себе, капитан позвонил в ассоциацию адвокатов и спросил, где он может найти адвоката Крохалева. Его долго переадресовывали, но капитан был настойчив. И через некоторое время капитан получил однозначный ответ, что Крохалева Лариса Викторовна в данное время адвокатской практикой не занимается, поскольку уже полгода ее нет не только в нашем городе, но и в стране. Она по закону находится в отпуске по уходу за ребенком и в данный момент проживает на Кипре. Как родила, так туда и уехала, чтобы ребеночек на солнышке рос и витаминов набирался. Некоторые так делают.

Сердечно поблагодарив словоохотливую собеседницу, капитан повесил трубку и надолго задумался. Что же все это значит...

Врач вышел в коридор, оттуда еще некоторое время доносился его красивый, хорошо поставленный голос.

Фальшивый Петров дождался, пока этот голос затих, и попытался пошевелить правой рукой.

Ему едва удалось шевельнуть пальцем.

Черт, нет ничего хуже беспомощности!

Он сам виноват в том, что случилось, утратил бдительность, следил за дверью Агнии и не обратил внимания на то, что сменилась обслуживающая его официантка.

Наверняка это она, та смуглая брюнетка, подмешала в его кофе какое-то сильнодействующее средство...

«Петров» неприязненно подумал о той официантке – и злость вернула ему немного сил. Не то чтобы паралич прошел, но он хотя бы смог пошевелить правой рукой.

Дверь палаты приоткрылась, в проеме показалась помятая, плохо выбритая физиономия с маленькими хитрыми глазками. Дверь открылась пошире, и в палату протиснулся крупный обрюзгший мужик в красном спортивном костюме и тапочках на босу ногу, с перевязанной головой и большим синяком под глазом. Оглядев «Петрова», он разочарованно протянул:

- Еще один овощ...

- Я не овощ, – попытался проговорить «Петров», и – о чудо! – голос, хоть и слабый, прозвучал вполне отчетливо, незнакомец расслышал его и шагнул к кровати.

- Не овощ? – переспросил он. – Рад за тебя... и за себя тоже, а то тут одни доходяги, поговорить не с кем! Я сюда с сотрясением попал, а все остальные в полной отключке. Понимаешь, поспорил с ребятами, как лучше леща ловить – на червя или на муху, ну, не сошлись во мнениях, а их было трое... – Гость подошел к кровати, сел в ногах и представился: – Меня

Колян зовут. А тебя?

- Тоже... Николай... - выдохнул «Петров».

- Тезка, выходит? - оживился гость. - Надо же, какая встреча! Хорошо бы за это выпить, да здесь не достать... ни за какие бабки... - он заметно поскущел. - Ни выпивки не достать, ни курева... мне Нинка хотела передать, так не позволили...

- Выпить... да... выпить хорошо бы... - едва слышно проговорил «Петров».

- А у тебя нету? - Колян взглянул на него с надеждой. - Хотя откуда... здесь все отбирают...

- Выпить нету, - вздохнул «Петров». - Таблетки есть... лучше всякой выпивки забирают... хочешь закинуться?

- Таблетки? - переспросил гость. - Ну, если только по одной... я вообще-то эту дрянь не употребляю, но раз уж ты угощаешь... а что, врачи их не отобрали?

- Я спрятал... часы мои на тумбочке видишь?

- Вижу... - Колян взял с тумбочки часы на толстом кожаном ремешке, удивленно оглядел их.

- Подцепи ремешок, в нем, внутри, таблетки...

Колян недоверчиво взглянул на больного, решив, что тот бредит, однако на всякий случай решил проверить его слова, подковырнул краешек ремешка желтым от никотина ногтем. Тот на удивление легко поддался, разделившись на две части, между которыми аккуратно лежала цепочка маленьких желтоватых таблеток.

- Ух ты, и правда! - Колян с уважением взглянул на нового знакомого. - Здорово ты их спрятал! Видать, не первый раз! Ну так что - закинемся? - Он подцепил одну таблетку и положил в рот, потянулся за другой. - А что, и правда быстро забирает! Ух ты! Лучше всякой водяры! - Глаза его загорелись, дыхание участилось.

- Больше... больше одной нельзя, загнешься! - слабо запротестовал больной.

- Кому-то, может, и нельзя, а я знаешь, какой здоровый? Я раз три бутылки водки выпил - и ничего! И не какой-нибудь простой водки, а «Короткое замыкание»... - и Колян подцепил вторую таблетку.

- Постой... сначала мне... - взмолился «Петров».

- Ну ладно, ладно, что я, не человек! - Колян усмехнулся, положил таблетку в приоткрытый рот больного, только после этого взял себе еще одну. - Все должно быть по справедливости... тем более что твои таблетки...

«Петров» прикрыл глаза.

Он почувствовал, как чудодейственная таблетка начинает работать. Дыхание участилось, кровь быстрее заструилась по сосудам, по всему телу словно пробежал электрический разряд. Киллер пошевелил одной рукой, другой, открыл глаза и приподнялся. Тело слушалось его, может быть, еще не в полной мере, но все же слушалось.

Киллер с благодарностью вспомнил старого китайца, который продал ему эти таблетки.

Правда, китаец предупреждал, что использовать их можно только в самом крайнем случае и не больше одной таблетки за раз. Больше не выдержит самый крепкий организм.

Фальшивый Петров покосился на Коляна.

Новый знакомый сполз на пол, его лицо побелело, глаза закатились, тело сотрясали крупные судороги, на губах выступила белая пена.

- Я же тебя предупреждал, - проговорил киллер насмешливо. - Вот до чего жадность доводит!

Он легко поднял дрожащее тело, положил на свою койку, накрыл одеялом и вышел из палаты.

Алиса взглянула на часы. Стрелка подходила к двенадцати. Снова она собралась открыть тайник. Теперь, когда все неотложные дела сделаны, нужно вплотную заняться поисками камня. Возможно, в бумагах, что хранятся в тайнике, она найдет хоть какие-то указания, куда муж спрятал камень. В противном случае... об этом ей не хотелось и думать. Не может быть, чтобы она не нашла концов. Ведь она - умная и целеустремленная, она все преодолеет, и камень будет у нее в руках. А потом останется только выгодно продать его, и она будет богата. Богата и, самое главное, независима. Сама себе хозяйка. Никто не сможет указывать ей, что делать, никто не сможет кричать на нее, ворчать и обзывать дурой. Никто не будет пилить ее, что много тратит, что ничего не умеет делать, никто не будет грозить ей, что выгонит на улицу голой. Никто не будет пугать ее нищетой. Никто не посмеет поднять на нее руку.

Стрелки часов сомкнулись на цифре двенадцать. Часы начали мелодично бить. Теперь уже привычным движением Алиса повернула штурвал бронзового корабля против часовой стрелки. Каминная доска выдвинулась вперед, и открылось углубление тайника.

Алиса вытащила оттуда пачку бумаг и разложила их на столе.

Первым попался ей под руку заграничный паспорт на имя Корнеева Михаила Ивановича. С фотографии смотрел на нее покойный муж - чуть постаревший и коротко стриженный. Но вполне можно узнать на снимке Эдуарда Канарского.

- Вот, значит, как... - пробормотала Алиса, пролистав паспорт.

Была там шенгенская виза, стало быть, Михаил Иванович собирался в Европу.

Далее высмотрела Алиса электронный билет на самолет. Компания «Эр-Франс», рейс Петербург - Париж, дата вылета... ого, через три дня. Стало быть, собирался Михаил Иванович Корнеев в Париж улететь. Как говорится, на людей посмотреть и себя показать. Но зачем? Зачем мужу было лететь во Францию по чужим документам? Что он задумал? Какую подлянку устроил ей, Алисе?

Тут Алиса сообразила, что никакой гадости муж ей устроить не успел. И не сделает больше никогда. По причине своей смерти. Теперь бы еще камень найти!

Она снова перебрала бумаги. Договор о найме этой вот самой квартиры, ну да, специально в тайнике держал, чтобы жена не нашла, еще что-то, и вот...

В руке у Алисы был небольшой бумажный прямоугольник. Театральный билет - ну да, вот написано, Театр на Фонтанке, ряд, место и цена. И внизу название спектакля и дата - сегодня вечером, начало в девятнадцать ноль-ноль.

- Та-ак... - протянула Алиса, - так-так...

Чтобы ее муж ходил в театр? Они прожили больше двух лет, и за это время ей удалось затащить его в Ницце только на концерт великого итальянского тенора. И то только потому, что билеты были безумно дорогие и считалось престижным побывать на концерте.

Но чтобы муж сам захотел пойти в театр на... что за пьеса? Ах да, Шекспир, «Король Генрих Четвертый». Драма, в общем. В стихах. Не мюзикл, не балет, не шоу какое-нибудь. На драматическую пьесу собрался. Причем один, судя по билету. И билет еще спрятал, чтобы она, Алиса, не нашла и не стала задавать вопросы.

Что-то тут не так. А не наведаться ли ей в этот театр? Посмотреть, как там Шекспира ставят...

К вечеру Алиса перебрала содержимое своих шкафов, и на дне одного из них нашла несколько париков, купленных в то далекое время, когда она еще не выработала собственный стиль и экспериментировала со своей внешностью.

Вот этот светлый, с короткой стрижкой, еще в институте захотелось ей поразить одного парня. Поспорили они с подружкой, узнает он ее или не узнает? Теперь уж и не вспомнить, что из этого спора вышло. Да что там, она имени парня того и то не помнит.

А вот этот - с разноцветными прядями, они с девчонками под Новый год нарядились. Агния Иволгина тогда была восточной принцессой, танец живота исполняла, а она, Алиса, - ведьмой. Этот разноцветный парик и коротенькие черные лохмотья. Димка Крученых тогда еще сказал, что выглядит она очень эротично.

Алиса примерила парики один за другим и наконец остановилась на готическом черном. К этому парикуну она подобрала черную английскую помаду, черный лак для ногтей, запудрила лицо до синеватой бледности трехдневного покойника, подвела глаза, наложила туберкулезные тени и придирчиво осмотрела себя в зеркале.

Вид был кошмарный, в таком гриме запросто можно играть в малобюджетном фильме ужасов или пугать полуночных прохожих, но Алиса решила, что узнать ее не смогут даже близкие родственники, не говоря о малознакомых людях. К тому же выглядела она лет на семь старше, это и к лучшему.

К своей новой готической внешности она не без труда отыскала в своем безразмерном гардеробе подходящее платье - черное, густо оснащенное бисером и пайетками. Алиса не могла вспомнить, где и когда она этот ужас купила - сделать это можно было либо с тяжелого похмелья, либо в умственном помрачении. Довершив свой облик черными колготками и черными туфлями на среднем каблуке с квадратными решительными носами, Алиса отправилась в театр.

Театр сиял огнями. Площадь перед ним была уставлена дорогими машинами. Алиса узнала золотистый «Бентли» банкира Ангелова, двухместный розовый «Ягуар» Люси Коломяжской и еще две-три машины знакомых.

Фасад театра украшала огромная афиша - известный артист мрачно смотрел на медленно собирающихся зрителей, на нем было роскошное королевское облачение, шитое золотом и густо усыпанное драгоценными камнями.

Скользнув по афише равнодушным взглядом, Алиса вошла в фойе.

Здесь она едва не столкнулась с какой-то мертвенно-бледной особой с черными губами и горящим взглядом вампира. Извинившись перед незнакомкой и попятившись, она поняла, что это – ее собственное отражение в огромном зеркале.

«Да, значит, и никто не узнает!» – подумала она с удовлетворением.

Все же, прежде чем занять свое место, Алиса зашла в дамскую комнату, чтобы последний раз изучить свою внешность. В дверях она столкнулась с пышной блондинкой средних лет, которая при виде преображенной Алисы побледнела, перекрестилась и бросилась прочь, бормоча «Свят, свят, свят!...».

Алиса еще раз поправила парик, убедилась, что грим в порядке.

Тут к ней подошла элегантная молодая женщина очень приличного вида, в сшитом на заказ вечернем платье, с нежным румянцем и прозрачно-голубыми глазами дежурного ангела, и вполголоса предложила:

- Кокс не нужен?
- Что? – переспросила Алиса. – А, нет, спасибо!
- Может быть, звездная пыль? Или экстази? Или мет? Или слезы ангела?
- Да нет, спасибо, ничего не нужно! – Алиса выскользнула из туалета и поспешила в зал.

Зрители уже заканчивали рассаживаться.

Прозвучал третий звонок, и рядом с Алисой села женщина лет шестидесяти в приличном скромном платье, с мягким и озабоченным лицом. Она покосилась на Алису, и на ее лице проступило недоумение, граничащее с испугом.

Алиса ничуть не удивилась, отнеся и недоумение, и испуг на счет своего нетрадиционного внешнего вида. Но соседка не ограничилась взглядом, она откашлялась и спросила Алису:

- Простите, дама, вы не ошиблись? Это ваше место?
- Мое, разумеется, – возмущенно фыркнула Алиса.
- Вы уверены? Может быть, вы перепутали ряд? – не унималась соседка.
- Ничего я не перепутала! – Алиса достала из сумочки билет и сунула той под нос.

Соседка очень внимательно изучила билет и пробормотала:

- Да, действительно! Извините!

После этого на лице у нее появилось очень странное выражение. Впрочем, Алису ни соседка, ни обуревавшие ее эмоции ничуть не интересовали. Она демонстративно повернулась к сцене.

Занавес поднялся.

Сцена изображала тронный зал во дворце английского короля. Из-за кулис вышел сам король в сопровождении придворных и проговорил густым, красивым баритоном:

- Пусть от забот тревожных мы больны...

Алиса не очень вслушивалась в текст пьесы, но невольно залюбовалась роскошным одеянием короля.

Вдруг ее соседка перегнулась через подлокотник и прошептала:

- А что, сам Эдичка не смог прийти?

- Что?! - Алиса в изумлении уставилась на соседку. - Что вы сказали?

- Не пугайтесь, - зашептала та и положила ладонь на локоть Алисы, - я знаю, что он на самом деле жив... я в курсе его планов...

Алиса выпучила глаза и широко открыла рот, не в силах что-то сказать.

В это время на них зашикали соседи, и женщина шепнула:

- Поговорим в антракте...

Алиса повернулась к сцене, но она не видела и не слышала спектакля. Она пыталась осознать происходящее с ней самой.

Кто эта пожилая женщина?

Что такое она говорила про Эдуарда?

Она заявила, что он на самом деле жив...

Но это невозможно! Этого никак не может быть! Алиса хорошо помнила мертвое лицо Эдуарда, темную кровь на кафельном полу кухни... да что там - помнила, она этого никогда не забудет!

Алиса скосила глаза на свою соседку. Та внимательно смотрела на сцену - или только делала вид, что смотрит, но, должно быть, почувствовала ее взгляд, повернулась к ней и поднесла палец к губам, еле слышно повторив:

- В антракте!

По всему выходило, что билет на этот спектакль, билет, который лежал в тайнике Эдуарда, был предназначен именно для того, чтобы встретиться с этой женщиной...

«Да кто же она такая? - мучительно думала Алиса. - Что она знает? О каких планах Эдуарда она говорила? Неужели эта тетя что-то знает о камне?»

То, что разговор был отложен до антракта, очень помогло Алисе: она смогла успокоиться и продумать линию поведения.

Нужно скрыть свое удивление и растерянность, не дать этой женщине понять, что она ничего не знает о загадочных планах Эдуарда, в общем, молчать самой и как можно больше выпытать у этой тетки.

Хотя это легко только на словах, а как это сделать на самом деле?

До конца первого акта Алиса сидела как на иголках.

Едва занавес опустился, она поднялась и вопросительно посмотрела на свою соседку. Та тоже была очень озабочена, однако быстро огляделась и снова прижала палец к губам. Затем она двинулась к выходу из зала, сделав Алисе знак идти следом.

Алиса протискивалась сквозь толпу, стараясь не потерять из виду таинственную женщину.

Наконец они вышли в коридор, где было чуть свободнее.

Женщина поднялась по мраморной лестнице, остановилась на площадке, убедилась, что никого нет поблизости, и только тогда повернулась к Алисе:

- Как он? Как Эдичка? С ним все в порядке?

Алиса помнила о своем решении как можно меньше говорить и как можно больше слушать - но теперь от нее требовался прямой ответ, и она замешкалась. Наконец она нашла, как ей показалось, удачный выход и сама спросила:

- Кто вы?

- Как? - Женщина вспыхнула. - Разве Эдик вам не сказал?

- Сказал, - проямлила Алиса, боясь попасть впросак. - Сказал, конечно, но... он так рискует...

- А, я понимаю! - Лицо женщины смягчилось. - Он боится, что что-то могло пойти не по плану... боится, что вместо меня мог прийти кто-то другой... ну да, он действительно очень рискует...

- Да, - подхватила Алиса, почувствовав себя немного увереннее. - Он рискует, поэтому велел мне быть очень осторожной, не доверяться кому попало...

- Это правильно, - кивнула женщина. - Это очень правильно. Но насчет меня вы можете не сомневаться. Я - его тетя Зина, он наверняка говорил вам обо мне.

- Да, говорил, - кивнула Алиса, изображая сомнения. - Но не могли бы вы еще что-нибудь сказать, чтобы я была совершенно уверена, что могу вам доверять...

- Да, конечно... - глаза женщины затуманились, как будто она вглядывалась в прошлое. - Я ведь ему, собственно говоря, никто, мы с Эдичкой не родня. Я была лучшей подругой его матери, и когда Танечка умерла и Эдик остался один, я заменила ему мать... вот поэтому он и называл меня тетей... А вы ведь... вы Маргарита, так? Мы никогда не встречались, но я сразу поняла, что это вы...

- Да-да... - рассеянно ответила Алиса.

- Должна сказать, что не ожидала встретить вас в таком виде, - разоткровенничалась тетя, - ваш туалет очень бросается в глаза. И этот парик, не очень хорошего качества, сразу видно, что не свои волосы.

- Зато никто не узнает, - парировала Алиса, слова этой самой тети Зины задели ее за живое.

Тетка-то, оказывается, только с виду полная тетеха, а на самом деле глаз у нее зоркий. Парик, что на Алисе, был куплен в свое время в приличном магазине, не рыночное барахло. А она, видишь, сразу охаяла. Вообще-то правильно, нужно с теткой держать ухо востро.

Женщина еще что-то рассказывала, а Алиса думала о своем покойном муже.

Что же это был за человек, если он ни разу за время их совместной жизни не упомянул об этой женщине, которая была так привязана к нему и играла в его жизни такую большую роль?

Хотя, судя по всему, он навещал ее, помогал ей и именно ей доверил какие-то свои тайные дела... значит, он просто не доверял ей, своей жене... вот же козел!.. И еще тут замешалась какая-то Маргарита, которой он доверял, судя по словам тети. Она-то ему кто? Вот же бабник!

Тут Алиса своевременно вспомнила, что мужа больше нет, и не то чтобы усовестилась, но отбросила эти мысли как пустые и несвоевременные.

Интересно, почему эта его тетка считает, что Эдуард жив? Несмотря на то что слышала о его смерти?!

Вот дурдом...

Женщина между тем продолжала свой рассказ - видимо, просто увлеклась и не могла остановиться.

- Эдик всегда был очень способный, - продолжала она, - поэтому вполне понятно, что он разбогател. Однако вы же понимаете, что в наше время богатому человеку приходится очень трудно, - тетя Зина вздохнула, - и Эдик в этом плане тоже не был исключением. У него начались неприятности, сложности с бизнесом... ну, он вам, наверное, об этом говорил...

Алиса пробормотала что-то невнятно-утвердительное, что вполне устроило ее собеседницу.

- А кроме того, эта его жена... - на лицо женщины набежало облачко. - Это ужасная женщина, хищница и потребитель, которой от Эдика были нужны только его деньги...

Алиса хотела было возмутиться, но вовремя удержалась, чтобы не выйти из роли. Похоже, тетя твердо уверена, что ее Эдичка был кристальной души человек, хоть икону с него пиши. Алиса вспомнила, как залечивала синяки и ушибы после очередного общения с мужем, когда на него, по его собственному выражению, находило, как после приема или вечеринки со страхом ждала возвращения домой... нет, ей нисколько не жаль этого мерзавца! Но тетя, разумеется, так не считает.

Алиса низко наклонила голову, делая вид, что внимательно слушает.

- Вот поэтому Эдик и решил, что лучшим выходом для него была бы фальшивая смерть, - вполголоса продолжала тетя Зина. - Он решил подстроить все так, чтобы его посчитали умершим, и скрыться под новым именем... а чтобы у него были средства на новую жизнь, он приобрел этот камень и доверил его мне. Ну, вы же знаете, он вам говорил...

- Камень? - взволнованно переспросила Алиса. - Вот как раз об этом камне я хотела поговорить... Эдик просил меня взять его у вас. Взять и передать ему...

Уже договорив эти слова, она поняла, что ошиблась, поторопилась, раньше времени спугнула недоверчивую женщину. Как рыболов, который слишком рано дернул за удочку, когда осторожная рыба еще только приглядывалась к наживке. Ну как же ее угораздило? Теперь все пропало, тетка скандалить, конечно, не станет, но заподозрит ее в обмане. Еще, чего доброго, паспорт потребует показать! Чтобы убедиться, что она - та самая Маргарита. А Алиса и понятия не имеет, что это еще за баба.

Так и вышло. Ее собеседница отстранилась, подозрительно взглянула на Алису и процедила:

- Взять? Забрать камень? Но Эдичка однозначно предупредил меня, чтобы я не отдавала камень никому, кроме него! Только ему самому, из рук в руки... и не здесь... собственно, он для того и отдал мне камень, чтобы... - она хотела еще что-то сказать, но вовремя остановилась, словно опомнилась, проглотила едва не вылетевшее слово и убедительно повторила: - Он не велел отдавать камень никому, кроме него, и очень настаивал на этом! Мы договорились встретиться на этом спектакле, чтобы условиться о том, как поступить с камнем!

- Но обстоятельства изменились. Эдик не смог прийти сегодня, поэтому попросил меня пойти и взять у вас камень... - Алиса решила идти до конца, а ну как тетку больше не найдешь. У нее времени мало.

- Не знаю, не знаю... - женщина поджала губы, как настоящая свекровь, и пристально взглянула на Алису: - А почему он не смог прийти? С ним все в порядке? Он не ранен, не болен?

- Нет-нет, с ним все в порядке, он просто побоялся прийти сюда, побоялся, что его здесь узнают. Вы же знаете, что его никто не должен увидеть... - Алиса постаралась, чтобы голос ее звучал как можно спокойнее и увереннее.

На самом деле ей хотелось схватить эту самую тетю Зину и трясти ее до тех пор, пока не скажет, где находится злополучный камень. И предупредить, что если она сейчас же, ну через пять минут, не принесет его сюда и не положит Алисе в руку, то может прощаться с жизнью. Алиса просто сбросит ее с этой вот парадной лестницы. Или придушит прямо тут, на площадке. Запросто это сделает, рука у нее не дрогнет.

- Да, тогда вся операция может пойти насмарку... - тянула свое тетя Зина, не подозревая о кровожадных мыслях Алисы.

Она хотела еще что-то сказать, и Алиса замерла, боясь пропустить хоть слово, но в это время внизу на лестнице послышались приближающиеся шаги, и женщина настороженно замолчала.

Агния взглянула на часы. Рабочий день заканчивался, скоро можно будет пойти домой, закрыть за собой дверь квартиры и хоть ненадолго отгородиться от внешнего мира, от всех проблем. Неужели она не заслужила хотя бы один вечер покоя?

С тех пор как встретила она с Алисой Канарской и потом они нашли труп ее мужа, все у Агнии шло наперекосяк. Она путала документы, забывала о назначенных встречах, а когда секретарь напоминала, то смотрела на нее с удивлением. Хорошо, что секретарша была у нее очень толковая, та самая Нелли Леонидовна, которая работала еще у Антона Борового. Когда нынешний владелец фирмы Солуянов брал Агнию на работу, она посоветовала ему оставить прежнюю секретаршу. Дама представительная, умеет разговаривать с посетителями и всегда держать верный тон. И у Агнии с ней сложились неплохие отношения. Солуянову было, в общем-то, все равно, он только начальника по безопасности поменял и охрану, а то распустились совсем. С этим Агния была согласна.

Нелли Леонидовна была благодарна Агнии, что та замолвила за нее словечко, так что работалось им прекрасно. Но в последние дни Агния замечала в глазах секретарши легкое недоумение - дескать, что случилось, отчего это новая начальница все путает и такие ляпы недопустимые делает?

Агния ничего не могла с собой поделаться, перед глазами стояло тело Канарского и лужа крови растекалась по кафельной плитке. И бледное лицо Алисы, ее совершенно больные безумные глаза, ее монотонный голос, когда она рассказывала, как издевался над ней муж.

Потом вспоминался визит в полицию и беседа с капитаном Перченком, в общем, все, как было раньше, летом, когда случилась история с сапфиром. Только теперь все совсем запуталось. Вмешались какие-то странные восточные люди из какой-то подозрительной никому не известной секты, да тут еще убийца сбежал. Правда, эти восточные люди обещали, что избавят Агнию от него, но как можно им верить...

В общем, она ужасно устала, и совершенно некому рассказать все честно и пожаловаться на судьбу. Подруга Анька пропала куда-то, и неизвестно, когда вернется. Решено: сейчас она все бросит и поедет домой, там примет горячую ванну и просто отдохнет. Выспится, наконец.

Агния приободрилась и задвинула ящики стола.

И тут зазвонил телефон.

Агния сняла трубку и услышала голос своего шефа, владельца антикварной фирмы Андрея Солуянова. Этот звонок, да еще в самом конце рабочего дня, не предвещал ничего хорошего. На спокойном вечере, о котором она мечтала, можно было поставить крест.

- Привет, Агния! - проговорил шеф, и по его интонации Агния сразу поняла, что он ее о чем-то попросит.

- Добрый вечер, Андрей, - ответила Агния осторожно.

- Ты как к театру относишься?

- К театру? Хорошо отношусь, хотя, конечно, это зависит от того, какой театр... - отозвалась Агния, безуспешно пытаясь понять, к чему клонит шеф.

- Хорошо, значит? - Солуянов явно обрадовался. - Ну, так сходишь сегодня на премьеру в Театр на Фонтанке. Они там поставили Шекспира, «Генрих Восьмой»...

- Четвертый, - машинально поправила его Агния. - Они поставили пьесу «Генрих Четвертый».

- Правда, четвертый! - усмехнулся Солуянов. - Вот видишь, ты в теме, так что тебе сам бог велел туда идти!

Агния растерянно молчала, и шеф счел своим долгом прояснить ситуацию:

- Понимаешь, я... то есть наша фирма оказала этому театру спонсорскую помощь. Это хороший рекламный ход, кроме того, были кое-какие политические соображения, долго объяснять...

Он сделал паузу, чтобы Агния вполне оценила, какие сложные задачи ему приходится решать.

- Короче, мы перечислили театру кое-какие деньги, а кроме того, предоставили для постановки подлинную старинную мебель. Кое-что из наших запасников...

- Ах, ну да, я видела документы! - вспомнила Агния.

- Ну вот, видишь, ты в курсе. А теперь они прислали приглашение на премьеру, а я, как назло, никак не могу прийти, у моей тещи день рождения, а это - святое... а не пойти на премьеру -

тоже нехорошо, я же тебе говорил - тут политические соображения. Так вот я и подумал - может, ты сходишь? Как представитель фирмы!

Агния замешкалась с ответом.

С одной стороны, она хотела сегодня просто отдохнуть, провести тихий спокойный вечер дома, с другой - давно не была в театре, а тут премьера, да говорят, очень удачная постановка... правда, она не успеет съездить домой и переодеться, придется идти в театр как есть, в деловом костюме... ну да бог с ним, с костюмом, спонсору многое прощается, да и костюм у нее все же приличный, хорошей фирмы...

В конце концов, начальнику не откажешь. Но нужно представить дело так, как будто она делает ему большое одолжение. Когда-нибудь это можно будет использовать.

- Ладно, - проговорила Агния, - так и быть, схожу, раз нужно... хотя у меня были на сегодняшний вечер другие планы.

- Спасибо, Агния! - с чувством ответил ей шеф. - Я всегда знал, что на тебя можно положиться!

Агния повесила трубку и подошла к зеркалу.

Вид усталый, озабоченный, но это поправимо. Как говорил дед Агнии, поправимо все, кроме смерти.

Она поправила волосы, освежила макияж, оживила строгий костюм ярким шелковым шарфиком, который нашелся в ящике стола, и отправилась в театр. И даже удалось удачно миновать все пробки, которых на Фонтанке полно в любое время дня.

В театре ее встретили как коронованную особу, проводили в лучшую ложу.

Уже прозвенел третий звонок. Агния выключила мобильный телефон и сосредоточила внимание на сцене.

Занавес поднялся, и она сразу увидела мебель из коллекции их фирмы. Подумала, что Солуянов явно заинтересован в каких-то связях с этим театром, если предоставил для спектакля такие дорогие экспонаты, но тут на сцену вышел знаменитый актер в роли английского короля, и Агния забыла обо всем, кроме спектакля.

Постановка была очень хорошая, актер был в ударе, да и все остальные держались на уровне, так что Агния не заметила, как промелькнуло первое действие.

В антракте она решила пройтись, размять ноги.

В коридоре было слишком людно, Агния вышла на лестницу, чтобы подняться наверх, в музей театра. Зрители в основном одеты были довольно просто, Агния заметила только несколько дам в вечерних туалетах, очевидно, в Театре на Фонтанке были весьма демократичные порядки. Как ни странно, среди зрителей было довольно много мужчин, как видно, эта постановка считалась большим культурным событием. В основном мужчины были приведены на спектакль своими женами или подругами, но попадались и одинокие мужчины, и по двое.

Ну, по этим-то сразу видно, что люди творческие, пришли посмотреть на работу коллег. Или критики.

На лестничной площадке разговаривала странная пара: немолодая женщина скромного и приличного вида и другая, как будто сошедшая со страниц какого-нибудь романа о вампирах – готическое черное платье, угольно-черные волосы, мрачный макияж... Вот еще чучело, Агния наклонилась, чтобы скрыть улыбку. И ладно бы еще девчонка молоденькая, а этой за тридцатник прилично тянет... Много на свете чудаков.

Агния подумала, что общего может быть у этих женщин, как вдруг лицо младшей показалось ей смутно знакомым.

Да нет, у нее не было таких знакомых...

Она прошла было мимо, но тут в глазах женщины-вамп мелькнул мимолетный испуг – та тоже наверняка узнала Агнию и отчего-то испугалась ее. До того испугалась, что резко отвернулась и припустила вверх по лестнице.

И тут, со спины, когда не отвлекал непривычный макияж, Агния ее узнала.

Это была Алиса Журавлева... то есть Канарская. Агния легонько потрясла головой – не может быть, это у нее от усталости. Везде теперь мерещится ей Алиса, ох, в недобрый час они повстречались!

Женщина едва не упала на лестнице, потому что споткнулась. С чего она так понеслась, испугалась ее, Агнии? Но если они незнакомы...

Агния еще раз внимательно поглядела ей вслед. Нет, это точно Алиса.

Ошибиться было невозможно – та же походка, тот же наклон головы, тот же разворот плеч...

Вот странно – зачем Алиса вырядилась в такой жуткий маскарадный костюм? И что она тут делает?

– Алиса! – окликнула Агния приятельницу, это вырвалось у нее против воли, слишком поздно сообразила она, что не стоило этого делать.

Алиса дернулась, услышав свое имя, но не повернулась, только прибавила шагу и скоро скрылась за поворотом лестницы.

Агния обернулась, чтобы взглянуть на ту женщину, с которой только что разговаривала переодетая Алиса, – но той и след простыл. Это было очень странно: куда могла исчезнуть немолодая женщина за считанные секунды? Она не могла за это время спуститься по лестнице и смешаться с толпой зрителей. Для этого нужна слишком хорошая спортивная подготовка, маловероятная в ее возрасте.

Агния прошла вниз на один лестничный марш и увидела дверь с надписью «Только для персонала». Она на всякий случай подергала эту дверь – но дверь была заперта...

Выходит, та женщина скрылась за этой дверью и заперла ее за собой... Значит, она сотрудница театра...

Ну и что? Возможно, какая-то родственница или знакомая Алисы работает в театре. В этом нет ничего странного или криминального. Почему же тогда эта женщина так поспешно скрылась? И почему Алиса сбежала, как только увидела Агнию? И почему она пришла в театр в таком странном наряде?

Зная Алису, трудно было поверить, что она может в таком виде появиться на людях без какой-то чрезвычайно серьезной причины... Алисе явно было нужно, чтобы никто из знакомых не узнал ее, не узнал о том, что она была сегодня в театре, поэтому она так испугалась, увидев Агнию...

Все эти мысли промелькнули в голове Агнии за считанные доли секунды.

Тут прозвенел второй звонок, и она поспешила в свою ложу.

Второе действие спектакля Агния не оценила, да она почти и не видела ни блестящей актерской игры, ни режиссерских находок, ни прекрасной работы театрального художника: ее голова была занята мыслями о той странной сцене, которую она случайно наблюдала в антракте на лестничной площадке.

Поэтому, когда занавес опустился и зрители дружно поднялись, чтобы выразить свой восторг овацией, Агния была немного удивлена и разочарована.

Но долго удивляться ей не пришлось: в ее ложу вошел заместитель директора театра и сказал, чтобы она не уходила, сейчас начнется фуршет по поводу успешной премьеры, коллектив театра просит ее, как спонсора, присоединиться к этому торжеству.

Агнии не хотелось оставаться; чего ей хотелось – это добраться до дома и отдохнуть после долгого и тяжелого дня. Но заместитель директора очень настаивал. Он наклонился к ней близко-близко, заглядывал в глаза и даже поглаживал по руке. Агния вспомнила своего шефа Андрея Солуянова, подумала, что тот будет очень недоволен, если она не примет приглашение, и отправилась на фуршет. Замдиректора шел рядом и громко выражал свою радость. Был он невысокого роста, лысоват и многословен, все время сыпал комплиментами. Агния понимала, что делает он это по обязанности, и улыбалась ему дежурной улыбкой.

Фуршет был приготовлен прямо на сцене, за опущенным занавесом. Декорации еще не были убраны, и получилось, что актеры и гости театра расположились в тронном зале королевского дворца. Сюда только внесли столы, заставленные блюдами с закусками и бутылками со всевозможной выпивкой.

Актеры были возбуждены успехом, все дружно поздравляли режиссера – вальяжного мужчину средних лет с роскошной серебряной гривой и длинными скандинавскими усами. Он лучился самодовольством.

Замдиректора куда-то исчез и вернулся через минуту, ведя за собой молодого и многообещающего актера, как он представил его Агнии. Затем извинился, что вынужден их оставить, и удалился, бросив на парня грозный взгляд. Агния поняла, что ему поручили развлекать нужного человека, то есть ее.

Актер оказался потрясающе хорош и так же потрясающе глуп. Он тарачил на Агнию свои глазищи и все подливал ей шампанского, от которого она упорно отказывалась – за рулем.

Режиссер выпил лишнего и в какой-то момент уселся на королевский трон, нахлобучил на голову бутафорскую корону и хорошо поставленным голосом продекламировал монолог короля Генриха из второго действия спектакля.

Но Агния смотрела не на него и не на корону, сверкавшую всеми цветами радуги в свете юпитеров: она заметила среди гостей ту самую женщину, которая в антракте разговаривала с Алисой Канарской, и двинулась к ней, сама еще не зная зачем.

На полпути к таинственной незнакомке ее перехватил заместитель директора театра, который считал своим неременным долгом обхаживать важную гостью. Он грозно покосился на красавца актера, отчего тот поежился и сам подвел Агнию к той самой женщине.

- Вот с кем вы непременно должны познакомиться! - сообщил он с наигранным энтузиазмом. - Зинаида Андреевна - один из тех незаметных, но очень важных людей, без которых сегодняшний спектакль не смог бы состояться. Она заведует в нашем театре реквизитом и костюмерным цехом. С ней, Агния Львовна, вам особенно интересно будет познакомиться, поскольку именно она отвечает за любезно предоставленный вам антиквариат... - Он повернулся к немолодой женщине и представил ей Агнию: - Зинаида Андреевна, разрешите познакомить вас с Агнией Львовной, она - директор фирмы, которая предоставила нам подлинные предметы мебели и интерьера для сегодняшней постановки...

Зинаида Андреевна оживилась, повернулась к Агнии:

- Мы вам так благодарны, так благодарны... я, как никто другой, ценю ваш благородный поступок! Я понимаю, какие ценные вещи вы нам предоставили! И эти подлинные вещи очень украсили постановку, придали ей историческую достоверность...

- Ну, я тут ни при чем... - смутилась Агния. - Это все владелец фирмы... я только наемный работник, директор...

- Ну, вам, как профессионалу, важно знать, что я стараюсь обеспечить для ваших вещей правильные условия хранения, так что вы можете не беспокоиться об их сохранности...

Она перешла на профессиональный язык, и несколько минут они с Агнией обсуждали влажность, температуру и прочие вещи, важные и понятные для специалистов.

- Вы, как я поняла, профессиональный хранитель, - с уважением проговорила Агния, по достоинству оценив все, что сообщила ей Зинаида Андреевна, - наверное, вы получили соответствующее образование и когда-то работали в музее?

- Да нет, в общем-то, - улыбнулась женщина, - я - простой реквизитор, а театральному реквизитору приходится немного разбираться во всем: и в мебели, и в одежде, и в старинном оружии, и даже в ювелирных изделиях... приходится и самой многое делать, и шить, и кроить, и украшения мастерить...

- Да, я могу это подтвердить! - вмешалась в разговор разгневанная от шампанского пожилая актриса. - Митенька, а ты что тут стоишь?

Этот вопрос относился к тому самому красавцу актеру, который маялся рядом с Агнией, боясь отойти - видно, замдиректора здорово его запугал.

- Да я... - растерялся он.

- Иди-иди, - рассмеялась актриса, совершенно правильно оценив ситуацию, - мы уж тут о своем поболтаем, о девичьем, я сама гостью развлекать стану...

Обрадованный Митенька бодрым козликом поскакал в сторону, а Агния, услышав смех актрисы, вспомнила несколько старых фильмов, которые когда-то смотрели они вместе с дедом. Дед актрису эту очень любил, говорил, что красивее женщины в жизни не видел. Надо же, а она думала, что актрисы этой уже и на свете нет...

- Вот смотрите, - та показала Агнии очень красивое ожерелье, - можете себе представить - Зиночка сделала его своими собственными руками!

- Да что вы говорите? - Агния взглянула на ожерелье из вежливости, но с удивлением признала, что оно сделано мастерски - если смотреть невооруженным взглядом, можно было подумать, что на него пошли белое золото и десятки драгоценных камней.

- Да, своими собственными руками! - повторила старая актриса. - Подарила мне на юбилей, когда я отмечала свое... неважно, сколько-то летие...

- Да вы действительно настоящий мастер! - Агния удивленно взглянула на Зинаиду Андреевну.

На протяжении всего разговора ей хотелось спросить свою собеседницу, как та связана с Алисой Канарской и о чем они разговаривали в антракте, - но Агния все не решалась. Когда она уже хотела задать мучивший ее вопрос, Зинаида Андреевна проговорила:

- Так что можете не беспокоиться, Агния Львовна, я сделаю все, чтобы ваши вещи не пострадали. Конечно, при перевозке в поезде мне будет труднее обеспечить для них надлежащие условия, но я сделаю все, что смогу...

- При перевозке? - переспросила Агния. - О чем вы говорите? О какой перевозке?

- Как - о чем? Но ведь мы на следующей неделе возем этот спектакль на театральный фестиваль в Авиньон...

- Да? - удивленно протянула Агния. - Господин Солуянов мне об этом не сказал...

- Что вы? - переполошилась реквизитор. - Но вы, надеюсь, не против? Мы подготовили все для перевозки реквизита... можете не сомневаться, мы много раз перевозили такие вещи...

- Да нет, я вижу, что вы знаете свое дело...

У Агнии снова мелькнула какая-то мысль, но тут к ней подошел директор театра, провозгласил тост за спонсоров спектакля, Агния должна была произнести ответный тост, и мысль, показавшаяся ей важной, скрылась в глубине подсознания.

Когда обмен любезностями завершился, Агния снова повернулась к Зинаиде Андреевне. Та явно ждала продолжения разговора и сразу перешла к делу:

- Поскольку мы повезем спектакль за границу, нам с вами нужно будет в ближайшее время встретиться, чтобы подготовить все необходимые для этого документы.

- Да, конечно... - Агния знала, какая это морока - готовить документы для вывоза антиквариата за рубеж, но понимала, что именно ей придется этим заниматься.

И тут Агния наконец решилась задать мучивший ее вопрос. Официальная часть фуршета закончилась, понемногу сборище переходило в обычную вечеринку, Агния не собиралась оставаться на ней долго, от нее этого и не ждали.

Она набрала полную грудь воздуха и проговорила:

- Зинаида Андреевна, а ведь у нас с вами есть общая знакомая... как говорится, мир тесен...

- Да что вы говорите? - Женщина изобразила вежливый интерес. - Знаете, как говорят - не мир

тесен, а слой тонок... и кто же эта наша общая знакомая?

- Алиса Канарская.

- Что?! - Зинаида Андреевна попятилась, на лице ее проступила откровенная неприязнь, как будто Агния сказала или сделала что-то непристойное. - Нет, вы ошибаетесь. Я незнакома с этой особой. Ни разу ее не видела.

- Да что вы? - удивленно переспросила Агния.

Ее собеседница не прикидывалась, имя Алисы вызвало у нее самое настоящее отвращение, такое просто невозможно сыграть. Но ведь Агния своими глазами видела, как Зинаида Андреевна беседовала с Алисой, и выглядела она вполне миролюбиво...

Как же объяснить такую перемену, произошедшую в ее отношении к Алисе за два с небольшим часа?

Тут к Агнии снова подошел заместитель директора театра.

- Извините, Зинаида Андреевна, - проговорил он вежливо, - к сожалению, я вынужден похитить у вас нашу очаровательную гостью... - И он увел Агнию, чтобы познакомить ее с режиссером и ведущими актерами театра.

Режиссер был пьян, на нем гроздьями висли молодые актрисы, актер же, игравший главную роль, выглядел в жизни весьма импозантно. Агния сказала ему бесхитростный комплимент, который он принял, насмешливо блестя глазами, после чего сочла свою миссию выполненной и удалилась по-английски, ни с кем не прощаясь. Замдиректора куда-то исчез, и никто ее не удерживал.

До дома она добралась ужасно уставшая и почти сразу легла спать.

И приснился ей яркий и красивый сон.

Она находилась в Лондоне, во дворце английского короля. Король, в темном домашнем одеянии, стоял перед группой придворных, на его лице был гнев.

- Корона где? - грозно вопрошал он перепуганных приближенных. - Кто взял ее с подушки? В ней камень есть, и камень тот ценней всех королевств и княжеств, царств восточных. Кто взять посмел бесценный талисман?

- Вот принц идет, - отвечал один из вельмож, повернувшись к двери, - в руках его корона!

И правда, в покой вошел принц с короной в руках. Впрочем, корона была бутафорская, та самая, которая была на короле в спектакле Театра на Фонтанке.

Король еще что-то говорил, но Агния больше ничего не слышала - как будто кто-то выключил звук.

Вскоре она проснулась, припоминая свой сон.

Ничего удивительного в нем не было - в этом сне отразилось впечатление от только что виденного спектакля, однако у нее осталось чувство, что было в этом сне что-то очень важное...

Скромно одетая темноволосая девушка вошла в холл больницы и направилась к окошечку справочной. Подождав, пока от него отойдет полная пожилая женщина с мелко завитыми рыжими волосами, девушка наклонилась к окошку и проговорила:

- К вам позавчера должен был поступить мужчина, которого привезла «Скорая помощь». Он потерял сознание в кафе на Малом проспекте Петроградской стороны. Так вот, я хочу узнать, где он находится и в каком он состоянии.

- Фамилия! - Женщина в окошечке, облаченная в накрахмаленный белоснежный халат, строго взглянула на посетительницу поверх очков в металлической оправе.

- Моя фамилия? - робко переспросила девушка и испуганно захлопала ресницами.

- Ваша фамилия мне без надобности! Фамилия больного!

- Я... я не знаю.

- Не знаете фамилии? - Женщина в окошке грозно нахмурила брови. - Кем же он вам приходится?

- Никем! - честно призналась девушка.

- А если никем, тогда ничем не могу помочь. Посторонним никакие справки не выдаем. - И она опустила глаза, давая понять, что разговор окончен.

- Понимаете, в чем дело... - начала девушка неуверенно.

- Нет, пока не понимаю.

- Дело в том, что я была в том же кафе, и когда его увезли, я увидела, что на полу под его столиком осталась папка... - с этими словами девушка предъявила небольшую кожаную папочку на «молнии». - Вот поэтому я хочу найти этого человека и отдать ему папку. Тут какие-то документы, наверное, важные...

Женщина в окошке заметно смягчилась.

- Оставьте папку у нас, - предложила она, - ему передадут.

- К сожалению, не могу, - ответила девушка неожиданно твердо, - я должна сама ему передать эту папку.

- Это почему же? - нахмурилась медсестра.

- Потому что в этой папке, кроме бумаг, еще и деньги лежат.

- Ну и что же? Вы думаете, у нас люди нечестные? - Медсестра начала горячиться. - Вы думаете, я, к примеру, чужое возьму? Вы обо мне такого мнения?

- Не беспокойтесь, - остановила ее девушка, - конкретно про вас я ничего плохого не говорю и не думаю, но я бы все же хотела сама отдать эту папку хозяину. Чтобы он лично убедился, что все на месте. И даже пересчитал. А то, знаете, как бывает, по дороге что-нибудь пропадет, а он на меня подумает.

- Это черт знает что такое... - кипятилась медсестра. - Приходят тут всякие и подвергают

сомнению...

- Я ничего не подвергаю, - упорно твердила девушка, - я только хочу лично передать и убедиться...

- Петров его фамилия, - неприязненно проговорила медсестра, - лежит в нейрохирургии... но он все равно парализованный, так что ничего у вас не выйдет!

- Ладно, как-нибудь разберусь! - И девушка зашагала к лифту, победно помахивая папочкой.

Поднявшись на четвертый этаж, она толкнула высокую застекленную дверь с надписью «Отделение нейрохирургии» и вошла в длинный, ярко освещенный коридор.

- Вы куда, девушка? - осведомилась молодая медсестра, сидевшая за столом слева от входа.

- Я к больному Петрову, - ответила та с робкой нерешительной улыбкой, - он ведь здесь?

- Он-то здесь, - строго ответила медсестра, - да только посетители к нему не допускаются.

- Не допускаются? - разочарованно переспросила девушка, подходя к столу. - Почему не допускаются?

- Потому что! - оборвала ее сестра. - Девушка, это больница, а не проходной двор и не торгово-развлекательный центр! Ваш Петров серьезно болен, парализован, он находится в палате интенсивной терапии, и посещения запрещены...

- Совсем-совсем запрещены? - спросила странная девушка, чуть не плача.

- Совсем-совсем! - передразнила ее медсестра. - Да откуда ты такая взялась... что за детский сад...

- А если у меня есть разрешение от самого главного врача? - проговорила девушка, расстегивая кожаную папочку.

- Разрешение от главврача? - удивилась медсестра. - А что же ты... что же вы сразу не сказали? Покажите ваше разрешение! Если действительно от главного врача, тогда другое дело...

- Вот оно! - Девушка, расстегивая «молнию» на папке, наклонилась над столом.

Медсестра с ожиданием смотрела на папку. Но вместо официальной бумажки с печатью и подписью в руке незнакомки появился одноразовый шприц. Брови медсестры удивленно поползли вверх, рот приоткрылся - она хотела что-то сказать или даже крикнуть, но не успела: странная девушка одной рукой зажала ей рот, а другой вонзила шприц в руку, прямо сквозь рукав белого халата. Глаза медсестры закатились, и она упала лицом на стол.

- Поспи, дорогая! - насмешливо проговорила странная посетительница, мигом надела поверх своей одежды прихваченный по дороге белый, не слишком свежий халат и быстро пошла по коридору к палате интенсивной терапии.

Открыв дверь палаты, она заглянула внутрь.

В палате был единственный больной, почти до глаз закрытый больничным одеялом. Из-под одеяла выползали провода и трубки. Голова больного была туго забинтована.

- Странно... - пробормотала девушка. - Почему у него голова перевязана?

Она отбросила больничное одеяло, внимательно взглянула на лицо больного.

Незнакомое лицо, огромный синяк под левым глазом...

- Не тот! - пробормотала девушка и машинально огляделась по сторонам - не ловушка ли это.

Убедившись, что, кроме нее, в палате никого нет, девушка достала из кармана мобильный телефон, набрала номер.

- Как успехи, Лизонька? - раздался в трубке мелодичный, обманчиво приветливый голос.

- Прокол, Елена Юрьевна! - честно ответила Лиза. - Видимо, он пришел в себя и сразу же сбежал. Вместо себя оставил другого человека. Сейчас у него документы на фамилию Петров, но я думаю, что он их скоро поменяет.

- Как же так, Лизонька? - недовольно проговорила Елена Юрьевна. - Ты же знаешь, у нас с тобой не бывает проколов... ты меня очень огорчила! Ну ладно, возвращайся, мы обсудим ситуацию.

Лиза спрятала телефон, снова огляделась по сторонам.

Она была расстроена.

Во-первых, Елена Юрьевна огорчена - а огорчать ее очень опасно. Возможно, ей, Лизе, пока ничего не грозит - ведь она не виновата в этой неудаче, кроме того, она - правая рука этой могущественной женщины, но рано или поздно Елена Юрьевна может вспомнить сегодняшний неудачный день.

Во-вторых же, у Лизы было неприятное ощущение, будто за ней кто-то следит. Этого не может быть, уверяла она себя, если бы за ней действительно следили - она бы это заметила... она же профессионал высокого класса...

Однако ей никак не удавалось отделаться от этого неприятного чувства, а по своему опыту Лиза хорошо знала, что интуицию нельзя сбрасывать со счетов.

Еще раз проверив палату, она вышла в коридор, прошла мимо безмятежно спящей медсестры и покинула нейрохирургическое отделение, спустилась на первый этаж, снова проверила, нет ли за ней слежки, и вышла на улицу.

Свою машину она оставила далеко от больницы, и сейчас, прежде чем подойти к ней, сделала петлю, как лиса, старающаяся сбить со следа собак. И все равно ей не удавалось избавиться от того же неприятного чувства: ей казалось, что за ней кто-то следит.

Прежде чем сесть в машину, Лиза как бы ненароком уронила на тротуар пудреницу.

Наклонившись, чтобы ее поднять, она незаметно и быстро оглядела днище машины.

За время ее отсутствия к машине ничего не прикрепили - ни радиомаячок, ни взрывное устройство.

Не найдя ничего подобного, Лиза села за руль, повернула ключ в замке зажигания, невольно затаив дыхание и закусив губу.

Сотни раз ей снился один и тот же кошмар: она садится в машину, заводит ее - и в ту же секунду срабатывает взрывное устройство, автомобиль взлетает на воздух...

Мотор машины тихо и ровно заработал, больше ничего не произошло. Переведя дыхание и немного успокоившись, Лиза выжала сцепление и отъехала от тротуара.

Хотя пока ничего плохого не случилось, ее не оставляло чувство опасности. Поэтому, прежде чем ехать к Елене Юрьевне, она сделала «почетный круг» вокруг квартала, чтобы убедиться, что за ее машиной никто не едет.

Не заметив ничего подозрительного, она развернулась, выехала из города и поехала по Выборгскому шоссе.

Трасса была довольно свободной. Лиза то и дело посматривала в зеркало заднего вида. Ей показалось, что за ней подозрительно долго следует какая-то серая машина. Тогда она убавила скорость. Серая машина обогнала ее и скрылась за поворотом шоссе.

«Все в порядке, - снова постаралась убедить себя Лиза, - за мной нет хвоста».

Но чувство опасности все не покидало ее.

Наконец она увидела знакомый поворот, съехала с шоссе на боковую дорогу, проехала по ней около десяти километров - по сторонам светлой колоннадой стояли сосны - и снова свернула, на этот раз на неприметную грунтовку.

Скоро она подъехала к высокому глухому забору, остановилась перед металлическими воротами и посигналила. Ворота послушно разъехались перед ее машиной. Машина въехала во двор и по усыпанной гравием дорожке, обсаженной поздними отцветающими розами, подъехала к двухэтажному дому из золотистых калиброванных бревен. Лиза выбралась из машины. Прежде чем подняться на крыльцо, она быстро оглядела двор. Двор был пуст, только в дальнем конце участка работал неутомимый садовник.

Лиза не могла понять, что с ней происходит.

Это место, этот дом всегда казались ей воплощением безопасности. Здесь ей ничего не грозило - по крайней мере, до тех пор, пока она преданно и успешно служила хозяйке.

Но сегодня она никак не могла избавиться от какого-то смутного беспокойства. Даже здесь, в этом надежно охраняемом месте, она не чувствовала себя в безопасности.

Но медлить и показывать неуверенность нельзя.

Лиза поднялась на крыльцо, подошла к двери, взглянула в глазок камеры - и дверь послушно распахнулась перед ней.

Пройдя через холл, Лиза поднялась по лестнице на второй этаж, прошла по галерее и остановилась перед дверью.

Она не успела постучать, как из-за двери донесся хорошо знакомый ей музыкальный голос:

- Входи, Лиза! Я тебя жду!

Девушка вошла в комнату, остановилась на пороге.

Елена Юрьевна была занята своим любимым делом – она разглядывала в микроскоп очередную бабочку. И, как всегда, у ног ее лежала огромная черная собака.

Лиза почувствовала неожиданное раздражение – может случиться что угодно, мир перевернется, а эта железная леди не изменит своим привычкам, не оторвется от микроскопа, и даже ее медовые волосы будут, как всегда, идеально уложены, волосок к волоску!

Словно почувствовав ее раздражение, Елена Юрьевна подняла взгляд и оглядела Лизу с ног до головы.

– Что случилось?

Собака, почувствовав недовольство хозяйки, поднялась, но тут же узнала Лизу и снова легла успокоенная.

– Я звонила вам, – ответила Лиза, – тот человек сбежал.

– Это плохо, но я спрашиваю не об этом. Я вижу, что тебя что-то беспокоит.

«Как она это заметила? – подумала Лиза удивленно. – Я только что вошла, а она уже почувствовала мое беспокойство!»

– Так что же тебя беспокоит? – повторила Елена Юрьевна, пристально разглядывая свою помощницу. – За тобой не было хвоста?

– Конечно, нет! – фыркнула Лиза. – Вы знаете, что я заметила бы любую слезку.

– Знаю, – кивнула хозяйка, – тогда что же?

– Сама не знаю! – честно призналась Лиза.

– Скверно, – на всегда спокойное лицо Елены Юрьевны набежало облачко, – очень скверно, если ты чувствуешь беспокойство, но не знаешь его причины. Это значит, что ты столкнулась с кем-то, кто тебя переигрывает. – Тем же голосом, ничуть не меняя интонацию, Елена Юрьевна продолжила: – Не советую. Если вы сумели переиграть мою помощницу, это не значит, что вы сможете переиграть меня.

– Кому вы это... – начала Лиза, но тут она заметила человека, неподвижно стоявшего между окнами. Льющийся из окон яркий вечерний свет делал его почти невидимым.

В то же мгновение собака, до сих пор лежавшая у ног Елены Юрьевны, вскочила и бросилась к незнакомцу – но не добежала до него: мужчина резко выбросил вперед правую руку, в воздухе сверкнула серебряная стрела, вонзилась в черную шерсть – и собака упала в прыжке, застыла на полу без движения.

– Если вы убили мою собаку... – проговорила Елена Юрьевна многообещающим тоном.

Она по-прежнему сидела спиной к окну, спиной к незнакомцу, но каким-то непостижимым способом все видела.

– Не беспокойтесь, – наконец заговорил мужчина, – через полчаса ваша собака придет в себя и будет в полном порядке. Я не собираюсь причинять вам вред, я только хочу поговорить с вами.

– Причинить мне вред вы никак не сможете, даже если захотите, – ответила ему женщина.

Она была по-прежнему спокойна, но Лиза почувствовала в ее голосе непривычное напряжение.

Лиза поняла: теперь или никогда.

Она вскинула правую руку, из рукава ее куртки выпала в ладонь остrokонечная стальная звезда...

- Лиза! - сухо бросила хозяйка.

Лиза не успела понять, что это было - приказ, предупреждение, окрик.

Ее запястье словно опалило огнем, стальная звезда упала на пол, вонзившись в золотистые доски. Незнакомец спрятал какую-то плоскую коробочку.

- Лиза, - повторила Елена Юрьевна укоризненно, - никогда не начинай то, чего не сможешь закончить! Ты сама привезла сюда этого человека - значит, нам придется его выслушать.

- Я не могла его привезти... - проговорила Лиза, потирая запястье.

- Тем не менее привезла!

- Где же он прятался? - Лиза недоверчиво, исподлобья взглянула на мужчину.

- В багажнике, - ответил тот насмешливо.

- Но я проверила багажник! - вспыхнула Лиза.

- Значит, плохо проверила. Я там тем не менее был.

Лиза вспомнила, как подняла крышку багажника, как заглянула внутрь...

В темной емкости ничего не было, но она действительно не проверила багажник как следует, не подняла плед, которым было застелено его днище. Выходит, там-то и спрятался этот человек... но там было для него слишком мало места...

- Надеюсь, вы пришли сюда не для того, чтобы препираться с моей помощницей! - вмешалась в их разговор Елена Юрьевна, повернувшись наконец к своему незваному гостю.

- Да, конечно, извините.

- Тогда для чего?

- Для того, чтобы предложить вам свои услуги.

- Почему вы думаете, что меня заинтересует ваше предложение?

- Вы же нанимали Полковника.

- Полковник не справился с заданием.

- Полковник нанял меня. А я как раз с заданием справился. Камень, который вас интересовал, был у меня. И если бы Полковник не стал хитрить и жадничать, камень давно уже был бы у вас. Так что вам есть прямой смысл работать со мной напрямую.

- Может быть, вы и правы... - проговорила Елена Юрьевна задумчиво. - Но вы, наверное,

слышали о моих правилах?

- Кое-что слышал.

- Вы знаете, что я плачу хорошо, но не прощаю неудач?

- Да, я об этом знаю.

- И вас это устраивает?

- Вполне.

- И вы ведь не станете обманывать меня и подсовывать фальшивку? – спокойно спросила Елена Юрьевна.

Голос ее был по-прежнему музыкален. Но Лиза-то знала, чего стоит эта кажущаяся мягкость. Она постаралась, чтобы лицо никак не выразило ее чувств.

- Что вы, с вами я никогда бы не осмелился проделать такой фокус, – их гость склонился перед хозяйкой в почтительном поклоне, – я жду ваших приказаний.

- Итак, есть еще один камень, который в свое время приобрел некий господин Канарский. Это удивительной красоты и чистоты желтый топаз.

- Канарский – тот, которого убили?

- Да-да. Камень нужно забрать у его вдовы. Подчеркиваю, не выкупить, а просто забрать. Она не сможет возражать, у нее, судя по всему, рыльце в пушку. Подчеркиваю только, что сделать это надо быстро, поскольку вдовой может заинтересоваться полиция.

- А что с женщиной сделать потом?

- Оставьте ее, она не сможет нам навредить.

- Ну, и сколько ее еще можно ждать? – Сердитый мужчина лет сорока выразительно посмотрел на часы и пнул колесо своего «Фольксвагена», – Договаривались же – к часу вернуться!

Машина стояла на обочине шоссе, в десятке метров от нее рос густой кустарник, дальше начинался мрачный еловый лес.

- Так я и знал, что мы попадем в самые пробки! – проговорил он, доставая из кармана пачку сигарет. – Просто не сомневался! А все твоя драгоценная мамаша...

- Ты мою мать не тронь! – огрызнулась его жена. – Ты знаешь, как она любит собирать грибы!

- Вот и ходила бы с ней! – Муж закурил, снова взглянул на часы. – Ну, сколько можно ее ждать!

- Ну ты же знаешь, Боренька, что она любит ходить по лесу одна... она не терпит, когда за ней кто-нибудь ходит... говорит, что мы только путаемся у нее под ногами...

- Ну, вот и доходилась... где ее теперь искать?

- Ау-у! – крикнула жена, сложив руки рупором и повернувшись к лесу. – Ау-у! Ма-ма-а!

Лес безмолвствовал.

- Боренька, может, ты сходишь, поищешь ее? - Женщина взглянула на мужа, кокетливо склонив голову к плечу.

- И где, интересно, я должен ее искать? Откуда я знаю, куда ее черти понесли?

- Боря, выбирай слова! Ты говоришь о моей матери!

- Вот именно!

- Ну, пойди, поищи! Все же она пожилой человек!

- Да она всем нам сто очков вперед даст!

- Как ты можешь так говорить!

Вдруг кусты раздвинулись, и на обочину выбежала растрепанная пожилая женщина с выпученными глазами.

- Ну вот, наконец-то! - проворчал мужчина и тут увидел, что теща бежит в одном резиновом сапоге и разодранной куртке.

- Мама, мамочка, что с тобой? - Женщина бросилась навстречу матери. Та тяжело дышала и размахивала руками, пытаясь что-то сказать.

- Что случилось? - допытывалась дочь.

- Там... там... там... - бормотала пожилая женщина, показывая руками на лес.

- За тобой что - кто-то гонится? - спросила дочь, испуганно взглянув на кусты. Зять на всякий случай потянулся к багажнику, где у него лежала монтировка.

- Нет... - выдохнула пожилая женщина. - Нет... никто не гонится... но там...

- Что - медведь? - высказала дочь догадку.

Мать замотала головой.

- Кабаны?

- Нет... Там машина... и в ней человек...

- Какая машина? Какой человек? - недоверчиво протянул зять.

- Мертвый! - выпалила теща, округлив глаза. - Страшный, черный, как в фильме ужасов!

- Анна Степановна, вам, наверное, показалось.

- Показалось? - возмущенно воскликнула теща. - Людмила, твой муж считает, что я выжила из ума!

- Мама, мама, не надо... - привычно заботилась дочь. - Ну почему вы с Борей все время ссоритесь!

- Ты знаешь, я умею ладить с людьми, но твой муж постоянно делает из меня идиотку!

- Да тут и делать ничего не нужно... - вполголоса пробормотал муж.

Теща, однако, все расслышала.

- Ты слышала, Людмила, что он сказал? Ты слышала, что сказал этот человек? Твою мать оскорбляют, а ты молчишь!

- Ну, все, - мужчина шагнул к своей машине. - Хватит. Мне этот концерт по заявкам уже надоел. Пора ехать, если мы хотим добраться засветло...

- Я никуда не поеду! - грозно заявила теща. - Я вернусь туда! С вами! Я должна доказать этому человеку, что не выжила из ума! Должна показать ему...

- Лично я никуда не пойду! - заявил мужчина.

- Значит, пойдем мы с Людмилой! - отрезала теща.

- Но мама... Боря прав, нам нужно ехать... на шоссе будут пробки, и вообще...

- Ты, конечно, можешь уехать, - иезуитским тоном ответила мать, - но я пойду туда, даже если ты не пойдешь. Я должна что-то сделать. Нельзя же так оставить этого человека...

- Но ты сказала, что он уже умер! Ему ничем уже не поможешь! Мама, ты же сама сказала...

- Это неважно! Я все равно пойду!

- В одном сапоге? - язвительно проговорил зять.

- Хоть бы и в одном! А вы можете ехать домой! Я всегда знала, что вы черствые, равнодушные люди!

- Боря, - Людмила повернулась к мужу и заговорила вполголоса, - придется идти. Ты же знаешь, если мама что-то вбила себе в голову, ей легче уступить...

- О господи! - Мужчина схватился за голову.

Через несколько минут все трое брели через густой подлесок.

Теща была в запасных сапогах, она была полна энергии и довольна: все делалось по ее желанию. Она была у руля, она руководила.

Зять брел в хвосте, вполголоса чертыхаясь.

- Боренька, ну потерпи! - шептала Людмила мужу. - Ну, ты же ее знаешь!

- Еще как знаю! - огрызнулся тот. - Далеко еще?

- Совсем близко! - заверила его теща.

Она раздвинула кусты и отступила в сторону.

Перед ними был овраг с крутым склоном, поросшим черничником и вереском. Склон бороздила автомобильная колея. В самом низу оврага стояла накренившаяся, сильно

обгоревшая машина.

- Ну вот, а твой муж говорил, что мне показалось! - торжествующим голосом заявила теща.

- «Ауди», дорогая модель! - с невольным уважением проговорил Борис и сбежал на дно оврага. Женщины поспешили за ним.

- Ой! - вскрикнула Людмила, заглянув в машину, и судорожно вцепилась в руку мужа. - Ой, Боренька, страшный какой! Правда, как в фильме ужасов!

За рулем обгоревшей машины сидел обугленный труп. Черными провалами пустых глазниц он смотрел на людей и нагло ухмылялся обгоревшим ртом.

- Я же говорила! - повторила довольная теща.

- Говорила, говорила! - с плохо скрытой злостью отозвался Борис. - Теперь полицию вызывать придется, ждать их... точно, до ночи домой не вернемся!

Через час полицейская машина остановилась на шоссе, из нее выбрался унылый мужчина лет пятидесяти, за ним - молодой лопухий парень в форме сержанта полиции.

- Это вы сгоревшую машину нашли? - проговорил пожилой полицейский, подходя к Борису.

- Это я, я нашла! - выскочила ему навстречу теща. - Я грибы искала и вдруг смотрю - машина... а в ней - он! Труп! И такой страшный... просто кошмар! А потом уж я их привела... они еще не верили, думали, что мне привиделось...

- Мама, не нужно говорить лишнего! - одернула ее Людмила.

- Я никогда не говорю лишнего!

- Ладно, показывайте ваш труп! - И вся компания отправилась в лес.

- Странно... - пожилой полицейский вылез из обгоревшей машины и почесал в затылке, - как вообще эта машина здесь оказалась? Зачем этот человек заехал в лес?

- Может, грибы искал? - подала реплику теща.

- Мама, тебя не спрашивают! - одернула ее дочь.

- Может, в темноте с дороги сбился? - предположил сержант.

- Может быть, хотя и маловероятно. Ну ладно, скоро приедут эксперты из области, они разберутся. А пока возьми вот это, пригодится для опознания трупа, - полицейский протянул сержанту найденные на трупе поврежденные огнем золотые часы и обгоревший мобильный телефон.

- А нам можно уже ехать? - тоскливым голосом поинтересовался Борис.

- Можно, - смилостивился пожилой полицейский, - но оставьте сержанту свои координаты, возможно, нам понадобится уточнить ваши показания...

- Капитан Перченко, полиция Центрального района! – бодро проговорил Перченко, поднеся к уху трубку.

- Капитан Сойкин, полиция Пригородного района! – ответил ему хрипловатый, слегка простуженный голос немолодого, утратившего иллюзии человека.

- Чем могу быть полезен?

- Ничего, капитан, если я на «ты»? Мы вроде коллеги и в одних чинах...

- Не возражаю! – согласился покладистый Перченко. – Так чем могу помочь?

- Это ведь ты расследуешь убийство Эдуарда Канарского?

- Ну, допустим, я... – ответил Перченко с осторожным интересом. – А в чем дело?

- А в том, капитан, что мы тут вроде тем же делом занимаемся.

- Это в каком же смысле?

- А вот в каком. У нас тут в лесу, на Карельском перешейке, неподалеку от Северного шоссе, обгоревшая машина обнаружилась. А в ней сильно обгоревший труп. Такой обгоревший, что опознанию не подлежит. Однако на трупе нашли дорогие именные часы и мобильный телефон. Правда, телефон тоже сильно обгорел, но ребята из технического отдела над ним поколдовали, и...

- И что? – переспросил Перченко, на этот раз не скрывая горячего интереса.

Его собеседник, однако, явно тяготел к драматическим эффектам. Выдержав театральную паузу, он продолжил:

- Во-первых, проверили мы по базе данных машину и выяснили, что она принадлежит фирме «Орион», владелец и генеральный директор которой – Эдуард Канарский...

- Бывший, – поправил собеседника Перченко.

- Что?

- Бывший, говорю! Фирма «Орион» обанкротилась и продана за долги, так что она уже не принадлежит Канарскому.

- Вот как! Не знал. Но я продолжаю. Проверили мы и часы. Часы дорогие, швейцарские, номерные. Выяснили мы, кто эти часы купил, и как ты думаешь, капитан, кто?

- Ну, уж я не знаю... мы что, в викторину «Кто, где и кого» играем? Говори уж!

- Тот же Эдуард Канарский!

- Не может быть...

- Дальше. Как я сказал, ребята из техотдела поработали с мобильным телефоном. Телефон сильно обгорел, информацию на нем восстановить не удалось, но зато удалось узнать, кто владелец этого телефона и на кого он был зарегистрирован...

- Неужели...

- Вот именно! На того же Канарского! Так что мы вполне законно предположили, что найденный труп принадлежит Эдуарду Канарскому. Ну, понятное дело, я поднял все материалы об этом Канарском, чтобы установить его адрес, найти родственников – ну, ты сам понимаешь, – и тут я вдруг узнаю, что этот самый Канарский убит у себя дома и ты занимаешься расследованием его убийства...

- Ничего себе... – протянул Перченоч.

- Чтобы не сказать чего-нибудь похуже!

- Это что же получается – два Канарских? И оба убиты?

- Получается, два. Но вы своего Канарского опознали? У вас нет сомнений, что это он?

- Опознали. Все как положено. Жена опознавала.

- Так что, похоже, что у вас – настоящий. Но тогда кто же у нас?

- Вот уж чего не знаю...

На какое-то время на обоих концах провода наступила напряженная тишина.

- Вот что я думаю, капитан, – проговорил наконец областной коллега, – надо нам встретиться и наши дела объединить. Потому что явно они как-то между собой связаны.

- Да, выходит, придется... – согласился Перченоч, – и вот еще что. Хорошо бы, чтобы ваш труп посмотрела наш судмедэксперт Варвара Михайловна Голубец. Чтобы сравнила его с нашим трупом, и вообще... она женщина опытная, может, что-нибудь посоветует...

- Не возражаю. Тем более про Варвару Михайловну я много хорошего слышал. И даже как-то с ней встречался. Она как – до сих пор «Беломор» курит?

- До сих пор. Привычек, говорит, не меняю, возраст уже не тот.

Капитан Перченоч вошел в хорошо знакомый подвал и невольно поежился. Холод прозекторской проникал до самых костей. Как Варвара Михайловна здесь работает?

Варвара Михайловна стояла возле металлического стола, зажав в зубах неизменную папиросу, и разглядывала что-то черное. Рядом с ней была прежняя тщедушная практикантка. Перченоч заметил, что, несмотря на малый рост и худобу, девчонка тоже была чем-то неуловимо похожа на ту самую кариатиду. Видимо, была в ней те же твердость духа и непреклонность. Вот интересно, очевидно, так выглядят кариатиды в юности.

Капитан Перченоч тут же призвал себя к порядку. Над ним убийство Канарского висит как дамоклов меч, да еще этот новый труп непонятно откуда взялся, а тут такая ерунда в голову лезет!

- Что это такое? – строго спрашивала Варвара Михайловна у практикантки, потрясая черным предметом.

Практикантка растерянно молчала.

- Ну вот, на элементарный вопрос не можешь ответить! - вздохнула Варвара Михайловна. - А ведь ты хочешь стать настоящим патологоанатомом! Это же поджелудочная железа!

- А почему она такая черная?

- Потому что обгорела, как и весь труп! Ты что - первый раз видишь обгоревший труп?

- Первый, - честно ответила практикантка, не сводя с Варвары преданного взгляда.

Тут Варвара Михайловна заметила стоящего в дверях Перченка и повернулась к нему:

- Это ты, Петя? Чем обязана?

- Ну как, Варвара Михайловна, осмотрели тот обгоревший труп, который привезли из области?

- Ну, предварительно, конечно, осмотрела. Вот мы с Лялей его осмотрели.

- И какие можете сделать выводы?

- Как ты, Петя, всегда торопишься! - поморщилась Варвара. - Я же сказала - предварительно!

- Ну, Варвара Михайловна, поделитесь со мной хотя бы предварительными выводами! - Капитан Перченка сложил руки в умоляющем жесте.

- Ох, трудно с тобой! - вздохнула Варвара Михайловна. - Как можно так спешить? Надо все делать основательно, серьезно... Сердце - орган сложный, если поспешишь, можно ошибиться...

- Сердце? - переспросил Перченка. - А при чем здесь сердце?

- Как при чем? Ты ведь спрашиваешь о том обгоревшем трупе? Так у него причина смерти - обширный инфаркт...

- Инфаркт? А разве не ожоги и не тяжкие телесные повреждения при аварии?

- Да нет, к моменту аварии он был уже мертв. Не менее суток мертв. А может, и больше - ты же просил у меня предварительное заключение, так что о большей точности говорить не приходится...

- Вот оно как! - Капитан присвистнул. - Не менее суток!

- Не свисти, Петя, денег не будет! Хотя, впрочем, их все равно нет...

- Как же он умудрился в этот овраг заехать, если он уже сутки был мертвый?

- А этот вопрос, Петя, уже не в моей компетенции. Я могу насчет причины смерти и другое в том же духе, а как и что там происходило - это тебе разбираться...

- Ладно, с этим мы со временем разберемся, а вы мне вот что скажите. Эти два трупа, которые сейчас у вас в работе, - есть между ними что-то общее?

- Да что между ними может быть общего? - задумчиво проговорила Варвара Михайловна. - Только то, что оба, несомненно, мертвые. А так... причина смерти разная, состояние тканей разное, время смерти тоже разное... ну, еще у них одинаковый рост, примерно одинаковый вес

и телосложение...

- Одинаковый рост, вес и телосложение... - протянул Перченоч. - А вот это интересно...

- Рада за тебя, если это тебе интересно! - Варвара Михайловна усмехнулась и закурила новую папиросу. - Еще какие-то вопросы есть? А то нам с Лялей работать нужно.

Перченоч поблагодарил Варвару Михайловну за помощь и уже направился к дверям, но на пороге остановился.

- Вот еще какой вопрос... вы сказали, что время смерти у этих двух покойников разное. А который из них умер раньше?

- Тот, что в машине обгорел, - не задумываясь, ответила Варвара Михайловна. - Он умер, по крайней мере, на сутки раньше второго.

- Тот, который обгорел, - раньше? - удивленно переспросил Перченоч. - Вы уверены?

- Петя, ты меня удивляешь! - поморщилась Варвара Михайловна. - Я когда-нибудь говорила то, в чем не была уверена?

- Вообще-то нет.

- Ну, так и незачем переспрашивать!

- Извините, Варвара Михайловна, - смутился капитан, - я понимаю, что вы зря не скажете, просто я думал...

- Ты думал, - перебила его женщина, - ты думал, Петя, а я точно знаю! Патологоанатомия - это точная наука, такая же точная, как математика или физика!

- Спасибо! - повторил капитан и наконец вышел из сырого холода прозекторской.

То есть только собирался выйти, мечтал об этом. Но не вышло, потому что Варвара Михайловна схватила его за рукав.

- Чуть не забыла! Пойдем-ка...

- Ну что еще... - невольно поворчал капитан, топя вслед за судмедэкспертом.

- Вот, хорошо, что ты не ушел, - говорила Варвара Михайловна на ходу, - помнишь того покойника, ну, который в камере умер?

- Как не помнить, - вздохнул Перченоч, - следователь Уткин дело закрыл, а там ведь еще неясностей столько...

- Вот и я о том же. В общем, вроде бы все там нормально было, а что-то мне беспокойно, - призналась Варвара Михайловна, - и вот, сделала я такую вещь. Есть у меня один человек...

Капитан Перченоч вскинула глаза в полном удивлении - в голосе Варвары Михайловны послышались ему совершенно не свойственные ей нежные нотки.

- Большой человек, мы давно с ним знакомы. И есть у него в организации лаборатория... Не спрашивай меня, что за контора, все равно не скажу, - прервала саму себя Варвара

Михайловна, хотя капитан и не думал спрашивать. – Так вот, отправила я ему кровь того трупа, Лапникова... У них возможностей больше, если уж в той лаборатории не выяснят, то больше не к кому и обратиться.

- И что? – Капитан шагнул ближе. – Что они выяснили?

- Тут такое дело... В общем, выяснили они, что был в кровь рекордный выброс адреналина, сердце у него и не выдержало. Ну, если бы человек вдруг сильно испугался. Ну, к примеру, идет человек по лесу – и вдруг встречает медведя. Бывалые люди орать начинают, шуметь, так медведь и сам убежит. А кто-то от страха может и помереть. Как раньше говорили – разрыв сердца.

- Но Лапников-то умер во сне, ночью, при чем тут медведь...

- Вот именно. Есть такое вещество, изобрели его где-то в Гонконге. Состав его еще не изучен. Если в малых дозах, то действует этот препарат как допинг. Причем он замедленного действия. То есть принять можно раньше, не перед самыми соревнованиями. А если в большой концентрации, то вызывает он огромный выброс адреналина, и сердце останавливается. Вот так вот мне объяснили. Но, конечно, как доказательство привести этот анализ я не могу...

- Это все или еще что-то есть? – спросил Перченоч, помолчав.

- Есть. Значит, Ляля тут обследовала труп Лапникова очень тщательно на предмет следов укулов.

- И что? – Перченоч повернулся к Ляле, появившейся рядом.

- Следов укула не нашла, – сказала она, – но в одной из царапин обнаружила вот что... – она подтолкнула его к столу, где лежало что-то, прикрытое стеклышком.

- Лупу возьми! – посоветовала Варвара Михайловна.

И под увеличительным стеклом Перченоч увидел небольшую темно-красную крупинку.

- Что это? – Он поднял глаза на Лялю.

- Акрил, – сказала она, – крошечный кусочек накладного ногтя.

- Ну... – заметил капитан Перченоч, – охранник его отлупил в камере, но у него-то уж точно не было накладных ногтей.

После чего он окончательно покинул прозекторскую и тут же отправился в кафетерий на втором этаже и выпил там одну за другой три чашки горячего невкусного кофе, но еще долго не мог согреться.

Параллельно кофе капитан думал. А потом поехал в тюрьму. И там долго упрашивал охранника вспомнить, какова из себя была адвокатша, что приходила к подследственному Лапникову. И тот напряг память и вспомнил, что девица была молодая, одета хорошо и дорого, прическа там, духи и все такое. И маникюр вот такой... ногти длинные, темно-красные.

Из тюрьмы капитан Перченоч вышел мрачнее тучи. По всему выходило, что с этим материалом нужно идти по начальству. Он заранее знал, что ему это начальство скажет. И как посмотрит. И вспомнит при случае. Но что-то надо было делать, и капитан решил наведаться еще раз в

дом, где проживал покойный Канарский.

Так что Перченочек прямым ходом отправился на место убийства Эдуарда Канарского – в элитный дом на Конюшенной улице. Капитан взглянул на украшавших дом кариатид и подмигнул одной из них, как старой знакомой, – той, которая была похожа на судмедэксперта Варвару Михайловну Голубец.

Проникнуть в дом ему и сегодня удалось без труда – из подъезда как раз выходила молодая женщина с коляской, капитан вежливо придержал для нее дверь и вошел в подъезд.

Тут он напрямиком направился к кабинке охранника.

Охранник был знакомый, тот же, с которым капитан общался прошлый раз. И точно так же, как прошлый раз, он был погружен в разгадывание кроссворда.

– Спим на посту?! – гаркнул капитан, подойдя к кабинке.

Охранник вздрогнул, поднял глаза – но узнал капитана и успокоился.

– А, это ты, капитан... – протянул он миролюбиво. – Ты чего подкрался? Так ведь инфаркт заработать можно! Лучше скажи, что это такое – то, без чего нельзя есть? Шесть букв... я попробовал кетчуп – не подошло, майонез – вообще семь букв...

– Работа!

– Как – работа? – удивленно переспросил охранник. – Почему работа?

– Потому что кто не работает, тот не ест!

– А, в этом смысле... а смотри-ка, подошло! А ты вообще по какому вопросу пришел?

– По тому же самому! Мне нужно снова просмотреть записи с твоих камер за тот день, когда Канарского убили.

– Ты же уже смотрел!

– Значит, еще раз посмотрю. Только теперь не с одиннадцати часов, а с самого раннего утра.

– Ну ладно... – охранник нехотя отложил кроссворд, поднялся и достал из шкафчика нужные диски. Перченочек устроился перед монитором и принялся внимательно просматривать записи.

Перед ним проходили жильцы элитного дома, отправляясь по своим делам. Гораздо меньше людей входило в дом – слишком раннее время. Капитан разглядывал незнакомые лица в надежде увидеть среди них Виталия Лапникова. В углу экрана мелькали цифры, отмечая время записи.

Вдруг около девяти часов в лифте появился Эдуард Канарский. Он куда-то спешил, выходя из лифта, взглянул на часы и прибавил шагу.

– Вот как... – протянул капитан и записал время на экране в свой блокнот. – Значит, Канарский в тот день куда-то выходил... это интересно... а когда же он вернулся?

Перченочек продолжил просматривать запись – и снова увидел Канарского, который вернулся

примерно через полтора часа. Лицо у Канарского было задумчивое, челюсти мерно двигались, пережевывая жевательную резинку. В руке у него была какая-то яркая бумажка. Эдуард огляделся по сторонам и бросил эту бумажку в кадку с разлапистым комнатным растением.

«Надо же, – мимолетно подумал капитан, – все у них в этом доме есть, даже пальма в лифте. Хотя, может быть, это вовсе и не пальма, черт ее разберет».

- Вроде приличный человек, а бумажки бросает! – раздался за спиной у капитана неодобрительный голос охранника, который, оказывается, тоже смотрел на экран. – Не уважает чужой труд! Знает ведь, что чисто не там, где убирают, а там, где не мусорят!

- По-моему, эту фразу придумали ленивые дворники, – ответил капитан, – и вообще его же убили...

- Да, и правда... – охранник снова уткнулся в кроссворд.

Капитан досмотрел запись до конца.

Правда, Виталий Лапников так и не появился на этой записи, но капитан не считал, что зря потратил время.

Он выяснил, что Эдуард Канарский куда-то уходил в день своей смерти, где-то провел полтора часа, после чего вернулся домой... узнать бы – где он был?

- Ну что, узнал, что хотел? – осведомился охранник.

- Не совсем то, что хотел, но кое-что узнал! – туманно ответил капитан, поблагодарил охранника и направился к выходу.

Однако, прежде чем выйти из холла, он подошел к лифту и нажал кнопку вызова. Двери плавно открылись, и капитан вошел в ярко освещенную кабину.

Он уже бывал в этой кабине, но она снова поразила его своей роскошью. Бархатная банкетка, зеркала, разлапистое растение в кадке, которое начало желтеть от недостатка света...

Вот в эту-то кадку и заглянул капитан.

В день убийства Канарского эксперты внимательно осмотрели его квартиру в поисках возможных улик и вещественных доказательств, но никому не пришлось в голову обыскать кабину лифта.

Конечно, с тех пор прошло уже несколько дней, и маловероятно, что здесь еще что-то осталось...

И тут капитан увидел в кадке, между корнями несчастного растения, яркую бумажку. Точно такую, какую выбросил в день своей смерти Эдуард Канарский.

Да, выходит, в этом элитном доме не так уж тщательно следят за чистотой...

Капитан Перченоч достал из кармана носовой платок, обернул им руку, чтобы не оставлять своих отпечатков, достал бумажку и осторожно развернул ее.

Это была упаковка от жевательной резинки.

Ну да, поднимаясь в лифте, Канарский жевал резинку, а бумажку от нее выкинул в кадку.

Конечно, это говорит о его неаккуратности, о плохом воспитании – но воспитывать Эдуарда Канарского уже поздно. Сейчас бы с его смертью разобраться.

Судя по упаковке, жевательная резинка была не совсем обычная, не из тех, что продаются на каждом углу. Упаковка была фирменная, рекламная, с логотипом сети японских ресторанов «Семь самураев», которых довольно много в нашем городе.

«Ага! – подумал Перченоч. – Значит, Канарский выходил из дома, чтобы поесть в японском ресторане...»

У него в голове мелькнула какая-то важная мысль, но в это время дверцы кабинки закрылись, и капитан потерял свою мысль, он нажал кнопку и вышел из лифта.

Выйдя из подъезда, капитан направился было к своей машине, но тут он увидел напротив, в паре кварталов от дома покойного Канарского, яркую вывеску японского ресторана.

«Семь самураев».

Скорее всего, именно здесь был Эдуард Канарский в день своей смерти, потому что он отсутствовал всего полтора часа и вряд ли успел съездить куда-то далеко да еще посидеть в ресторане.

И вообще, зачем куда-то ехать, если ресторан той же сети находится в двух шагах от дома?

Придя к такому выводу, капитан направился в ресторан.

Ресторан был оформлен в японском стиле, с низкими столами, раздвижными перегородками и восточными гравюрами на стенах. Кроме гравюр, на стенах висели японские мечи-катаны и фотографии кадров из культового фильма, давшего ресторану название.

Едва Перченоч занял свободный столик, к нему подошел официант в черном кимоно, с собранными в хвост темными волосами. Учтиво поклонившись, как подобает настоящему самураю, он спросил:

- Вы один, сэнсэй, или кого-то ждете?

- Сэнсэй не один, – ответил в тон ему капитан, – Сэнсэй вдвоем со своим удостоверением, – и он продемонстрировал официанту свою служебную книжечку.

Официант тут же оставил свои японские замашки и разочарованно проговорил:

- Так вы из полиции... это что – по поводу белорусских креветок? Тогда я позову Левона Абгаровича...

- Нет, я совсем по другому поводу. Вы не видели здесь вот этого человека? – Капитан показал официанту фотографию покойного Эдуарда Канарского. Фотография была сделана при жизни, и Эдуард выглядел на ней очень жизнерадостным.

- Как же, видел, и очень часто! Этот господин живет совсем рядом и часто к нам заходит. Хорошие чаевые дает. Правда, последние дни его что-то не было...

- Неудивительно, несколько дней назад его убили.

- Убили?! - Официант попятился и побледнел, однако быстро взял себя в руки, вспомнив, что такое проявление чувств не подобает настоящему самураю, и проговорил:

- Извините, это так неожиданно...

- Разумеется. Он этого тоже не ожидал. Так вот, что я хотел у вас спросить. Этот человек... его звали Эдуард Канарский... он был в вашем ресторане во вторник?

- Был, - кивнул официант, не раздумывая. - Он встречался здесь со своей знакомой. Я их обслуживал. Заказывали суши - острый ролл с угрем, острый ролл с лососем, «Филадельфия»...

- С женщиной, говоришь, встречался? - оживился капитан. - А как она выглядела, эта женщина? Ты ее знаешь? - И вдруг он замер, как почуявшая след собака.

- Не знаю, раньше я их вместе не видел, - с сожалением сказал официант, - так, женщина как женщина, лет примерно сорока, может, немножко меньше, замотанная очень, видно, что времени мало, все на часы смотрела... одета вроде хорошо, но как-то неподходяще...

- Как ты сказал? - взволнованно перебил его капитан. - Повтори, пожалуйста!

- Одета хорошо, дорого, но...

- Нет, я не о том! Что они заказывали?

- Острый ролл с лососем, острый ролл с угрем, «Филадельфия», зеленый жасминовый чай, - отчеканил официант.

- Уверен? Ведь все же несколько дней прошло...

- А у меня память очень хорошая, - похвастался официант, - потом утро было, мы еще только открылись, еще ничего не было готово, так что мне пришлось поторопить поваров...

- Значит, острый ролл с лососем, острый ролл с угрем и «Филадельфия»... - повторил капитан странным голосом.

Где-то совсем недавно он слышал точно такое же меню... вот только где?

- А почему это вас так удивляет? - протянул официант. - Это обычный заказ, такой набор очень часто заказывают... иногда даже на дом... у нас, кстати, есть доставка на дом...

- На дом! Точно! Вот оно! - просиял капитан.

- На дом? Вы хотите сделать заказ на дом? - удивленно переспросил официант.

- Да-да, спасибо, вы мне очень помогли! - невпопад ответил капитан, вскочил из-за стола и собрался бежать.

Перченоч вспомнил, где слышал точно такое же меню. Он вспомнил показания парня из фирмы «Такеша», который доставлял суши в квартиру Канарских в день убийства. Тот парень назвал точно такой же набор - острые роллы с лососем и угрем, ролл «Филадельфия».

Очень странно! Канарский только что поел и вряд ли успел проголодаться. Кроме того, если он только что ел именно эти блюда в ресторане «Семь самураев», зачем же ему снова заказывать точно то же самое?

Он что, не наелся и решил тут же добавить, а любит исключительно эти роллы?

Нет, как-то это странно! Более чем странно.

Не может это быть простым совпадением! Ох, не миновать ему встречи со следователем Уткиным! Темное дело, темное и мутное. Значит, покойный Канарский ел суши утром. А не в двенадцать часов. Завтракал с утра пораньше рыбкой. Некоторые люди кофе пьют с булочкой или там яичницу, а Канарский суши трескал. Хорошо бы еще эту женщину найти как свидетеля.

- Про женщину ничего сказать не можешь? - спросил он, снова повернувшись к официанту. - О чем они говорили, не слышал?

- Не слышал, но, судя по всему, деловой был разговор. Серьезно так толковали, тихонько... И торопились, говорил я, все на часы она смотрела. Видно, что серьезная женщина, работающая. Когда в СПА торопятся, так на часы не глядят.

- Приметы у нее есть какие-нибудь?

- О, вот вспомнил. У нее глаза разные.

- Да ну?

- Ага! Один - голубой, а другой - карий, я еще удивился, странно как-то... и в глаза сразу бросается.

И снова капитан Перченоч стоял перед следователем Уткиным. Тот смотрел на него, сердито насупив брови. Но, поскольку смотрел он снизу вверх, выглядело это не слишком пугающе. К тому же Перченоч заручился уже поддержкой своего непосредственного начальства, поэтому ощущал себя более уверенным, чего нельзя было сказать о следователе.

- Что ж ты, Петр, - сказал Уткин с тяжелым вздохом, - что ж ты меня подводишь?!

«О как! - подумал Перченоч. - Это, оказывается, я во всем виноват! Твердил же ему, что нечисто что-то с виной Лапникова, а этому... - капитан в сердцах употребил непечатное слово, - все как об стенку горох!»

Он вспомнил, как битый час распинался тут в кабинете про ресторан «Семь самураев» и про то, что ел покойный Канарский то же самое, что и заказывал на дом.

- Ну и что такого? - возражал следователь. - Может, он снова проголодался. Я вот, честно тебе скажу, рыбу эту терпеть не могу. Даже на рыбалку не езжу. А есть некоторые, которые от этого дела тащатся...

- Уж больно все совпадает, - угрюмо говорил капитан, - это значит, что у Алисы Канарской нет алиби. У нее алиби-то построено было на этих несчастных суши. Дескать, они ели их в двенадцать, из этого эксперт сделал однозначный вывод, что убили Канарского через час или полтора. И Алиса как раз была в это время в салоне красоты. А если суши он ел в десять утра, то все сдвигается на два часа. Это значит, что убили Канарского, допустим, в одиннадцать, а на это время у Алисы алиби нет! Владимир Егорыч, нужно ее брать!

- Так уж сразу и брать? С чего это?

- Так это же она все устроила!

- Да ты откуда знаешь? - прищурился Уткин.

- Оттуда! - разозлился Перченоч. - Этот парень, что суши домой доставлял, Канарского ведь не видел. Слышал из ванной шум, да Алиса туда стучала - милый, суши принесли! Вот и все. Парень этот еще говорил, что Алиса с ним приветливо так говорила, чаевые хорошие дала. Чтобы он ее запомнил! А подруга ее рассказывала, что она с персоналом никогда не трепалась - муж ревнивый был очень, мог и накостылять. А тут она вдруг кокетничать стала с этим мальчишкой!

- Ой, ты подругу мне в пример не приводи! Подружка заклятая что хочешь наговорит! - отмахнулся следователь. - Были у меня случаи.

Перченоч хотел сказать, что Агния не такая, врать не станет, но решил промолчать.

- Однако эта Алиса спокойно все подстроить могла, - упрямо сказал он.

- И зачем ей это было нужно? - процедил Уткин.

- Чтобы алиби себе обеспечить! Потому что сама она мужа и убила!

- Э нет! - Следователь смотрел твердо. - Вот это ты не тронь! Доказано уже, что убийца - Виталий Лапников, убил он Канарского из ревности или там из-за денег, но улики неопровержимые, и я тебе перечислять их не намерен, сам все знаешь! - Следователь постучал ладонью по толстой папке. - Убил, а как мы его взяли, то он и спекся. И умер - от страха или от мук совести, это как тебе больше нравится.

- Мне никак не нравится, - буркнул капитан просто так, из упрямства.

- Уж это как хочешь. А вот ты мне скажи: выяснил насчет адвоката, не будет она бучу поднимать, что Лапников в камере помер?

- Нет такого адвоката, - злоратно ответил капитан, - то есть она есть, но Крохалева эта Лариса Викторовна несколько месяцев находится на Кипре, ребеночка там лелеет. И приезжать в ближайшее время не собирается. Другой кто-то по фальшивым документам Лапникова посещал.

С этими словами капитан торжествующе поглядел на следователя. Вот что ты теперь скажешь, ясно же, что в смерти Лапникова что-то нечисто.

- Так это же хорошо! - Уткин просветлел лицом. - Это же просто прекрасно, Петя! Это значит, что никто не собирается никуда жаловаться!

- Так что, и Алису Канарскую на допрос вызывать не будете? - скривился капитан.

- Буду! - сказал Уткин. - Обязательно буду! Давно хотел с ней познакомиться поближе. И ты не сомневайся, мне она все расскажет. Возможно, она своему хахалю помогала, так что пойдет как соучастница.

- И на том спасибо, - вздохнул капитан Перченоч.

Однако вскоре выяснилось, что Алиса не отвечает ни по одному телефону, а когда капитан Перченоч поехал к ней, дверь никто не открыл, и охранник сказал, сверившись с записями, что

вдова как ушла вчера вечером, так и не возвращалась.

Капитан Перченоч собирался уже идти домой, как вдруг у него на столе зазвонил телефон. Сняв трубку, он с удивлением узнал голос судмедэксперта Варвары Михайловны Голубец. Не тратя времени на приветствия, она проговорила:

- Петя, ты можешь сейчас ко мне спуститься?

Варвара Михайловна была, несомненно, взволнована. Судя по ее интонации, она обнаружила нечто очень важное, поэтому Перченоч, не раздумывая, ответил:

- Буду через пять минут!

В прозекторской было, как всегда, холодно, однако капитан даже не поморщился, видно, уже притерпелся. Варвара Михайловна встретила его возле двери. Несмотря на холод, на ее лице играл жизнерадостный румянец, и выражение его было таким, как будто она только что выиграла главный приз в лотерее. Капитан заметил, что это выражение увеличило сходство Варвары Михайловны с каменной кариатидой, поддерживающей балкон покойного Канарского.

- Ты ведь знаешь, Петя, я много лет работаю по своей специальности, - говорила она, ведя капитана к своему рабочему столу, - думала, что меня ничем уже нельзя удивить, но все же...

На столе лежал вскрытый обугленный труп. Тот самый труп, который случайно нашли в лесу, в сгоревшей машине. Возле стола стояла практикантка Ляля, как и Варвара Михайловна, она была преисполнена сознанием важности момента.

- Так что же вы такое нашли? - осведомился капитан, поскольку Варвара и Ляля только молча переглядывались.

- Скажи ты, - разрешила Варвара Михайловна, - ведь это ты нашла опухоль.

- Ну, я же не догадалась, что это такое... - скромно ответила практикантка.

- Еще бы ты догадалась! Такой случай встречается один раз на десять миллионов смертей! Я - и то такого никогда не видела!

- Да в чем же дело?

- Болезнь Гиппеля - Линдау! - торжественно сообщила Варвара Михайловна.

- Извините, Варвара Михайловна, но мне это ничего не говорит. Нельзя ли попроще?

- Да, разумеется, Петя, тебе это ничего не говорит! - снисходительно проговорила Варвара. - Об этой болезни не каждый медик слышал! Короче, у этого человека было очень редкое заболевание, малоизученное, скорее всего, генетического происхождения. Оно выражается в том, что у больного в самых разных местах организма появляется множество опухолей. Опухоли в принципе доброкачественные, но из-за их большого количества у человека возникают различные патологические процессы. Чаще всего начинаются проблемы со зрением, но возможны и осложнения со стороны сердечно-сосудистой системы. Так вот, у этого человека, - Варвара показала на обугленный труп, - у этого человека болезнь Гиппеля - Линдау привела к проблемам с сердцем и в конечном итоге к инфаркту.

- Это, конечно, очень интересно, - разочарованно протянул Перченоч. - Но чем это мне может

помочь?

- Как это - чем? - В голосе эксперта прозвучало удивление, граничащее с возмущением. - Если болезнь Гиппеля - Линдау, поразившую сердечно-сосудистую систему, своевременно не диагностировать и не лечить, больной проживет не больше пятнадцати-двадцати лет. Судя по тому, что этот человек дожил до вполне взрослого возраста, его лечили. И его действительно лечили - я провела дополнительный анализ и выявила в его тканях следы гидрометилэтилен... - Варвара запнулась на середине слова, - ну, в общем, вещества, которое применяется для замедления роста специфических опухолей.

- Варвара Михайловна, - взмолился Перченоч, - нельзя ли попроще? Я в этой вашей терминологии не разбираюсь!

- Да я и так очень просто... - протянула Варвара, - ну ладно, давай уж совсем на пальцах. Такой больной должен был проходить лечение в единственной больнице нашего города - в десятой клинической больнице на улице Фиолетова. Только там занимаются такими редкими опухолями. Так что поезжай в эту больницу, там ты в два счета установишь личность этого трупа!

- Варвара Михайловна, дорогая, просто не знаю, как вас благодарить! - С этими словами Перченоч вылетел из прозекторской.

На следующее утро он уже входил в приемный покой десятой клинической больницы. Здесь он обратился к дежурному врачу, предъявил свое служебное удостоверение и сообщил, что ищет пациента, страдающего болезнью Гиппеля - Линдау.

Врач посмотрел на него с интересом и ответил, что единственный больной с этой редчайшей болезнью, Евгений Николаевич Бекасов, действительно находился на лечении у них в больнице, но десять дней назад умер.

- И куда отправили его труп? - спросил капитан, стараясь не показать врачу свое волнение.

- Как - куда? - Тот пожал плечами. - Как обычно - в морг! Куда же еще поступают трупы?

- А потом? Выдали родственникам?

- Ну, это я не могу так сразу сказать. Если хотите, посмотрю в компьютерной базе данных...

- Я вас очень прошу!

Врач повернулся к компьютеру, постучал по клавиатуре и почти сразу сообщил, что труп больного Бекасова пока никем не востребован, а значит, должен находиться в морге.

- Я хотел бы взглянуть на этот труп.

- Нет проблем, - дежурный врач объяснил капитану, как найти больничный морг, и позвонил дежурному санитару, чтобы тот встретил капитана у входа.

Капитан спустился на лифте в подвальный этаж, где его встретил унылый долговязый санитар в очках с толстыми стеклами. На лацкане несвежего халата был бейдж с надписью:

«Свиристелов Роман Вячеславович. Старший санитар».

Они прошли по длинному полутемному коридору и вошли в прозекторскую.

Как и во владениях Варвары Михайловны, в больничном морге царил арктический холод. Но это помещение было гораздо больше Варвариного. По стенам длинной комнаты были расположены стеллажи с номерами и этикетками.

- Бекасов, значит? - уточнил санитар и сверился с амбарной книгой. - Бекасов у нас в секции Б-4...

Он подошел к одному из стеллажей, потянул за ручку и выдвинул полку, на которой лежал накрытый простыней труп. При этом из холодильной камеры дохнуло таким холодом, что у санитаря запотели очки.

- Вот ваш Бекасов, - сообщил санитар, сбросив с трупа простыню жестом циркового фокусника.

- Вряд ли это Бекасов, - усомнился капитан.

- Что значит - вряд ли? - возмущенно перебил его санитар. - У нас здесь полный порядок! Если написано, что Бекасов в секции Б-4, значит, он там и есть...

- Но все же это не Бекасов! - стоял на своем капитан. - Вы взгляните как следует!

Санитар снял запотевшие очки, протер их полкой халата и снова водрузил на нос.

Лицо его вытянулось.

На полке лежал труп худенькой старушки.

- Ой, и правда не Бекасов! - пробормотал санитар. - По-моему, это Авдотья Ивановна Полуэктова... она у нас второй месяц лежит невестребованная... но ведь она должна быть в секции П-3...

Он бросился к столу, снова раскрыл свою амбарную книгу и сверился с ней.

- Да, секция П-3... выходит, мы перепутали два трупа... не понимаю, как это получилось...

Санитар бросился к стеллажам и вытянул другую полку.

Эта полка была пуста.

Санитар стоял перед пустой полкой с растерянным лицом, удивленно моргал и повторял:

- Как же так? Что же это такое?

В отличие от санитаря Свиристелова капитан Перченоч ничуть не был удивлен отсутствию трупа. Он прекрасно знал, что этот труп находится сейчас в другом морге - в подземном царстве Варвары Михайловны Голубец. Его задачей было выяснить, как этот труп исчез из больницы и как попал в сгоревшую машину, принадлежавшую покойному Эдуарду Канарскому.

- Так-так! - проговорил капитан. - Очень интересно! Значит, труп Бекасова у вас пропал? Прямо как в фильме ужасов! И часто у вас трупы пропадают?

- Никогда такого не бывало... - бормотал санитар. - Честное слово, никогда...

Перченоч задумчиво разглядывал санитаря.

Внутренний голос подсказывал ему, что тот не врет, что он и правда ничего не знает о пропавшем трупе. Жуликоватый, конечно, мужик, прохиндей и выпивоха, но трупы на сторону не продает, за это статья полагается. А он зоны боится как огня, возможно, сидел уже...

- Вот что, Роман Вячеславович, - проговорил капитан, взглянув на бейдж. - Факт налицо: труп Бекасова пропал. Я пока не предъявляю вам никаких обвинений, но хочу знать: кто, кроме вас, имел доступ к этому трупу.

- Ну, сменщик мой, Скворцов... - начал санитар загибать пальцы, - Николай Степанович, патологоанатом, Маргарита Сергеевна, лечащий врач Бекасова...

- И где я их могу найти?

- Скворцов завтра с утра на смену заступит, Николай Степанович сейчас в отпуске, в Турции на пляже греется, а Маргарита Сергеевна должна быть у себя, в кардиологическом... это на четвертом этаже...

- Ладно, поговорю пока с ней, - решил капитан, - но имейте в виду, Свиристелов, никуда из города не уезжайте, вы мне можете еще понадобиться!

- Да куда же я уеду... - вздохнул санитар, окинув грустным взглядом холодное помещение и его безмолвных обитателей.

Капитан Перченок с явным облегчением покинул морг.

У него было такое ощущение, что в последние дни вся его жизнь протекает исключительно в покойницких, и это ощущение было не из приятных.

Немного отогревшись, он поднялся на четвертый этаж и вошел в отделение кардиологии.

- Куда? - спросил его рослый дядька лет пятидесяти в белом халате, который сидел за дверью отделения на высоком табурете и следил за входящими и выходящими.

- Сюда, - так же лаконично ответил капитан и показал свое удостоверение в раскрытом виде.

- К кому? - не сдался привратник.

- К Маргарите Сергеевне.

- Третья дверь справа.

- Спасибо, - и капитан направился в указанном направлении.

Он толкнул застекленную дверь и вошел в небольшой светлый кабинет.

За столом сидела женщина лет сорока, в красивых очках со стразами и в голубой медицинской униформе. Не поднимая глаз от каких-то бумаг, она проговорила:

- Я же просила вас, Васильков, прийти к половине пятого, а сейчас сколько?

- Я не Васильков, - ответил Перченок, - я из полиции... капитан Перченок. У меня к вам несколько вопросов по поводу больного Бекасова... то есть покойного Бекасова...

- Из полиции? - переспросила женщина и подняла взгляд на посетителя. - Но какие могут

быть вопросы? Бекасов умер от естественных причин, у него, правда, была редкая болезнь...

- Я знаю. Болезнь Гиппеля - Линдау.

- Вот видите, - женщина чуть заметно улыбнулась, - даже вы знаете... так какие могут быть вопросы?

- Вопрос у меня один: куда делся его труп?

- Что? - Женщина сняла очки, и капитан разглядел ее глаза.

Один глаз у нее был карий, другой - голубой.

- Вот как... - проговорил капитан Перченок.

Он вспомнил разговор с официантом в японском ресторане «Семь самураев», вспомнил, как тот описывал женщину, завтракавшую с Эдуардом Канарским в день его смерти.

- Вот как... - повторил он, пристально разглядывая свою собеседницу.

- Почему вы спрашиваете меня о трупе Бекасова? - проговорила женщина сухо. - Труп, как и положено, поступил в морг, так что задавайте там свои вопросы.

- Уже задал, - ответил капитан, - но вообще-то, Маргарита Сергеевна, я хочу поговорить с вами об Эдуарде Канарском.

- Что?! - Женщина охнула, побледнела и испуганно уставилась на капитана: - О ком?

- О Канарском, - повторил капитан, - да вы меня и первый раз хорошо расслышали.

- Не знаю такого, - проговорила Маргарита, и капитан заметил, как она покосилась на верхний ящик своего стола, - а кто это?

- Да уж будто не знаете! А разве не вы завтракали с ним на прошлой неделе в японском ресторане «Семь самураев»?

- Я вообще не люблю японскую кухню, - сквозь зубы процедила женщина, - и если вы уже задали свои вопросы - я вас не задерживаю. У меня очень мало времени, я вообще-то на работе... - она демонстративно взглянула на часы.

- Вопросы-то я задал, да вот ответов на них не получил! - Капитан Перченок шагнул к столу, перегнувшись над ним и неожиданно выдвинул верхний ящик.

Там, поверх каких-то документов, поверх медицинских бланков, лежала фотография в серебристой рамочке. Капитан ловким движением схватил рамочку и перевернул ее.

- Что вы себе позволяете?! - вскрикнула Маргарита и потянулась за фотографией. - Отдайте сейчас же!

- Отдам, - капитан взглянул на снимок, потом на женщину, - отдам, если вы мне все расскажете.

На фотографии была Маргарита Сергеевна - лет на десять моложе, чем сейчас, в летнем цветастом платье. Она радостно улыбалась в объектив, а рядом с ней, слегка обнимая ее за

плечи, стоял Эдуард Канарский.

Живой, молодой, улыбающийся.

- Расскажите мне все, Маргарита Сергеевна! - повторил капитан. - Вам же самой легче станет!

Маргарита уронила лицо на стол, и плечи ее затряслись.

Капитан Перченоч, как большинство мужчин, не выносил женских слез.

- Ну, Маргарита Сергеевна! - проговорил он уныло. - Ну, не надо... вы же взрослый человек...

- Взрослый, - ответила женщина зло, подняв лицо, и капитан увидел, что глаза у нее совершенно сухие. Сухие и измученные. Он понял, что Маргарита рыдала без слез. Так иногда, вспомнил он, бывает сухая гроза, совсем без дождя.

- Еще какой взрослый! - повторила Маргарита. - Скоро я буду старой, а нормальной жизни у меня не было... и теперь уже не будет!

- Ну что вы, какая уж старость... - бормотал капитан, мучительно подбирая слова. - Вы еще молодая... у вас еще все будет...

- Перестаньте, а? - взмолилась Маргарита. - Лучше перестаньте, а то я в вас чем-нибудь запущу!

Капитан уставился в потолок, скривившись, как от зубной боли.

Маргарита вдруг заговорила:

- Мы с ним познакомились летом, на даче. Наши дачи были по соседству. Эдику было восемь лет, а мне шесть. У него был велосипед. Почти взрослый. И он разрешил мне на нем прокатиться. Тогда я в него и влюбилась.

- В шесть лет? - удивленно переспросил капитан, но Маргарита его, к счастью, не услышала. Она слышала только себя и видела только свое прошлое.

- Мы приезжали туда каждое лето, и я весь год ждала этой встречи. Мы с ним ходили в соседний лес за черникой, купались в речке, ездили на велосипедах. С самого начала нашего знакомства я знала, что когда-нибудь мы поженимся. Когда я читала сказки про принцесс, я всегда представляла себя принцессой, а Эдика - принцем...

Маргарита тяжело вздохнула и горько усмехнулась:

- Только вот я не была принцессой из его сказки. Эдик воспринимал меня как друга, приятеля, товарища по играм... когда мы подросли, он рассказывал мне про своих девушек, советовался со мной... представляете, что я при этом чувствовала?

Капитан проворчал что-то неопределенное, но Маргарита его не слушала.

- Так это и тянулось годами... - Маргарита страдальчески поморщилась. - Я все еще на что-то надеялась, хотя с каждым годом, да что там - с каждым днем все яснее понимала, что надеяться мне не на что, что Эдуард видит во мне только друга...

А потом он уехал - надолго уехал, жил в Ницце и там женился на этой... на Алисе.

Маргарита как будто выплюнула ненавистное имя и ненадолго замолчала.

- После его свадьбы я решила: все, с меня хватит. Сколько можно мучить себя, сколько можно обманывать себя несбыточными, неосуществимыми мечтами?! Нужно наконец начать жить своей собственной жизнью! Я попыталась, - Маргарита криво усмехнулась, - начала встречаться с одним хирургом...

Она снова замолчала, и ее молчание повисло в комнате как тяжелое грозное облако.

- А потом Эдуард снова пришел ко мне. Он сказал, что у него все плохо, что Алиса - совсем не тот человек, который ему нужен, да к тому же у него начались большие неприятности. Какой-то влиятельный человек решил отнять у него бизнес. Эдуард хотел исчезнуть, хотел начать свою жизнь с чистого листа и даже достал новые документы. Но ему нужно было исчезнуть, исчезнуть так, чтобы никто не стал его искать.

Капитан молчал, боясь прервать исповедь Маргариты, боясь, что после неуместного вопроса или неудачной реплики она замкнется и замолчит, а снова разговорить ее ему вряд ли удастся.

И его тактика оправдалась.

Маргарита снова заговорила, как во сне:

- Я поняла, что снова нужна ему, что могу ему помочь. Конечно, я понимала, что он пришел ко мне от безысходности, оттого, что больше ему не к кому обратиться, - но это было неважно. Важно было, что он пришел. Моя жизнь снова обрела смысл.

Маргарита снова замолчала, но на этот раз капитан понял, что должен подтолкнуть ее в нужном направлении.

- Это вы предложили Эдуарду инсценировать его смерть?

- Да, - Маргарита быстро, с интересом взглянула на капитана, закусил губу и вдруг махнула рукой, - а, ладно, чего уж там... теперь уже все равно... Эдуарда нет, и все потеряло смысл. Когда вы догадались?

- Когда увидел два трупа - Канарского и Бекасова. То есть тогда я еще не знал, что это Бекасов. Я узнал только, что эти два человека были одного роста, примерно одинакового телосложения... тогда-то у меня и возникла эта догадка.

- Да-да, - кивнула Маргарита, - я придумала этот ход, когда умер Бекасов и я увидела его труп. Он был очень похож на Эдуарда... и я предложила Эдику такой выход. У Бекасова не было родственников, так что его труп оставался не востребованным. Это был знак судьбы. Бекасов умер так своевременно.

Эдику нужно было исчезнуть, и исчезнуть так, чтобы никто не стал его искать. А лучший способ бесследно исчезнуть - это умереть...

Тогда-то мы и решили инсценировать смерть Эдуарда, подложив вместо него труп Бекасова.

Мы выкрали его труп из морга, спрятали в багажнике машины Эдуарда. На следующий день мы встретились утром в японском ресторане, еще раз обсудили последние детали. Главное - Эдик передал мне свои часы и мобильный телефон. Часы я должна была надеть на руку мертвеца, а телефон положить ему в карман - чтобы в нем наверняка опознали Эдуарда.

Потом я взяла машину с трупом в багажнике, поехала за город, съехала с шоссе, усадила мертвого Бекасова за руль, столкнула машину в овраг и подожгла ее.

- Вам, наверное, нелегко было сделать это в одиночку! - посочувствовал ей капитан.

Маргарита взглянула на него невидящим взглядом:

- Я готова была сделать что угодно, лишь бы помочь Эдуарду. Я стояла в стороне, пока машина не догорела, а потом подошла, чтобы убедиться, что труп неузнаваем. Потом вышла на шоссе и вернулась в город на рейсовом автобусе с грибниками. Вот так вот... - Маргарита закрыла лицо руками и продолжила мертвым голосом: - Эдуард должен был на несколько дней скрыться, а потом под чужим именем вылететь за границу. Мы не должны были с ним связываться в это время, чтобы не провалить все дело. Я даже не могла сообщить ему, что все удачно проделала с трупом Бекасова и машиной. Я должна была просто ждать. Потом, через какое-то время, я намеревалась тоже уехать за границу, встретиться там с Эдуардом... я верила, что мы наконец-то будем вместе, что для меня начнется настоящая жизнь.

Но тут я узнала из телевизионных новостей о его смерти... о его настоящей смерти.

Я не могла понять, что произошло.

Как наш спектакль, наша инсценировка вышла из-под контроля и фальшивая смерть превратилась в настоящую? Я этого и до сих пор не понимаю... во всяком случае... - Маргарита хотела еще что-то сказать, но замолчала, замолчала тяжело и угрюмо.

Потом она вытянула вперед руки и сухо проговорила:

- Можете арестовать меня, я вам во всем признаюсь и не отступлю от своих слов...

- Да что вы, - поморщился Перченоч, - не собираюсь я вас арестовывать. Конечно, вы тут много глупостей наворожали, но пусть это все останется на вашей совести. Состав преступления я здесь не вижу. Разве что кража трупа из морга... но я такими делами не занимаюсь, это не мой профиль.

- Думаете, вы меня очень обрадовали? - горько усмехнулась Маргарита. - Так вот нет. Мне вообще-то все равно. Моя жизнь все равно кончена, и где доживать - на свободе или на зоне - нет для меня никакой разницы.

- Ох, не говорите так! - Капитан покачал головой. - На зоне настоящий кошмар... а время все лечит, через какое-то время вы придете в себя и оцените свободу.

- Вот только не надо этих банальностей! - поморщилась Маргарита. - И без них тошно!

«А сама-то, - подумал Перченоч, - без разницы ей, видите ли, на зоне жить или на свободе. Не видала ты, матушка, как на зоне живут. И не дай тебе бог узнать... я, выходит, банальности говорю, а сама... жизнь ей, видите ли, не мила теперь, когда Канарского нет. А по всему видать, порядочный мерзавец был этот Канарский, жену бил, эту Маргариту просто использовал...»

Капитан едва не подумал, что Канарскому поделом досталось, но тут же опомнился. Убийца должен быть найден и наказан по всей строгости, это закон.

- Хорошо, не буду говорить банальности, - заметил он кротко, - но раз уж у нас пошел такой

откровенный и доверительный разговор – ответьте мне еще на один вопрос: на что Канарский собирался жить за границей? Ведь, насколько я знаю, он обанкротился, потерял все свое движимое и недвижимое имущество...

– Это правда, – вполголоса проговорила Маргарита, – правда, да не совсем... не знаю, могу ли я об этом рассказывать... хотя теперь, когда его нет, это все равно.

Она подняла глаза на капитана:

– Эдуард потерял не все. Когда он понял, что ему не дадут спокойно вести свой бизнес, он продал все, что еще было возможно, и купил драгоценный камень.

– Камень? – удивленно переспросил капитан. – Какой еще камень?

– Очень дорогой, старинный. Он решил, что камень легче будет спрятать и вывезти за границу, чем любые другие ценности. Там он рассчитывал продать камень и начать новую жизнь. – Маргарита посмотрела на капитана своими разными глазами и проговорила странным, словно зачарованным голосом: – Я видела этот камень... он удивительный... словно сгусток вечернего солнца...

– И где же теперь этот камень?

– Понятия не имею... – Маргарита пожала плечами.

– Вот как? – Капитан внимательно посмотрел на Маргариту.

– Послушайте! – Женщина повысила голос. – Неужели вы думаете, что я не сказала бы, если бы знала? Я вам все рассказала, все! Вы же видите – мне нечего больше терять...

– Вижу, – согласился капитан, внимательно взглянув на свою собеседницу. – Да, вот еще что... вы знаете, где Канарский хотел скрываться после своей фальшивой смерти?

– Нет, не знаю.

– Он что же – не доверял вам?

– Не в этом дело. Он сказал, что будет лучше, безопаснее, если я не буду это знать. О чем не знаешь – о том не проговоришься. Я немного обиделась, но не стала спорить.

– Да... тогда спрошу по-другому: у него были достаточно близкие друзья или родственники, у которых он мог бы спрятаться в критической ситуации?

– Насколько я знаю, его самым близким другом была я. А родственников у него, кажется, вообще не было... хотя постойте... – Маргарита наморщила лоб, – нет, у него была какая-то тетка. Тетя Зина, вот как он ее называл.

– Тетя Зина? А фамилию ее вы не знаете?

– Нет, фамилию, к сожалению, не знаю. Эдуард редко о ней говорил. Один раз, в прошлом году, кажется, он обратился ко мне, потому что этой его тете Зине срочно понадобилась консультация хорошего эндокринолога. Я попросила своего коллегу, профессора Малиновского, и он принял Зину.

– Ага, значит, этот профессор должен знать ее фамилию! – оживился капитан.

- Может быть, и знает, - с сомнением в голосе ответила Маргарита, - да только пользы вам от этого немного. Малиновский сейчас в отпуске, где-то в Гималаях, и телефон там явно не берет.

- Вот как... - протянул капитан, - но ведь, если он принимал эту тетю Зину, где-то должна остаться запись... он же должен был записать ее фамилию и адрес.

- К сожалению, снова должна вас огорчить. Профессор принял тетю Зину в частном порядке, у себя дома. Вы уж извините, многие врачи так делают...

- Ну, я не из налоговой инспекции... значит, больше ничего про эту тетю Зину вы не знаете?

- Пожалуй, что ничего... хотя... - Маргарита снова задумалась, - хотя, пожалуй, я еще кое-что вспомнила. Малиновский после говорил мне, что эта тетя Зина подарила ему контрамарки в театр на какой-то спектакль и что этот спектакль ему понравился... так что, думаю, тетя Зина работает в театре. Или, по крайней мере, связана с театром.

- А какой театр - вы не помните?

- Нет, к сожалению, не помню.

- Может быть, хотя бы помните, какой спектакль?

- Спектакль... постойте-ка... кажется, какая-то пьеса Чехова... «Дядя Ваня»? «Вишневый сад»? А, нет, «Три сестры»! Точно, «Три сестры», тогда как раз премьера была! Малиновский еще шутил, что после этого спектакля он подумывает переехать в Москву...

- Значит, «Три сестры»... - протянул капитан, не поняв шутки, - ну что ж, спасибо вам и на том, попробую найти эту тетю Зину... а сейчас я с вами прощаюсь, у меня еще дел много.

- И что - вы меня не арестуете?

- Нет, а зачем? Вот из города пока лучше не уезжайте, может быть, я вам еще какие-нибудь вопросы задам!

- Не беспокойтесь, не уеду, - поморщилась Маргарита, - мне некуда уезжать!

«Ой-ой-ой, какая трагедия, - подумал капитан, - просто мексиканский сериал!»

Несомненно, горе этой женщины было искренним, и любовь ее была бескорыстной, но отчего-то капитана Перченка ее чувства не трогали. Ну, неглупая же вроде женщина, врач-кардиолог, должна хоть немножко в людях разбираться. Так нет, до того голову потеряла, что в явный криминал ввязалась, и велел бы ей этот Канарский убить кого-то - так и убила бы. Нет, ну каким людям серьезных больных доверяют...

По дороге капитан пытался подвести предварительные итоги. Получалось неутешительно. Что с того, что Канарский собирался инсценировать свою смерть? Убили-то его по-настоящему...

Так что пока нет в деле никаких подвижек, в общем-то, ничем эта врачиха не помогла. Да еще и Алиса Канарская исчезла. Не подалась ли в бега? Нужно ее в розыск объявлять, так ведь начальство ни за что не согласится... а стружку снимут ясно с кого - с Перченка.

Но капитан был мужчина упрямый, так просто не сдавался. И решил поискать последнюю ниточку - эту самую тетю Зину, может, она что-то знает?

Явившись в родное отделение, капитан Перченоч первым делом прошел к кабинету начальника. Нормальный человек сам по собственной воле к начальству не пойдет. Перченоч вполне сознавал, что делает. Ему нужна была секретарша Верочка.

Верочка была известна по всему отделению как отъявленная театралка. Это про нее известный критик Белинский сказал, точнее, спросил: «Любите ли вы театр так, как люблю его я?»

Верочка была влюблена в театр, любовь эта была у нее одна и на всю жизнь. Она посещала театры не реже раза в неделю, она заранее подгадывала отпуска к всевозможным театральным фестивалям, она могла сорваться и улететь в другой город, если там шел какой-нибудь спектакль, который никак нельзя было увидеть в Петербурге.

Она знала по именам всех артистов, помнила все спектакли и кто когда кого играл, а когда, к примеру, известный артист отсутствовал по причине болезни или съемок и его заменял кто-то из второго состава. Театр с успехом заменял ей семью. Кино Верочка не очень признавала, а телевизионные сериалы терпеть не могла.

- Вера, - сказал капитан Перченоч, опасливо покосившись на дверь кабинета начальства, - ты мне очень нужна!

Верочка оторвала глаза от компьютера и выразительно поглядела на капитана.

- Петя, - сказала она тихо, - ты бы лучше шел к себе. А то там, - она кивнула на дверь, - очень напряженная атмосфера. Так что лучше на глаза ему не попадаться.

- Я по делу, - Перченоч тоже понизил голос.

Верочка знала, что если капитану что-то нужно, то просто так он не отстанет, поэтому отъехала от стола, затем крутанулась в кресле вокруг своей оси и посмотрела на капитана снизу вверх очень внимательно. Глаза у нее были светло-голубые, цвета талой воды в весеннем ручье. Перченоч не сам придумал такое красивое сравнение, это начальник выдал такой поэтический комплимент, когда поздравляли Верочку с днем рождения.

- Слушаю тебя, Петя, - сказала Верочка.

- Вера, ты так любишь театр... - начал Перченоч.

- Ой, только не говори, что ты собираешься пригласить в театр знакомую женщину! - рассмеялась Верочка.

- А что такого? - удивился капитан.

- А то, что если она такая же, как ты, то ей будет скучно, она будет недовольна, и после спектакля вы обязательно поссоритесь. А если она разбирается в театре, то тем более будет недовольна, потому что ты пригласишь ее на заведомо плохой спектакль. Нет уж, Петя, ходите лучше в кино. Или там на Киркорова...

Перченоч представил, что сказала бы Аня, если бы он пригласил ее в театр. Сказала бы, что время зря тратить не собирается, вообще не пошла бы с ним.

- Ты права, Вера, - улыбнулся он, - но я к тебе как к эксперту обращаюсь. Вот скажи, ты знаешь, в каком театре идет спектакль «Три сестры?»

- Знаю, конечно, - удивилась Вера, - а тебе зачем?
- Для дела, - строго сказал Перченоч, - так что отвечай быстро и по существу.
- Ну, сейчас «Три сестры» идут в Молодежном театре, в Малом драматическом, в Театре на Фонтанке...
- Ой! Это же сколько сестер получается! - всерьез ужаснулся капитан. - Неужели ты всех видела?
- Больше тебе скажу, - невозмутимо ответила Вера, - еще Екатеринбургский театр драмы привозил в этом году «Трех сестер», а также знаменитый режиссер Римонас из Литвы приезжал на гастроли, у них тоже «Три сестры».
- Так... Значит, всего пятнадцать штук... - помрачнел Перченоч, - с ума сойти можно.
- Тебе зачем все эти сестры? - участливо поинтересовалась Вера. - Поделись, а то вон аж побледнел от расстройства.

Капитан не ответил, он напряженно вспоминал. Что еще говорила про спектакль Маргарита? Что-то про Москву... это не то... ага, в прошлом году, и это была...

- А у какого театра в прошлом году была премьера этих самых «Сестер?» - выпалил он. - Не помнишь?
- Отчего же не помню, помню. В прошлом году премьера «Трех сестер» была в Театре на Фонтанке. У них каждый год премьера, сейчас, например, Шекспир, «Генрих Четвертый».
- Ты меня Шекспиром не путай! - отмахнулся капитан. - Говори быстро адрес этого самого театра.
- Записывай, - тут же отозвалась Вера.
- Вера! - ожил интерком у нее на столе. - Вызовите ко мне Перченка срочно!
- Ты меня не видела! - шепнул капитан Перченоч и выкатился из приемной.

Алиса пришла в себя - и тут же об этом пожалела: реальность обрушилась на нее пульсирующей головной болью, мучительной тошнотой и болью во всех мышцах.

Она попыталась понять, где находится, попыталась вспомнить, что предшествовало этому пробуждению, - но в голове снова забились боль, и она отступила. Ей захотелось снова погрузиться в теплую темноту беспомыслия. Но беспомыслие не принимало ее обратно, как тяжелая темная вода не принимает легкое тело.

Через несколько мучительных секунд - или минут? А может быть, часов? - через какое-то время, наполненное болью и тошнотой, она сделала еще одну попытку: попробовала открыть глаза.

Дневной свет показался ей ослепительным, он ударил по глазам, как резиновая дубинка. Алиса застонала и снова закрыла глаза.

- Ага, ты, кажется, приходишь в себя! - раздался рядом незнакомый голос. От этого голоса, от

самого его звука боль и тошнота сделались еще сильнее.

- Мне плохо... - простила Алиса.

- Бывает, - она почувствовала прикосновение к губам чего-то холодного и поняла, что это стакан. Сделала несколько жадных глотков - холодная, чуть горьковатая жидкость влилась в горло, и почти сразу ей стало легче.

Выждав для верности еще несколько секунд (или минут, или часов), она снова открыла глаза - на этот раз более успешно.

Алиса находилась в незнакомой пустой комнате.

Эта комната была настолько пустой, что в ней не было даже обоев. Гладкие серые бетонные стены, прямоугольник окна - тоже пустой, без стекла и даже без оконной рамы.

Сама она сидела в старом тяжелом кресле с высокой спинкой.

Рядом, на жестком стуле, сидел мужчина в темных очках.

- Где я? - проговорила Алиса, с трудом справившись с голосом. - Кто вы?

- Слишком много вопросов, - незнакомец чуть заметно скривил губы, обозначив улыбку.

Алиса хотела поправить волосы, которые лезли в глаза - но с удивлением поняла, что не может пошевелить рукой, потому что ее руки привязаны к подлокотникам кресла.

Попыталась шевельнуть ногой - и тут же убедилась, что ноги ее тоже связаны.

- Черт! - выпалила она скорее удивленно, чем возмущенно. - Это что - шутка такая? Развяжи меня немедленно!

- Может быть, и развяжу, - мужчина снова обозначил улыбку, - но не сразу. Тебе придется это заслужить.

- Развяжи меня, козел! - завизжала она и попыталась пнуть его ногой - но только причинила себе новую боль: веревки врезались в ногу, особенно какой-то узел...

- Держи себя в руках! - проговорил мужчина. - Это в твоих же интересах!

Алиса несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, досчитала до десяти. Говорят, это помогает успокоиться, взять себя в руки. Хотя ей это не очень помогло.

Зато у нее в памяти всплыло то, что предшествовало сегодняшнему ужасному пробуждению.

Алиса вспомнила, как вышла из театра, села в свою машину, доехала до дома. Ее обычное место на парковке было занято. На ее месте стояла какая-то незнакомая машина. Должно быть, кто-то из гостей, не зная порядков, поставил сюда свое авто. Алиса подумала, что охранник, вместо того чтобы следить за порядком, как всегда, разгадывает кроссворды и что нужно пожаловаться на него управляющему.

Но сейчас ей было лень ругаться. Она припарковала машину на одном из гостевых мест в темном углу стоянки, вышла из нее.

Тут из-за черного джипа вышел незнакомый мужчина в темных, несмотря на поздний час, очках, шагнул к ней и что-то спросил на незнакомом языке.

- Что вы говорите? - переспросила она по-английски. - Я не понимаю...

Он повторил свой вопрос, вежливо, но настойчиво, подошел совсем близко. Алиса удивленно взглянула на его лицо, но не увидела ничего, кроме своего собственного отражения в темных стеклах.

- Вы говорите по-английски? - проговорила Алиса.

- Говорю, - ответил он на чистейшем русском языке и взял ее за руку.

Алиса хотела возмутиться, хотела вырвать руку - но не успела: в его свободной руке появился маленький одноразовый шприц, игла воткнулась в запястье - и она провалилась в черное бездонное небытие...

А теперь именно он, тот человек в черных очках, сидел рядом с ней...

Значит, он ее похитил...

Алиса часто слышала жуткие истории о том, как похищают жен богатых людей - из-за большого выкупа, иногда из-за каких-то бизнес-конфликтов. Но в глубине души она думала, что такое может случиться с кем угодно, но не с ней.

Тем более что она-то, как выяснилось, вовсе не богата, да и мужа ее нет в живых, так что некому заплатить за нее выкуп...

Она закусила губу, чтобы не заплакать от бессилия и жалости к самой себе, и сделала еще одну попытку разобраться в своем положении:

- Кто вы такой? Чего вы от меня хотите?

- Ты задаешь слишком много вопросов. А мне нужны не вопросы, а ответы.

- Это из-за Эдуарда? - догадалась Алиса. - Эдуард был вам что-то должен? Вы хотите, чтобы я вернула его долги?

- Холодно, - насмешливо проговорил мужчина, - хотя, если задуматься, я действительно хочу, чтобы ты мне кое-что вернула.

- Но у меня ничего нет! - воскликнула Алиса. - Этот козел... Эдуард мне ничего не оставил! Даже квартира - и та оказалась съемной!

- Сочувствую! Это действительно неприятно - считать себя обеспеченной женщиной и вдруг оказаться нищей! За это можно очень рассердиться на мужа.

- Еще бы! - прошипела Алиса и попыталась перехватить взгляд похитителя - но его глаза были надежно спрятаны за черными стеклами очков.

- Но кое-что он тебе все же оставил! - процедил мужчина, склонился над ней и неожиданно рывкнул: - Где камень?

- Ка... какой камень? - пролепетала Алиса. - Я не знаю, о чем вы говорите!

- Отлично знаешь! - Мужчина навис над Алисой, она видела прямо над собой его лицо, его темные очки, за которыми прятались невидимые и от того еще более страшные глаза. - Где камень? - повторил похититель холодным, спокойным голосом - но от этого спокойствия ледяные мурашки поползли по спине Алисы, сердце ее забило тяжело и неровно.

Она снова попыталась взять себя в руки, преодолеть страх и обдумать свое положение.

Теперь она знает, что нужно от нее похитителю.

Камень. Тот самый камень, который она сама искала в тайнике Эдуарда. Единственная ценная вещь, оставшаяся ей от мужа. Оставшаяся? Как бы не так! Этот камень ее подлец муж передал на хранение своей старой тетке. Которая ему еще и не родная.

В первый момент Алиса почувствовала облегчение: она скажет похитителю все, что знает, расскажет ему о тетке, и тот отпустит ее... выпустит ее из этой страшной, безликой комнаты... пусть она останется нищей, только бы живой...

Но тут же ее пронзила страшная мысль: он ее ни за что не отпустит. Наоборот, она нужна ему только до тех пор, пока не сказала то, что ему нужно. Как только он узнает то, что знает она, - Алиса не будет ему нужна, а значит, он с ней расправится... убьет ее...

Произнеся - пусть только мысленно - это ужасное слово, Алиса едва не закричала от ужаса.

Смерть... до сих пор смерть была чем-то нереальным, далеким, чем-то, что случается только с другими людьми. Она и мысли не допускала, что это может случиться с ней самой - и не когда-то через много лет, в глубокой и оттого почти нереальной старости, а здесь и сейчас, в этой пустой и голой комнате...

«Нет, нет, - пыталась она успокоить себя, - зачем ему меня убивать? Зачем ему лишняя смерть, лишняя кровь?»

И тут же сама себе ответила: затем, чтобы не оставлять свидетеля. Не оставлять в живых человека, который его видел, человека, который хоть что-то о нем знает...

Значит, ее единственный шанс - не говорить этому человеку то, что она знает о камне. Пока она молчит - она будет жить.

- Где камень? - повторил он, пристально глядя на Алису своими глазами, невидимыми за черными стеклами очков и оттого еще более страшными.

- Я не знаю, - ответила Алиса как можно более твердо.

- И ты думаешь, что я тебе поверю? - Похититель склонился еще ниже, еще ближе к ней, так что Алиса почувствовала на щеке его дыхание. - Ты думаешь, что я не заставлю тебя говорить? Нет, детка, ты еще не поняла, с кем имеешь дело. Я профессионал, а профессионалы отличаются от любителей тем, что они знают, как добиться успеха. Я знаю, как заставить заговорить кого угодно. Нет такого человека, которого не смог бы разговорить профессионал. Каждый человек заговорит раньше или позже. Просто к разным людям нужен разный подход, разный ключик. И я знаю, каким ключиком открыть твою душу.

Он немного отстранился и предложил с какой-то сочувственной интонацией:

- Может быть, мы не будем доводить дело до крайности? Может быть, ты сама все расскажешь?

Скажи мне, где камень, - и ты избавишь себя от самого страшного!

- Я не знаю, где этот чертов камень, - проговорила Алиса как могла твердо, - Эдуард не сказал мне, куда он его спрятал.

- Значит, не хочешь говорить... - разочарованно проговорил похититель, - ну что ж, ты сама сделала свой выбор...

Он выпрямился, отступил на шаг. Голос его стал сухим и безжизненным, как у автомата:

- Ты ведь не знаешь, где мы с тобой сейчас находимся.

- Откуда мне знать... ты привез меня сюда в бессознательном состоянии.

- Действительно, откуда? Так вот, это - недостроенное здание. Когда-то, много лет назад, его начали строить как новый корпус технического университета. Потом времена изменились, у университета денег не было, и стройку забросили. Какое-то время это здание арендовал мукомольный комбинат, его использовали для хранения зерна. Потом и этот комбинат разорился, и с тех пор здание пустует.

- К чему ты мне это рассказываешь? - перебила Алиса похитителя. - Ты думаешь, мне это интересно?

- Сейчас тебе станет очень интересно! Как ты думаешь, кто расплодился в этом здании, пока его использовали под зернохранилище?

- Понятия не имею! - огрызнулась Алиса, хотя ответ мелькнул в ее мозгу. Крайне неприятный ответ.

- Имеешь, имеешь! - криво усмехнулся мужчина. - Здесь расплодились крысы! Большие серые крысы! Позже, когда зерно отсюда вывезли, поголовье крыс сократилось, но все же их осталось достаточно много, и остались самые злые и голодные.

- Зачем ты мне это говоришь? - спросила Алиса, холодея от страха. Она уже знала ответ.

- Я сказал тебе, что знаю, как заставить тебя говорить, знаю, каким ключиком открыть твою душу. Ты ведь женщина, а все женщины боятся крыс. Но ты, мне кажется, особенно боишься их... боишься до одури, до безумия... - Он ненадолго замолчал, потом снова склонился над Алисой и произнес непривычно мягким тоном: - Ну что, ты готова мне все рассказать? Не будем доводить дело до конца?

Алиса чувствовала, как в ее душе, словно злокачественная опухоль, разрастается страх. Она не могла без содрогания думать о том, что ее ожидает...

Может быть, рассказать все, что она знает? Рассказать, и все на этом кончится?

Но тогда - смерть...

- Нет, я не знаю, где камень! - проговорила Алиса, с трудом овладев своим голосом.

- Ну что ж... ты сама это выбрала...

Он вышел куда-то ненадолго, и Алиса почувствовала глупое кратковременное облегчение.

Но похититель тут же вернулся.

В руках у него была большая металлическая клетка, а в этой клетке, разделенные сетчатой перегородкой, металась две огромные крысы.

Алиса увидела жесткие усы и желтые зубы, услышала тонкий отвратительный визг.

- Эта казнь была распространена в Китайской империи, - проговорил похититель спокойным, рассудительным голосом, как будто он читал лекцию. - Человека сажают перед клеткой с голодными крысами, лицом в клетку. Крыс выпускают, и они набрасываются на лицо...

Он подошел ближе, поднес клетку с крысами. Теперь Алису отделяло от клетки меньше метра. Алиса попыталась вырваться, убежать - но веревки только сильнее вонзились в ее руки и ноги.

Крысы почувствовали, что их ожидает, и замолчали в предвкушении, не сводя с Алисы маленьких горящих глаз...

- Не надо! - взвизгнула Алиса. - Пожалуйста, не надо! Я все скажу, все! Только не это!

- Так говори, - процедил похититель, придерживая клетку с крысами рядом с ее лицом, - и чтобы больше никаких уловок!

- Какие... какие уловки? - прохрипела Алиса, не сводя расширенных от ужаса глаз с клетки. - Эдуард доверил камень своей тетке... убери... убери скорее эту гадость!

- Имя тетки! Где ее найти! - Вместо того чтобы убрать клетку, похититель придвинул ее еще ближе.

- Убери! - вскрикнула Алиса. - Я все скажу! Я больше не вынесу!

- Ладно, - мужчина отставил клетку в сторону, - говори, иначе...

- Тетку зовут Зинаида, и она работает в Театре на Фонтанке. Но это все, честное слово, это все, что я знаю...

- Ладно, верю! - Мужчина пристально, внимательно посмотрел на Алису. - Верю, ты не смогла бы сейчас врать. Ладно, я поеду навестить эту тетку, а ты пока побудешь здесь.

- Но ты обещал меня отпустить, если я все скажу! - взмолилась Алиса.

- А ты мне и поверила? - Похититель улыбнулся одними губами. - Плохо же ты знаешь людей! Впрочем, может быть, я тебя и правда отпущу - на радостях, если найду камень. А пока подожди меня здесь, на всякий случай... а чтобы ты не скучала, я оставлю тебе компанию, - и он кивнул на клетку с крысами в углу комнаты.

На этот раз около Театра на Фонтанке не было ни души. И машин возле него было совсем мало, и те очень скромные - слегка перефразируя классику, это были не предметы роскоши, а средства передвижения небогатых актеров и сотрудников театра.

Дело в том, что Агния пришла сегодня не на громкую премьеру и вообще не на спектакль - она пришла по делу, ей нужно было подписать кое-какие документы и еще раз проверить антиквариат, предоставленный театру фирмой Солуянова, перед тем как труппа уедет на зарубежные гастроли.

Главный вход был закрыт, поэтому Агния вошла через служебный.

Сразу за дверью сидела на колченогом табурете пожилая вахтерша. Она что-то вязала из зеленой шерсти, вслух считая петли. Взглянув на Агнию поверх очков, вахтерша спросила:

- Не журналистка? Журналистов днем пускать не велено!

- Нет, я не журналистка, - успокоила ее Агния, - я к Зинаиде Андреевне, по делу.

- Ах, к Зиночке! - Вахтерша заулыбалась. - Проходи, проходи! Она сейчас за сценой, что-то там мастерит.

- Как туда пройти?

- А это вон по тому коридору, потом налево, еще раз налево, тут ее сразу и найдешь.

Агния отправилась в указанном направлении и через несколько минут оказалась в большом просторном помещении за сценой. В центре этого помещения возвышался королевский трон, позади него стоял большой кованый сундук, на котором красовались корона и прочие символы королевской власти.

Однако Зинаиды Андреевны не было.

- Да где же она? - пробормотала Агния, оглядываясь.

Тут она заметила, что в глубине помещения колыхается бархатная портьера, как будто за ней кто-то прячется.

- Зинаида Андреевна! - окликнула Агния. - Вы здесь?

Из-за портьеры донесся какой-то глухой, сдавленный крик, сменившийся мучительным стоном.

- Что с вами? - проговорила Агния, направляясь на этот звук. - Вам плохо?

Звуки за портьерой стихли. Агния тем не менее подошла и резким движением отдернула портьеру.

И попятилась от неожиданности.

За портьерой действительно стояла Зинаида Андреевна - бледная, с покрытым испариной лицом. Но она была там не одна. Мужчина в черных очках одной рукой зажимал ей рот, в другой руке у него был пистолет с глушителем, который он прижимал к шее пожилой женщины.

Агния тут же узнала этого мужчину: это был тот убийца, который несколько дней назад преследовал ее, тот, от кого ее спасла загадочная женщина Ануш Арсеновна со своими смуглыми подручными. Тот, с кем Агния не раз сталкивалась во время приключений, связанных с сапфиром «Сердце Запада». Тот, которого упустила полиция.

- Опять вы? - проговорила Агния удивленно.

- Снова ты! - отозвался киллер, и лицо его перекошилось от ненависти. - Снова ты путаешься у меня под ногами! Как ты мне надоела! Ну, сегодня мы с этим покончим!

Он перехватил Зинаиду Андреевну, освободив ее рот, и женщина быстро проговорила задыхающимся голосом:

- Бегите, Агния, бегите!

- Только попробуй! - Киллер направил ствол своего пистолета на Агнию, положил палец на спусковой крючок. - И орать не смей, у меня глушитель, выстрела никто не услышит!

- Я не собираюсь убегать! - Агния шагнула вперед, бесстрашно глядя в глаза киллеру, точнее - в черные провалы его очков. - Я не оставлю у вас в руках пожилую женщину! Что вам нужно от нее? Отпустите ее! Берите меня, если вам нужен заложник!

Она говорила громко и подступала тихонько ближе.

- Заткнись! - Киллер взмахнул пистолетом.

- Ему не нужны заложники, ему нужен камень! - прохрипела Зинаида Андреевна, пытаясь вырваться из крепких рук киллера, это, разумеется, ей не удалось.

- Камень? Какой камень? - переспросила Агния.

Она снова вспомнила удивительный сапфир «Сердце Запада», вспомнила историю его похищения и поисков. Неужели все началось сначала? Неужели киллер вернулся за этим сапфиром? Но тогда при чем здесь Зинаида Андреевна?

- Топаз... он ищет топаз Канарского... - слабым, прерывающимся голосом проговорила пожилая женщина.

- Ах, топаз... - протянула Агния, - теперь, значит, топаз... он так любит драгоценные камни...

- Хватит болтать! - рявкнул киллер. - Я знаю, что камень здесь, в театре! Ты скажешь мне, где он, иначе пожалеешь, что родилась на свет!

- Камня здесь нет! - воскликнула Зинаида Андреевна.

- Опять за свое? - Киллер отстранился от женщины, пристально взглянул ей в глаза и усмехнулся одними губами: - Ты не знаешь, с кем имеешь дело. Я профессионал, и ты скажешь мне все, что знаешь! Хотя... хотя, кажется, мне не придется долго с тобой возиться! Расколоть тебя будет так легко!

Он повел стволом своего пистолета, направил его на старинный светильник, один из тех антикварных предметов, которые фирма Агнии передала театру для постановки. Раздался негромкий хлопок, словно лопнул воздушный шарик, и светильник разлетелся на десятки сверкающих кусков.

- Не надо! - вскрикнула Зинаида Андреевна, покачнувшись, как от удара. - Что вы наделали!

- Где камень? - повторил киллер и навел пистолет на массивную фарфоровую вазу.

Пользуясь тем, что он отвернулся на долю секунды, Агния шагнула ближе к этим двоим.

- Я не... я не знаю, о чем вы говорите... - пролепетала пожилая женщина. Лицо ее залила мертвенная бледность, дыхание стало шумным и неровным.

- Ответ неправильный, - снова раздался хлопок, и ваза превратилась в грудю осколков.

Зинаида Андреевна охнула и сползла на пол, вырвавшись из рук киллера.

- Не нужно разыгрывать передо мной этот дешевый спектакль! - Киллер направил пистолет на черепаховую шкатулку восемнадцатого века. - Где камень?

- Что с вами? - Агния кинулась к Зинаиде Андреевне, наклонилась над ней.

- Отойди от нее! - Киллер направил пистолет на Агнию.

- Убьешь меня и никогда не узнаешь, где находится «Сердце Запада»! - звонко сказала она.

И заметила, как дрогнула его рука с пистолетом.

- Ладно, с тобой после разберусь, - пробормотал он и снова спросил, прицелившись в шкатулку: - Где камень?

- Там... там... - Зинаида Андреевна слабо махнула рукой в сторону небольшого шкафчика из красного дерева.

Агния наклонилась ближе к ней. Глаза пожилой женщины были направлены на что-то за левым плечом Агнии.

- Держитесь, - прошептала Агния, - кто-то обязательно услышит...

- Сердце, - выдохнула женщина.

- У вас есть лекарство?

- Рычаг... - прошептала Зинаида Андреевна, по-прежнему глядя на что-то за плечом Агнии.

- Рычаг? - удивленно переспросила Агния и проследила за взглядом женщины.

Там, куда смотрела Зинаида Андреевна, из стены действительно торчал короткий металлический рычаг.

- Нажмите... - прошептала женщина одними губами.

- У вас есть лекарство?

- Нажмите на рычаг, прошу вас!

Разговор стал возможным только потому, что киллер отвлекся, рассматривая содержимое шкафчика. На пол полетели какие-то баночки и флаконы.

- Где камень? - прорычал он. - Я не шучу!

Агния протянула руку и дернула за рычаг.

Снова раздался хлопок выстрела, но с ним слились другие звуки - скрип, треск, а затем - приглушенный крик. Шкатулка осталась цела, но на том месте, где только что стоял киллер, никого не было.

Агния, удивленная, вскочила и сделала несколько шагов.

Там, где только что стоял киллер, в полу был распахнутый люк. Должно быть, его привел в действие рычаг, на который нажала Агния.

Агния наклонилась над люком, заглянула в него... и невольно отшатнулась.

Киллер лежал внизу, под сценой, нелепо раскинув руки и ноги. Из его груди торчал какой-то металлический штырь, на который он напоролся, падая. Он был еще жив. Черные очки отлетели в сторону, и Агния впервые увидела его глаза – красные, воспаленные, больные.

Киллер увидел Агнию, и губы его зашевелились.

Агния наклонилась ниже, чтобы расслышать его слова.

- Твой дед... – донесся до нее едва слышный голос. – Ты хочешь знать, кто его убил?

- Что?! – воскликнула Агния взволнованно. – Что ты об этом знаешь?

- Спроси... спроси свою подругу... – проговорил киллер, – спроси...

Договорить он не успел. На его губах выступила кровавая пена, и глаза подернулись мутной пеленой смерти.

- Что... что ты знаешь... – повторила Агния – и поняла, что киллер уже мертв. Его окровавленные губы сложились в кривую, издевательскую усмешку.

- Будь ты проклят! – процедила Агния, выпрямляясь.

Тут она вспомнила о Зинаиде Андреевне и кинулась к женщине.

Та тяжело, хрипло дышала, держась за сердце.

- Держитесь, Зинаида Андреевна! Держитесь, я сейчас вызову «Скорую помощь»...

Женщина что-то прошептала, едва шевеля губами.

- Что? – Агния наклонилась к ней, чтобы разобрать эти слова.

- Камень... – расслышала Агния. – Корона...

Зинаида Андреевна дернулась и застыла. Ее глаза смотрели куда-то вдаль, но они уже ничего не видели. Или видели что-то, недоступное взгляду живых.

Агния поискала пульс у нее на шее – но не нашла.

Тогда она закрыла мертвые глаза Зинаиды Андреевны.

Ее пронзила острая жалость к этой почти незнакомой женщине. О чем она говорила перед смертью? О чем думала? Последние ее слова были «камень» и «корона»...

Агния поднялась, достала мобильный телефон и позвонила в службу экстренной помощи, чтобы сообщить о двух смертях.

И тут в ее голове снова прозвучали последние слова Зинаиды Андреевны. Камень и корона. Что она имела в виду?

Может быть, сейчас неуместно думать о чем-то земном, о чем-то преходящем?

Но покойная думала об этом в свои последние секунды. Значит, это было для нее очень важно. Значит, она хотела, чтобы Агния что-то сделала для нее...

И тут Агния вспомнила свой сон – яркий, подробный сон, который она видела после спектакля.

Королевский дворец в Лондоне, разгневанный король, принц с короной в руках... король говорил о короне и камне. Как и Зинаида Андреевна перед смертью.

Агния повернулась и подошла к кованому сундуку, на котором лежал реквизит к спектаклю «Генрих Четвертый». Посреди сундука, рядом с королевским скипетром, красовалась корона, усыпанная сверкающими стразами и блестящими разноцветными стекляшками. Эти камушки и стекляшки были очень искусно прикреплены к короне. Агния вспомнила, что покойная Зинаида Андреевна была мастером на все руки, в частности, владела даже мастерством ювелира. Старая актриса показывала Агнии ожерелье, которое Зинаида сделала ей в подарок...

Агния снова вспомнила свой сон – и вспомнила знаменитую фразу, которую прочла у кого-то из классиков: желтый лист нужно прятать в осеннем лесу, труп – на поле боя...

Тогда драгоценный камень нужно прятать среди фальшивых самоцветов.

И тут в самом центре короны Агния увидела большой полупрозрачный камень. Он был желтым – но не грубого охристого оттенка и не цвета осенней листвы, а густого, чудесного цвета вечернего солнца, пробивающегося сквозь облака. Словно сгусток солнечного света, заключенный в камень.

Агния дотронулась до этого камня и почувствовала исходящее от него живое тепло. Такое же, какое она чувствовала, когда прикасалась к сапфиру «Сердце Запада».

Нет, не такое. Это тепло было другим, оно отличалось, как отличается один человеческий голос от другого, к примеру, как баритон отличается от тенора или как сопрано отличается от контральто.

Так или иначе, этот камень был прекрасен. И теперь Агния явственно поняла, что Зинаида Андреевна хотела, чтобы Агния забрала его, чтобы камень не пропал, не затерялся в суете переезда.

Теперь Агния поняла, что кто-то спрятал этот камень среди театрального реквизита не только для того, чтобы надежно сберечь его, но и для того, чтобы вывезти во Францию, когда театр отправится на гастроли...

Но, кто бы ни задумал эту аферу, у него ничего не вышло. Как говорят – хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах!

Рядом с короной на сундуке лежала шпилька для волос. Агния подцепила камень этой шпилькой, вынула его из оправы и спрятала в карман.

И в эту самую минуту из-за занавеса появился знакомый мужчина.

Это был капитан полиции Перченок.

– Здравствуйте, Петр! – проговорила Агния, смущенная тем, что капитан едва не застал ее за

выковыриванием камня. – Как вы быстро доехали! Я только пять минут как позвонила...

– Вы звонили? Я не знал! – Перченоч удивился, встретив Агнию. – Я вообще-то искал Зинаиду Андреевну.

– А вам-то она зачем понадобилась?

– Она – единственная родственница покойного Канарского.

– Вот как! – удивленно протянула Агния. В голове у нее начали складываться детали мозаики.

– А что здесь случилось? – спросил капитан. – И что вы тут делаете?

– К сожалению, вы опоздали! – вздохнула Агния. – Зинаида Андреевна умерла. Буквально только что. И еще один человек погиб... вы его знаете, думаю, вы его искали.

Она показала капитану раскрытый люк и лежащего под сценой мертвого киллера.

– Ох ты, ничего себе! – Капитан почесал в затылке. – Действительно, мы его давно ищем... а что здесь произошло?

Агния рассказала капитану, что приехала к Зинаиде Андреевне по делам фирмы, искала ее в театре – и нашла здесь, вместе с киллером, который держал ее на прицеле.

– Чего он от нее хотел – я не знаю, но, увидев меня, он отвлекся, отпустил Зинаиду Андреевну, она дернула вон тот рычаг, киллер провалился в люк и умер... но и Зинаида Андреевна умерла, очевидно, сердце не выдержало такого стресса и волнения... вот, в общем, и все, что я видела!

Выпалив все это на одном дыхании, Агния осторожно поглядела на капитана – поверит ли?

– Ничего себе история! – проговорил потрясенный капитан. – Выходит, мы так и не узнаем, чего хотел киллер от покойницы?

– Выходит, не узнаем!

Перченоч услышал в ее голосе что-то такое, что заставило его взглянуть на Агнию повнимательнее. Невольно он вспомнил прошлые их встречи и свои подозрения, что эта девица знает гораздо больше, чем говорит. И везде она – и тут, в театре, и тогда попала в свидетели убийства Канарского. Капитан хотел поговорить с Агнией серьезно, но тут послышался шум, с топотом влетели полицейский патруль, и врач, и санитары, Агнию уже допрашивали как свидетеля, капитана тоже, так что когда он освободился, шустрой девицы уже и след простыл.

Звуки шагов страшного человека в темных очках затихли вдали, и Алиса осталась одна. Она откинула голову на спинку кресла и затихла. Крысы тихонько попискивали в клетке, у Алисы уже не было сил их бояться. У нее ни на что не было сил.

Она не знала, сколько прошло времени – час или меньше. Луч редкого осеннего солнца осторожно заглянул в оконный проем и подобрался к ножкам кресла, осветив грязный бетонный пол. Алиса вздрогнула и очнулась от забытья.

Вот так вот все получилось. Вот так вот закончилась вся ее история. Она-то считала себя умной, смелой и предусмотрительной, она долго обдумывала ситуацию и решила наконец на то, чтобы убить мужа. Как точно она все рассчитала с японским рестораном и доставкой суши!

Как удачно подстроила встречу с Агнией Иволгиной! Это только Агаша, наивная личность, думает, что их встреча была случайной, Алиса без труда изучила ее маршрут. С работы – домой. И если бы не свернула Агния к ресторану, Алиса перехватила бы ее у машины или столкнулись бы они у ее подъезда. Да мало ли возможностей... из Агнии вышел отличный свидетель, когда они нашли труп Эдуарда.

А выносить этого мерзавца Канарского она больше не могла. Ее буквально трясло от одного его вида. А тут еще она узнала, что он разорен. Это только для дурака адвоката она устроила сцену горестного удивления со слезами и питьем транквилизаторов. На самом деле она все знала. Знала и про камень, знала, что он такой безумно ценный. Спасибо Виталику, он лишний раз ей это подтвердил. За то она его отблагодарила – тут Алиса усмехнулась жестко. Что ж, такая, видно, его судьба.

Она-то, когда они познакомились, поначалу им увлеклась. Так, для души, немножко порадоваться жизни с его помощью. Потому что Эдуард сводил ее с ума. Вот уж кого ей не жалко нисколько. Подлец, оказывается, он хотел бросить ее без средств и исчезнуть. Да хоть сто раз его пристрелить, не дрогнула бы у нее рука!

А Виталик пострадал из-за собственной глупости и самоуверенности. Думал, что она принесет ему камень на блюдечке. Ага, дожидайся. Сидит теперь в камере и думает о своем поведении. Что ж, каждый в этом мире за себя.

Но теперь получается, что все это было зря. Потому что камень этот злодей в черных очках отберет у Зинаиды, любым способом отберет, ни перед чем не остановится. Вот так вот, Эдичка всем успел нагадить, эту тетку он вроде любил, а ведь тоже подставил.

Но уж о тетке Эдуарда она жалеть не станет. Для нее важно только одно: что будет теперь с ней, с Алисой? У нее ничего нет, совсем ничего, неясно, на что она будет жить.

Вот за это можно не беспокоиться, тут же поняла Алиса. У нее не будет никакого будущего. Никто сюда не придет, потому что никто не знает про это место. Злодей тоже не придет – ему зачем? Обещал ее отпустить, да мало ли что он обещал?! Он не придет в любом случае, как бы ни обернулось дело, найдет или не найдет он камень. И она умрет здесь от голода и жажды. Так же как и крысы в клетке.

Хотя нет, писк этих тварей привлечет, несомненно, их сородичей. И тогда они всем скопом набросятся на Алису.

Представив себе такую картину, Алиса застонала в голос. И поняла, что не в силах ждать такой смерти. Но что она может сделать?

Она дернула веревки, но они по-прежнему туго впивались с руки и ноги. Она попыталась оттолкнуться, но ноги не доставали до пола. Тогда Алиса качнулась вбок. Кресло чуть накренилось, но потом вернулось на место.

Так, если как следует раскачаться, то кресло упадет на пол и сломается. Тогда можно будет освободиться. Хоть руки, хоть ноги. А потом уж и совсем. И бежать отсюда как можно скорее, пока не явились крысы. Что делать потом, она придумает позже.

И Алиса принялась изо всех сил раскачивать кресло. Еще, еще, еще сильнее, вот уже амплитуда все больше, только бы не упасть туда, где клетка, вон крысы забеспокоились, скалятся и шипят, вертятся по клетке. Да не до вас сейчас, паразиты!

Все мысли вылетели из головы, Алиса качала и качала кресло. Вот еще раз и...

И кресло свалилось прямо на клетку с крысами. Алисин крик перекрыл визг хвостатых тварей.

Клетка сломалась, одна крыса выскочила из-под кресла и побежала в угол, оставляя за собой кровавый след. Вторую, очевидно, задавило насмерть. Алисе некогда было об этом думать, она едва пришла в себя от удара и теперь извивалась, пытаясь освободиться.

Все было напрасно, проклятое кресло не сломалось. Уж очень прочные умели делать вещи сто лет назад!

Теперь ее положение было еще хуже, чем прежде. Раньше она могла хоть сидеть и оглядываться по сторонам, теперь же она валялась на бетонном полу в самой неудобной позе, вдобавок ногу что-то немилосердно кололо и жгло.

Вспомнив, как в юности занимались они еще в институте йогой, Алиса расслабила все тело, а потом изогнулась под невыносимым углом. Ей удалось рассмотреть, что под ножкой кресла находится сплюснутая клетка, и острый край основания поранил ей ногу. Алиса зажмурилась, потому что хлынули злые слезы. Нет, она не может сейчас позволить себе все бросить, она не хочет умереть ужасной смертью.

Медленно-медленно Алиса передвинула ногу таким образом, чтобы острый край клетки приходился на веревки. И начала двигать ногой – взад-вперед, сначала медленно, потом быстрее. Когда она почувствовала, что веревка, обхватывающая ногу, слабеет, она воспрянула духом. И вот остался последний рывок, и веревка лопнула.

Теперь можно было оттолкнуться свободной ногой от стены и передвинуться так, чтобы острый край находился напротив подлокотника кресла. И снова прошли долгие сорок минут, пока веревка не стала поддаваться.

Пот заливал глаза, все тело чесалось и болело от лежания на грязном холодном полу, но наконец рука стала свободной. Дальше пошло легче, и Алиса наконец покинула осточертевшее кресло.

На ней все еще было то черное платье, которое она надела в театр. Грязное до неприличия и отвратительно пахнущее. Колготки рваные и измазанные кровью. К счастью, в углу Алиса нашла свое пальто и туфли. Сумки не было, а значит, не было и денег, и мобильного телефона, и ключей от квартиры. Хотя ключи – вот они, в кармане, она ведь как раз достала их из сумочки, когда этот тип напал на нее перед домом.

Алиса осторожно высунулась в проем окна. Далеко-далеко виднелись какие-то дома, чуть ближе проходила дорога, по которой изредка проезжали машины. Еще дальше виднелась заправка. Что ж, вряд ли ее в таком виде кто-то посадит в машину, но, возможно, на заправке дадут позвонить. Черт ее дернул вырядиться в театр таким чуделом!

На лестнице, разумеется, не было никаких перил, Алиса спускалась долго, держась за стену, поскольку ноги все еще были ватными. Наконец она достигла двери из наспех сколоченных досок, на ней не было ни замка, ни ручки.

Ужасающе захламленный двор был пуст. Алиса увидела большую крысу на куче мусора. Крыса человека не испугалась, Алиса ее также проигнорировала. Она обошла двор по периметру, выискивая дырку в заборе, и в самом дальнем углу обнаружила свою машину. Ну да, ведь похититель привез ее сюда на ее же собственной машине. А вот и ворота, держатся кое-как на

проржавевших петлях.

Машина оказалась не заперта, и ключи валялись на переднем сиденье, как видно, судьба, подбрасывающая Алисе исключительно подлянки, в этот раз упустила свой шанс. Алиса села в машину и почувствовала себя увереннее. Машина была на ходу, и бензина хватит, чтобы доехать до дома. Она посмотрела в зеркало и достала из бардачка расческу и пачку влажных салфеток.

Вид не то чтобы стал намного лучше, однако на улице не остановят.

Ехала она очень аккуратно, чтобы не влететь в неприятности на дороге. Все обошлось, и вот уже поднимается шлагбаум, чтобы впустить ее в собственный двор.

- Алиса Дмитриевна, вас из полиции искали! - подал голос охранник из своего угла.

Вот паразит, то сидит со своими кроссвордами, ничего не видит, а тут сразу ее углядел! Алиса буркнула что-то мрачно и поскорее вошла в кабину лифта.

Дома было тихо и пыльно. Алиса прямо в прихожей сбросила с себя всю одежду и скрылась в ванной. А когда вышла оттуда через сорок минут, в комнате надрылся телефон.

Звонил адвокат. Прежде всего он выразил свое неудовольствие тем, что она выключает мобильник - он-де уже второй день до нее дозвониться не может. Затем он сообщил, что квартира эта была снята у владельца ее покойным мужем на короткий срок, который уже истек. Он, адвокат, по доброте душевной замолвил за нее словечко, призвал хозяина квартиры пожалеть новоиспеченную вдову, но договор есть договор. Так что в ближайшие три дня Алиса должна освободить квартиру.

- Черт! - выругалась Алиса, раздраженно бросив трубку. - Черт! Черт! Черт!

Черт не помог. Зато через десять минут раздался звонок в дверь.

- Откройте, полиция! Мы знаем, что вы дома! - послышались грубые крики, и еще бухнули в дверь кулаком со всей дури. Не иначе охранник, скотина, сообщил, что она вернулась.

Алиса едва успела переодеться в джинсы и скромненький темненький свитерок.

На пороге стояли капитан со смешной фамилией, а также еще несколько бравых парней.

- Гражданка Канарская, - официально сказал капитан, - у меня ордер на обыск вашей квартиры...

- Обыск? На каком основании?

- Вы задержаны по подозрению в убийстве вашего мужа Канарского Эдуарда Викторовича.

- Что? - остолбенела Алиса. - Как это? Ведь у меня стопроцентное алиби.

- Алиби ваше трещит по всем швам, - сказал капитан сухо, - и следователь вам это обязательно докажет. Вы заказывали суши уже после того, как был убит ваш муж. Для того чтобы сдвинуть время убийства и обмануть следствие. На самом деле он ел суши в десять утра в ресторане «Семь самураев». У меня два толковых свидетеля, которые видели его там. И точный набор суши - такой же, как заказанный на дом: острый ролл с тунцом и так далее.

От неожиданности Алиса шлепнулась на золоченый пуфик в прихожей, полицейские рассыпались по квартире. Капитан тоже удалился, с Алисой же остался молодой веснушчатый парень с оттопыренными ушами. Он повернулся к Алисе так, чтобы она видела кобуру у него на боку, и грозно нахмурил брови.

Алиса лихорадочно пыталась думать. Проклятый капитан оказался не таким дураком, каким она его посчитала. А скорее всего, он просто упертый, ходил и ходил в дом, рыл землю носом, вот и выяснил, что Эдуард завтракал утром в ресторане. Суши эти он обожал, мог съесть их ужасающее количество, а ее, Алису, просто трясло от запаха сырой рыбы. За это она тоже ненавидела мужа.

- Ну, Алиса Дмитриевна, - сказал капитан, вернувшись, - можете пройти в кабинет, его уже обыскали.

- Нашли то, что вас интересует? - спросила Алиса, стараясь, чтобы голос ее не дрожал.

- Найдем, - сказал капитан. - Найдем, не сомневайтесь. Но даже если не найдем, улики против вас достаточно. Мы знаем, что с мужем у вас отношения были ужасные, что был у вас любовник и что вы хотели от мужа избавиться. В свою очередь, муж хотел вас бросить без средств к существованию и сбежать за границу.

Вероятно, узнав это, вы и решились на преступление. Вы все тщательно продумали. Застрелили мужа, когда он вернулся из ресторана, затем заказали по телефону доставку суши. За те два года, что вы прожили вместе, вы достаточно хорошо изучили привычки и вкусы мужа, поэтому сделали такой же заказ, что был в ресторане «Семь самураев». И не ошиблись. Вы дали посыльному хорошие чаевые, чтобы он вас запомнил. Не скрою: все было проделано мастерски, вам удалось обмануть опытного эксперта. Еще и кондиционер включили на полную мощность, чтобы замедлить процесс разложения и сдвинуть предполагаемое время смерти.

Капитан Перченоч был очень доволен собой, поэтому говорил много и цветисто. Алиса за это время успела собраться с мыслями и несколько успокоиться. Одно она знала твердо: главное - это ни за что ни в чем не признаваться. Стоять на своем: муж очень любил суши и попросил ее заказать их на дом. Она понятия не имела, что он утром ходил в ресторан, он ей про свои планы ничего не говорил. Жили они и правда неважно, муж ее даже бил, о чем она говорила Агнии Иволгиной, но убивать его она не собиралась.

Нанять хорошего адвоката - он от этих косвенных улик камня на камне не оставит.

- Признайте свою вину, Алиса Дмитриевна, - сказал капитан, - лучше признайтесь мне, тогда избежите долгих изнурительных допросов у следователя. Должен вам сказать, что он всегда добивается признания, методы у него... гм... не самые гуманные. Ему главное - мотив найти. А мотив у вас был.

- Но это не я, - Алиса решила сменить тактику, - это все он, Виталик. Он меня обманул, я ему верила, а он... оказалось, что он нарочно меня... со мной... он...

- И какой же у него был мотив? - прищурился капитан.

И в этом взгляде Алиса прочла более откровенный вопрос: «На кой ляд ты ему была нужна?»

- У мужа был камень, - сказала Алиса тихо, - очень дорогой камень, желтый топаз. Он все деньги вложил в него, купил тайно, чтобы никто к нему не цеплялся. И Виталик... и Лапников, он охотился за этим камнем. С этой целью он и ко мне в доверие влез. Но я, я ничего не знала,

я услышала про этот камень только от него! Он угрожал мне, он меня заставил! Он был просто одержим этим камнем! Он говорил, что продаст его выгодно и обеспечит себя на всю жизнь! Это он придумал все с суши! А сам пришел тайно по черной лестнице, чтобы его камеры не видели, и застрелил Эдуарда. А потом сказал, что если я не буду делать как он велит, он все свалит на меня! И пистолет забрал с собой!

«Пистолет... - вспомнил капитан, - Лапников кричал, что она ему пистолет подбросила... мы ему не верили, а может, так и было? Дамочка явно не промах...»

- Устройте нам очную ставку, пусть посмеет сказать, что это не он! - осмелела Алиса.

- Хм... должен сказать, что это невозможно, - помрачнел Перченоч, - дело в том, что ваш... что Виталий Лапников не сможет ничего опровергнуть, поскольку три дня назад он умер в тюремной камере. Остановка сердца.

- Что-о? - Алиса вскочила с места, и такой радостью блеснули ее глаза, что капитан тут же понял, что здорово дал маху. Сказал лишнее. Не нужно было сообщать ей про смерть Лапникова, теперь она все будет валить на него.

Капитан представил, что скажет ему следователь Уткин, и ему стало совсем нехорошо. Алиса, напротив, приободрилась.

- Перченоч, тебя эксперты зовут! - В дверях кабинета стоял веснушчатый парень. - Что-то они на кухне нашли!

Перченоч отсутствовал недолго и вернулся сияющий.

- Ну, Алиса Дмитриевна, - начал он, - на вашей кухне в банке с крупой мы нашли интересные вещи. Как вы объясните вот это?

И он положил перед Алисой паспорт, еще какие-то бумаги и небольшой пластиковый пакетик с чем-то красным.

- Что это? - Алиса смотрела удивленно.

- Вы откройте, откройте...

- И не подумаю. Чтобы вы потом мои отпечатки нашли?

- Ну, эксперты уже обследовали, никаких отпечатков на этих вещах нет.

Капитан сам открыл паспорт и показал Алисе.

- Крохалева Лариса Викторовна, - прочитала она, - и что? В первый раз слышу.

- Но фотография в паспорте ваша, верно ведь?

- Но это не мой паспорт, это фальшивка!

- Правильно, - почти ласково сказал капитан, - этот паспорт фальшивый. И все остальные бумаги - тоже. Но все они нужны были вам, чтобы под именем адвоката Крохалевой проникнуть в тюрьму на свидание к Виталию Лапникову.

- Зачем? - Алиса почувствовала, что пол под ней ходит ходуном, как при землетрясении.

- Затем, - обстоятельно заговорил капитан, - что остановка сердца - диагноз очень расплывчатый. И судебно-медицинский эксперт провел кое-какие дополнительные исследования. И выяснил, что, возможно, Лапникову в кровь ввели препарат, который вызывает сильнейший выброс адреналина, вот сердце и не выдержало. Достаточно было простой царапины, которая и была обнаружена на трупe Лапникова. А в ней - крошечный кусочек накладного ногтя, - он постучал по пакету, и Алиса наконец поняла, что красное - это накладные ногти.

- Ноготь был отравлен. Вы вроде бы случайно оцарапали им Лапникова при свидании, и вечером он умер.

- Но я этого не делала! - крикнула Алиса. - Я вообще не была в тюрьме, зачем мне это...

- Я уже говорил, - кротко напомнил капитан Перченoк, - чтобы отравить Лапникова. Он был для вас опасен, он говорил, что не убивал вашего мужа, твердо стоял на своем. Вот вы и решили устранить его, чтобы потом свалить на него убийство. Не отпирайтесь, Алиса Дмитриевна, вот они, доказательства... - он похлопал рукой по пакету.

- Но я понятия не имею, как это очутилось у меня, мне все это подбросили!

- Так же как вы подбросили Лапникову пистолет? - спросил Перченoк обманчиво мягким голосом. - Принесли и спрятали в ванной. А потом позвонили с чужого телефона и сообщили, что убийца - он. Так было дело? Так чего ж вы удивляетесь? Вы - женщина решительная, деловая, сделали свое дело, да и припрятали пакетик и документы - мало ли, вдруг еще понадобятся...

- Да откуда бы я все это взяла? - Алиса вскочила с места и наткнулась на железное плечо Перченка. - Понятия не имею ни о каком препарате! Никогда о нем не слышала!

- С этим не ко мне, - сурово сказал капитан и твердо усадил ее на место, - с этим вы со следователем будете разбираться. А для него, как я уже говорил, главное - мотив найти. А мотив для убийства Лапникова у вас очень даже хороший! Так что на этом, гражданка Канарская, мы тут разговор заканчиваем, собирайтесь, поедете с нами.

- Но постойте! - Алиса чувствовала себя так, будто с размаху пытается разломать голыми руками каменную стену, и руки уже не действуют, так что она долбит и долбит стену лбом. - Подождите, я вас прошу! Ладно, - сказала она, помолчав, - я признаюсь. Это я убила мужа. Я застрелила его из его же собственного пистолета, потому что он был мерзавец и скотина. Он бил меня и угрожал выгнать ни с чем. И, как оказалось, собрался сбежать, да вы верно об этом знаете, общались с этой Маргаритой...

- Ну да... - буркнул капитан.

- Дура такая, думала, что он меня бросит и на ней женится. Да нужна она была ему, он собирался один улететь...

«Это точно», - подумал капитан.

- Ну да, я все придумала насчет суши, а потом подбросила пистолет этому дураку Виталику! Он тут его рассматривал, в руки брал, ну идиот просто!

«Тоже верно», - подумал капитан.

- Но я богом клянусь, что не была у него в тюрьме и не знаю, откуда взялись у меня все эти вещи!

- Бог в данном случае не свидетель, - сухо сказал капитан Перченко, - бога сюда не приплетайте. Ему не удастся вручить повестку. И вообще собирайтесь, гражданка Канарская, и так уже сколько времени мы тут с вами провели.

- Вы мне не верите...

- Разумеется, не верю после всего, что вы устроили. Ну да ладно, следовательно разберется!

Алиса почувствовала, что из нее будто вытащили все кости. Все конечности стали мягкие и непослушные, как у тряпичной куклы. Она позволила отвести себя к машине и все думала по пути: как же так? Как все эти вещи оказались у нее в квартире? И главное: зачем? Кому, кроме нее, было нужно, чтобы Виталик молчал?

Ответов на эти вопросы у нее не было.

Елена Юрьевна отстранилась от микроскопа и подняла глаза на Лизу.

- Ты подчистила все следы? - спросила она своим глубоким музыкальным голосом.

- Да, конечно, - кивнула Лиза, - Виталик убит, его смерть я повесила на Алису Канарскую, подбросила ей в квартиру документы адвоката и накладные ногти, так что ни одна ниточка не приведет к нам. Вот только с камнем полный провал... он исчез, и теперь никто не сможет сказать, где он находится.

- Ничего, с камнем... точнее, с камнями мы разберемся. Эта история тянется почти две тысячи лет, так что особой спешки нет, - Елена Юрьевна улыбнулась одними губами, почесала за ухом собаку, - ладно, я продумаю наши дальнейшие действия.

Собака повела ухом, пару раз лениво стукнула по полу хвостом.

- Хороший пес, хороший! - ласково пробормотала женщина.

«Сдает Елена Юрьевна, - подумала Лиза, внимательно наблюдая за своей хозяйкой, - нет в ней прежней энергии, нет прежней жесткости. Сентиментальна становится. Пора ей на покой... хотя люди ее профессии на покой не уходят. Их на покой отправляют... вперед ногами».

Вслух, разумеется, она ничего подобного не сказала - еще не хватало, она себе не враг. Даже голову наклонила низко-низко, чтобы Елена Юрьевна не смогла ничего прочитать по глазам.

Агния вышла из театра и направилась к своей машине. Она достала из кармана брелок сигнализации, но брелок выпал у нее из руки. Агния наклонилась, подняла брелок и снова его уронила. Только тогда она поняла, что руки у нее трясутся.

Ну да, ничего удивительного после стресса, который ей только что пришлось пережить в театре...

Она снова увидела красные воспаленные глаза убийцы, его окровавленные губы, сложившиеся в издевательскую улыбку, услышала его шепот...

«Твой дед... ты хочешь знать, кто его убил?.. Спроси свою подругу...»

Откуда он знал о смерти ее деда? Какую подругу он имел в виду? Для чего он сказал ей это в последние секунды своей жизни? Чтобы отравить ее мозг, чтобы лишить ее покоя?

Что бы там ни было, но он унес свою тайну в могилу, ей придется смириться с этим и жить дальше. А пока... в таком состоянии нельзя садиться за руль. Если, конечно, она не хочет попасть в аварию. Нужно успокоиться, взять себя в руки, снять стресс...

Агния увидела в двух шагах небольшое кафе и подумала, что это – то, что ей сейчас нужно. Спокойно посидеть полчаса, выпить чашку кофе, съесть что-нибудь вкусное... сладкое замечательно снимает стресс! После этого она станет другим человеком и сможет спокойно доехать до дома.

Она вошла в кафе, села за столик возле окна.

Кафе было почти пустым, и к ней тут же подошла высокая смуглая официантка. Агния заказала большую чашку кофе, вишневый пирог. Подумала и добавила фруктовый десерт со взбитыми сливками.

Смуглая девушка быстро принесла ее заказ.

Агния откусила кусочек пирога, еще кусочек, отпила кофе. Она удивилась, что после всего, что ей пришлось перенести в театре, способна есть. Впрочем, где-то она читала, что опасность, близость смерти удивительно усиливают аппетит.

Пирог был вкусный, а кофе – просто удивительный, крепкий, сладкий и ароматный. Агния подумала, что никогда не пила такого хорошего кофе. Хотя нет – пила, но вот только, где и когда, она никак не могла вспомнить. Она пыталась вспомнить это, но с ее памятью что-то случилось, она вспоминала что-то небывалое и не могла вспомнить самых обычных вещей, мысли странным образом разбегались. Перед глазами у Агнии мелькали какие-то смуглые лица... пожилая женщина с красивым значительным лицом...

Вдруг голова у нее закружилась, стены кафе поплыли перед глазами, все быстрее и быстрее...

Агния успела подумать, что всему виной слишком крепкий кофе, – и тут же потеряла сознание.

Беспамятство было недолгим. Агния пришла в себя и услышала какую-то необычную музыку.

Она открыла глаза, приподнялась и с удивлением огляделась по сторонам. Она лежала на необычном ложе с приподнятой спинкой. Ложе это находилось в большой полутемной комнате без окон, освещенной несколькими свечами в массивных серебряных подсвечниках. Свечи эти распространяли странный волнующий аромат, вызывавший у Агнии смутные, не передаваемые словами воспоминания. Словно она пыталась вспомнить что-то очень важное и очень давнее, что-то, бывшее задолго до ее рождения. Что-то, случившееся сотни, а может быть, даже тысячи лет тому назад.

А еще – музыка... эта музыка доносилась откуда-то из-за стены – странная, волнующая, ни на что не похожая...

Агния была испугана – а кто бы не испугался на ее месте?

Что это за место? Как она здесь оказалась? Что ее ждет?

Тут она вспомнила театр, вспомнила смерть Зинаиды Андреевны... там, в театре, случилось еще что-то важное, очень важное...

Она сунула руку в карман - и нашла там камень.

Камень, который украшал бутафорскую корону, но сам отнюдь не был бутафорским.

Из этого камня в ее руку перелилось живое тепло, разлилось по всему ее телу - и страх отступил, Агния почувствовала себя сильной и уверенной в себе. Теперь она была готова встретить любую опасность, готова противостоять любой угрозе.

Она спустила ноги, встала на каменный пол. В нескольких шагах от своего ложа она увидела полуоткрытую дверь.

Именно оттуда доносилась странная музыка.

Агния подошла к двери, решительно толкнула ее, шагнула вперед - и оказалась в большом, длинном зале со сводчатым потолком, который подпирали два ряда черных мраморных колонн. В глубине этого зала виднелся позолоченный алтарь, и там, в дальнем конце зала, звучала удивительная, неземная музыка. Как и в прежней комнате, в этом зале не было окон, неяркий золотистый свет лился откуда-то сверху, из-под сводчатого потолка.

- Здравствуйте, Агния! - раздался рядом с ней знакомый, звучный и глубокий голос.

Она повернулась и увидела в двух шагах от себя смуглую пожилую женщину - Ануш Арсеновну.

Сегодня Ануш выглядела совсем не так, как в их прошлую встречу.

Она была облачена в длинные темные одежды из тяжелого шелка, расшитого золотыми звездами, на голове ее красовался золотой венец, усыпанный самоцветами. В этом одеянии она казалась не смуглой восточной старухой, а величественной жрицей, лишенной возраста, вечной и бессмертной.

- Так это вы? - пробормотала Агния. - Как я сразу не догадалась... смуглая официантка, удивительный кофе... мне что-то подсыпали в этот кофе, чтобы привезти сюда...

- Простите, Агния, нам пришлось это сделать. Мне обязательно нужно было встретиться с вами.

- Ну да, а для этого меня нужно было отключить. Скажите, вы всех гостей так к себе доставляете?

- Простите, - повторила Ануш, но ни в голосе ее, ни во взгляде не было раскаяния.

- Чего уж там... все равно ничего уже нельзя изменить. Скажите лучше - что это за место?

- О, это одно из тайных святилищ нашей церкви.

- И что - много у вас таких храмов по всему свету?

- Достаточно много. Но я не об этом хотела с вами поговорить.

- Не об этом? - Агния искоса взглянула на собеседницу. - А о чем же?

Она догадывалась, о чем хотела поговорить Ануш.

О камне.

Каким-то образом она узнала, что «Заря Востока» у нее, и теперь хочет получить камень...

Впрочем, она могла просто взять его, пока Агния была без сознания. Странно, что она этого не сделала.

Агния снова запустила руку в карман, дотронулась до камня, чтобы еще раз убедиться, что он на месте. Она почувствовала его тепло - и поняла, что не хочет отдавать камень. Она никому его не отдаст, этот камень - ее и только ее...

При мысли о том, что камень придется отдать, Агния почувствовала гнев и возмущение.

Почему она должна расставаться с ним? Топаз стал частью ее, она связана с ним незримыми нитями, и никому, никому его не отдаст! Она скорее умрет, чем расстанется с этим камнем!

И вдруг живое тепло, только что исходившее от камня и наполнявшее все ее существо, каждую его клетку, начало пульсировать, угасать, потом оно совсем погасло - и теперь камень испускал холод, страшный, безжизненный холод смерти...

«Что же я наделала? - подумала Агния в ужасе. - Своей жадностью, своим беспричинным гневом я убила священный камень, как убивают живое существо, как убивают ребенка... если нужно, я должна отдать камень этим людям...»

И вдруг камень в ее руке начал оттаивать, начал теплеть - и вот снова он испускает живое волшебное тепло...

Агния взглянула на Ануш, хотела что-то сказать ей, что-то объяснить - но встретила взгляд женщины, полный понимания и сочувствия, и поняла, что говорить ничего не нужно, что Ануш знает, что только что произошло в душе Агнии...

- Не нужно ничего говорить, - подтвердила Ануш ее догадку, - пойдем со мной, ты должна увидеть одного человека... одного человека и одну книгу.

- Человека? Книгу? - переспросила Агния, но Ануш не ответила ей, она быстро шла между двумя рядами черных колонн к алтарю.

С каждым шагом музыка становилась все громче, Агния была захвачена ее удивительной, дикой и величавой красотой. Казалось, эта музыка звучала на земле в те бесконечно далекие времена, когда не было еще людей, когда на земле хозяйничали только дикие звери и могущественные силы природы...

Да, вот что это была за музыка - музыка стихии, музыка осеннего ветра, музыка зимней бури и благодатного весеннего ливня...

Наконец две женщины подошли к алтарю.

На алтаре лежала огромная золотая книга.

Перед самым алтарем стоял, смиренно опустив голову, сутулый, очень старый человек в

грубом холщовом рубище. Женщины встали чуть в стороне, отсюда им были видны и книга, и сутулый старик.

Старик поднял голову, и Агния с удивлением поняла, что он совершенно слеп. Под его морщинистыми веками были белые, мутные, лишенные зрачков глаза.

И он, этот слепой старик, протянул руки к золотой книге.

Зашелестели страницы, и книга сама раскрылась перед ним.

- Как он будет читать, - прошептала Агния, - ведь он слеп?

- Тише! - шикнула на нее Ануш. - Это - древний оракул нашей Церкви, Золотая Книга Востока, и читать ее можно только сердцем. Обычное зрение только мешает.

И правда, старик начал читать, скользя по странице книги своими морщинистыми руками.

Он произносил слова на незнакомом Агнии языке - и с каждым словом в зале становилось все светлее. Наконец свет стал таким нестерпимым, что Агния закрыла глаза...

И тут же старец замолк, и удивительный свет погас.

Агния открыла глаза.

Старец исчез, и книги на алтаре не было.

- Где он? - прошептала Агния. - Где книга?

- Великий старец вернулся к себе. Он живет на одной из горных вершин в Малой Азии. Он пришел к нам только для того, чтобы прочесть предсказание Золотой Книги, касающееся тебя и священного камня по имени «Заря Востока».

Агния почувствовала в голосе Ануш странные интонации - как будто та была удивлена и расстроена тем, что услышала.

- И что же он прочел? - спросила девушка.

- Он прочел... - Ануш на мгновение замялась. - Он прочел, что мне... нам не следует забирать у тебя камень. Хотя этот камень - великая святыня нашей Церкви, но ты связана с ним нитями судьбы. С ним и с тремя другими камнями. «Заря Востока» останется у тебя - до тех пор, пока ты не найдешь остальные камни.

Агния почувствовала радость - и страх.

Радость от того, что удивительный камень останется у нее и ей не придется с ним расставаться.

Страх - от того, что ей предстоит огромный труд, на нее возложена тяжелая миссия. Миссия, которая не под силу одному человеку, обычному человеку...

Она хотела что-то сказать Ануш, хотела возразить, хотела отдать той камень... но вдруг на зал обрушилась непроглядная темнота, музыка стихла...

И в следующую секунду Агния очнулась.

Она сидела за столом в кафе, на столике перед ней стояла пустая чашка из-под кофе.

- Вы задремали? - спросила ее, подходя к столу, смуглая официантка. - Может быть, еще что-нибудь принести?

- Спасибо, больше ничего не нужно! - смущенно проговорила Агния.

mir-knigi.org